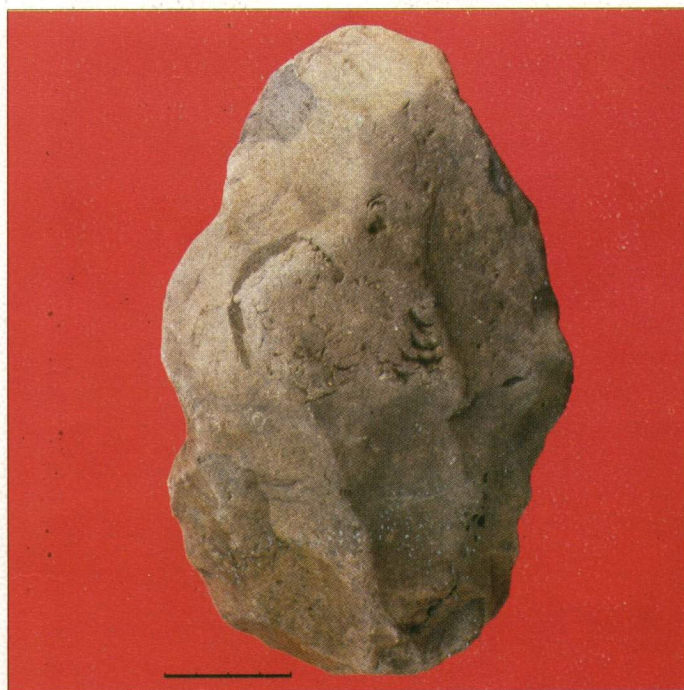

**В. П. ЛЮБИН
Е. В. БЕЛЯЕВА**

**РАННЯЯ
ПРЕИСТОРИЯ
КАВКАЗА**

ARCHAEOLOGICA

PETROPOLITANA

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE MATERIAL CULTURE HISTORY
PROCEEDINGS. VOLUME XXII**

V. P. LIOUBINE, E. V. BELIAEVA

EARLY PREHISTORY OF THE CAUCASUS

St.-Petersburg
2006

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ТРУДЫ. ТОМ XXII

В. П. ЛЮБИН, Е. В. БЕЛЯЕВА

РАННЯЯ ПРЕИСТОРИЯ КАВКАЗА

*В библиотеку Института
Геологических Наук
РАН РА
от авторов
В. Любин
Е. Беляева*

Санкт-Петербург
4006

7995
5867

УДК 930.26
ББК Т4(2)

*Издание подготовлено при финансовой поддержке
Программы фундаментальных исследований Президиума РАН
«Этнокультурное взаимодействие в Евразии»*

В. П. Любин, Е. В. Беляева. Ранняя преистория Кавказа. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. — 108 с. (Archaeologica Petropolitana, XIX).

Книга посвящена ранней преистории Кавказа, периодам нижнего и среднего палеолита, когда территорию региона засели предшественники современного человека — архантропы и палеоантропы (неандертальцы). Заселение Кавказа, начиная с первого проникновения сюда ранних людей в самом начале плейстоценового периода, около 1,8 млн. лет назад, рассматривается в тесной связи с глобальными и региональными изменениями природной обстановки и доступностью природных ресурсов. Исследуются вопросы о путях и хронологии освоения отдельных частей региона ранними людьми, о моделях обитания и использования ландшафтов, о факторах формирования разных каменных индустрий и т. д.

Книга ориентирована не только на специалистов по преистории, палеогеографии и геологии четвертичного периода, но и на более широкий круг читателей — студентов, преподавателей, любителей истории.

На первой странице обложки: ручное рубило из местонахождения Даштадем 1 (Лорийский р-н Армении).

Корректор и редактор — *Т. Г. Бугакова*
Технические редакторы — *Г. В. Тихомирова, М. В. Вялкина*

Макет подготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»
191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18

Подписано в печать 31.05.2006. Формат 60×90 ¹/₈. Гарнитура основного текста «Таймс»
Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 13 ¹/₂ печ. л. Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии СПб ИИ РАН «Нестор-История»
197110 СПб., ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812) 235-15-86

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена.

Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издательства.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape, mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission in writing form of the publishing house.

ISBN 5-85803-321-0

© В. П. Любин, Е. В. Беляева, 2006
© Петербургское Востоковедение, 2006

Зарегистрированная торговая марка

*Светлой памяти безвременно ушедшего из жизни
талантливейшего исследователя палеолита Грузии Залико Кикодзе*

Введение

В данной книге ранняя преистория Кавказа рассматривается как период продолжительностью немногим менее 2 млн. лет — начиная с первого установленного на сегодня проникновения на эту территорию архаичных людей-гоминид (архантропов), соотносимых с видом *Homo ergaster*, или ранней формой вида *Homo erectus* и вплоть до появления здесь древних представителей современного человечества (*Homo sapiens*) (рис. 1). С точки зрения геологической истории и геохронологии ранняя преистория Кавказа охватывает самый конец верхнего плейстоцена и практически весь плейстоцен (четвертичный период) со всеми их подразделениями, отражающими сложную динамику ландшафтно-климатических условий в общепланетарных масштабах. Археологически этот огромный временной интервал соответствует двум первым и наиболее продолжительным разделам древнекаменного века, или палеолита, — нижнему и среднему палеолиту (рис. 2).

Предлагаемая книга является первым опытом сведения воедино современных представлений о ранних этапах преистории Кавказа. Несмотря на грандиозный временной диапазон рассматриваемого периода, работа имеет довольно небольшой объем, и исследователи-профессионалы будут, вероятно, критиковать ее за неполноту приводимой информации и отсутствие развернутого анализа. Такой стиль изложения, однако, был выбран авторами вполне сознательно. Главной целью книги является широкое обобщение и интерпретация основных археологических и естественнонаучных данных, а не детальное описание исходных материалов, которое можно найти в соответствующих специальных публикациях. Кроме того, авторы стремились донести накопленные знания и собственные разработки по ранней преистории Кавказа не только до коллег-специалистов, но и до более широкого круга читателей. Подобная задача также обусловила известное упрощение изложения материалов и даже отказ от обсуждения отдельных наиболее сложных вопросов. Так, мы не касаемся, в частности, дискуссий по поводу методик построения климатостратиграфической шкалы или технико-морфологического анализа каменных изделий. В то же время, в книге приводится немало сведений и разъяснений, совершенно излишних для профессионалов, но,

очевидно, необходимых для менее искушенных читателей.

Нижний, или ранний палеолит представляет собой очень продолжительный период крайне медленного развития материальной культуры, параллельно которому происходил и процесс антропогенеза, то есть физической эволюции человека от архаичных форм к более развитым (рис. 1, 2). Начальный этап нижнего палеолита характеризуется наиболее простыми каменными инструментами из грубо расколотых или оббитых галек («галечные индустрии»). На африканском континенте, признанном современной наукой прародиной человечества, первые такие орудия стали изготавливаться около 2,6 млн. лет назад, и связываются они с разными формами ранних гоинид — от развитых австралопитеков до ранних *Homo erectus*. Наиболее хорошо изученные коллекции подобных изделий происходят из ущелья Олдувай (Танзания), где имеются различные типы галек с рубящими лезвиями и остриями (чопперы), грубые скребки и ряд мелких орудий на отщепках, скальвавшихся с желваков-ядрищ. Соответственно, галечные индустрии такого рода принято называть «олдувайскими». На следующем этапе — в Африке около 1,8 млн. лет назад, а в Южной Евразии, включая Кавказ, позднее — начинается развитие так называемых «ашельских» каменных индустрий. В это время появляется более разнообразный и сложный инструментарий, включающий как крупные рубяще-режущие орудия, так и набор разнофункциональных орудий на отщепках. Наиболее показательными среди макроорудий являются ручные рубила — крупные, полностью или почти сплошь оббитые орудия с двумя боковыми рубяще-режущими лезвиями, сходящимися в виде острия или закругленного конца (рис. 19—22, 29—35, 38, 39). Для ашельского периода прослеживается общая тенденция постепенного развития техники раскалывания камня и оформления орудий — от грубой оббивки к тщательной обработке более мелкими сколами, включая ретушь. Параллельно происходило медленное совершенствование форм изделий (меньшая массивность, правильность очертаний, выравнивание лезвий и т. п.). Индустрии ашельского типа связаны, как правило, с *Homo erectus* или близкими разновидностями архантропов.

Примерно 250—200 тыс. лет назад на смену каменным индустриям с крупными рубящими орудиями начали приходить индустрии другого типа. Их отличает то, что практически исчезают макроорудия, но зато становится еще более разнообразным и отчасти стандартизированным набор орудий на сколах, среди которых обычно доминируют разные типы скребел и остроконечников (рис. 43—50). Абсолютное большинство орудий изготавливалось из довольно тонких отщепов и пластин, получаемых при использовании специальных приемов расщепления каменных ядрищ (иначе — нуклеусов), и оформлялось различными видами ретуши (серии микросколов). Этот период выделяется под названием среднего палеолита. Антропологические находки, сопутствующие каменным индустриям среднепалеолитического типа, принадлежат, как правило, людям неандертальского типа. В некоторых случаях, в частности на Ближнем Востоке, есть свидетельства того, что в период развития среднепалеолитических каменных индустрий появились уже и люди современного антропологического типа. Однако в большей части евразийской среднепалеолитической ойкумены, включая Кавказ, это был период господства неандертальского населения. Средний палеолит завершается в целом на рубеже 40—30 тыс. лет назад, когда начинается активное распространение и окончательное закрепление на просторах Евразии людей современного типа. Это происходило параллельно с коренными изменениями как в материальной, так и в духовной культуре, среди которых более совершенные технологии изготовления каменных изделий и переход к обработке кости, появление и развитие изобразительного искусства, домостроительства и ряд других инноваций. Данный период, именуемый верхним палеолитом, находится уже за пределами намеченных нами рамок ранней преистории.

На Кавказе к настоящему времени открыты десятки памятников нижнего и сотни памятников среднего палеолита. Они представляют собой культурные остатки поселений-стоянок, сохранившиеся в разновременных геологических слоях, или же пункты с поверхностными скоплениями характерных для этих периодов каменных изделий. Поверхностные местонахождения являются результатом разрушения культурных слоев поселений или стоянок-мастерских у выходов каменного сырья из-за воздействия на них самых разных естественных и искусственных факторов (водная эрозия, оползни, строительные работы и т. п.). Кавказ относится к числу наиболее богатых ниже- и среднепалеолитическими памятниками регионов Евразии, что и позволило обратиться к проблеме реконструкции ранних этапов его преистории. Данная проблема включает следующие аспекты: палеогеографические и палеоэкологические особенности Кавказа на ранних этапах его заселения; пути и этапы распространения в регионе различных палеолитических индустрий и антропологический тип их носителей; связь с сопредельными территориями и специфические черты кавказских ин-

дустрий; формы адаптации к среде обитания, включая модели обитания и использования природных ресурсов.

Мы не можем, к сожалению, в равной мере осветить все перечисленные аспекты, поскольку этому препятствуют объективная фрагментарность палеолитических остатков, а также неравномерная изученность палеолита региона и определенные различия в методах изучения и интерпретации данных. Тем не менее тщательная ревизия всей накопленной на сегодня информации наряду с новыми целенаправленными исследованиями, которые проводились в рамках специальной программы Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии», позволяют прояснить ряд вопросов, имеющих ключевое значение для поставленной проблемы. Результатом этой работы и стала данная книга, где впервые сделана попытка рассмотреть и осмыслить раннюю преисторию Кавказа в контексте евразийской палеолитической ойкумены.

Авторы выражают глубокую благодарность за приглашение участвовать в названной программе ее кураторам академику РАН А. П. Деревянко и чл.-кор. РАН Х. А. Амирханову, а также коллегам и учреждениям, обеспечившим возможность широких полевых исследований и других изысканий по нижнему и среднему палеолиту Кавказа, — А. Б. Белинскому (ГУП «Наследие», Ставрополь), С. А. Асланяну (Санкт-Петербургский филиал МОО «Центр политических и стратегических исследований»), Е. М. Колпакову (АНО «Современные археологические технологии»), Б. Ж. Мальсагову (Археологический Центр Республики Ингушетия) и Н. И. Гиджрати (Институт истории и археологии Республики Северная Осетия). Мы чрезвычайно признательны всем, чья любезность и действенная помощь позволили ознакомиться с большим объемом различных палеолитических коллекций, — А. М. Тария и М. К. Хотелашвили-Инал-Ипа (Абхазский Государственный музей), А. К. Джафарову (Институт археологии и этнографии Академии наук Азербайджанской республики), З. К. Кикодзе и Н. Д. Тушабрамишвили (Государственный музей Грузии), М. Г. Ниорадзе (Центр археологических исследований Академии наук Грузии), Б. З. Гаспаряну (Институт Археологии и Этнологии Национальной Академии Наук Армении), Н. И. Бессарабовой и Э. П. Аутлевой (Национальный музей Адыгеи). Горячо благодарим также коллег, принимавших непосредственное участие в наших работах или способствовавших их проведению, — Я. Б. Березина («Наследие», Ставрополь), канд. геол.-минерал. наук Б. Л. Годзевича (Ставропольский Государственный университет), И. В. Отюцкого и канд. биол. наук А. К. Швыреву (Ставропольский Государственный краеведческий музей), доктора ист. наук В. А. Кузнецова (Минеральные Воды), Т. В. Сазонову (Минераловодский краеведческий музей), канд. ист. наук В. В. Бжания (Управление охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия), а также многих и многих других помощников и друзей, перечисление имен которых заняло бы не одну страницу.

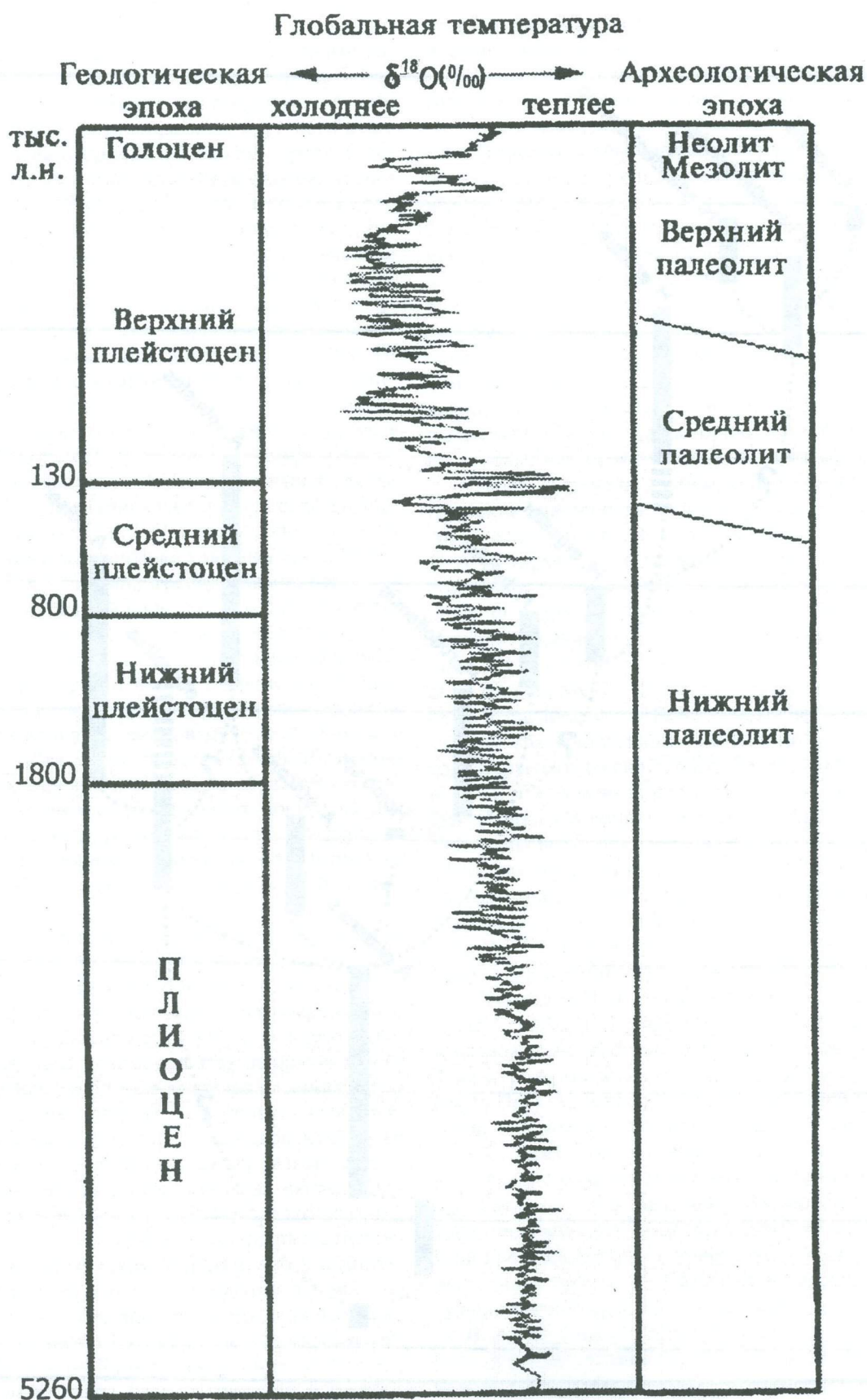

Рис. 2. Природный фон преистории: корреляция археологических эпох с геологической шкалой и кислородно-изотопной кривой, отражающей изменения климата (по: [Вишняцкий 2002], с модификацией)

Глава 1

Географический очерк современного Кавказа и динамика природных условий в плейстоцене

Этапы заселения и освоения Кавказа ранними людьми должны, на наш взгляд, рассматриваться на фоне динамики природных условий, то есть в связи с геологической и палеогеографической историей региона, начиная с конца верхнего плиоцена и в течение плейстоцена. Подобная ретроспектива не может, разумеется, не отталкиваться от современной географии Кавказа.

Понятие «Кавказ» в его узком смысле обозначает огромную горную страну, которая протянулась в субширотном направлении от Черного моря до Каспийского. Однако это название издавна распространяется и на территории, примыкающие с севера и юга к Кавказским горам [Гвоздецкий, Голубчиков 1987]. В современной географии Кавказом называется территория всего черноморско-каспийского перешейка, расположенного между этими морями и соединяющего Русскую равнину с Ближним Востоком. Северной границей Кавказа считается Кумо-Маньчская впадина, а южной — р. Аракс (рис. 3). Эти границы, хотя и являются естественными рубежами, в очень значительной мере условны, поскольку природные условия по обе стороны их принципиально не отличаются [Гвоздецкий 1963]. Северные предкавказские равнины по своему строению и природным условиям являются, по сути, южной частью Русской равнины, а нагорья Закавказья фактически принадлежат к системе нагорий Передней Азии [Думитрашко и др. 1966; Гвоздецкий, Голубчиков 1987].

В то же время, внутри самого региона наблюдаются очень разнообразные и довольно контрастные физико-географические условия. На территории Кавказа выделяют до 15 типов природных зон — от субтропических лесов до степей и от полупустынь до альпийских лугов [Гулисашвили 1954]. В изменчивости климата и ландшафтов отразились, разумеется, значительная протяженность перешейка с севера на юг, открытость его сопредельным территориям, а также влияние окружающих крупных морских бассейнов на движение воздушных масс и распределение осадков. Однако глав-

ным фактором разнообразия природных условий Кавказа считается все же его горный рельеф [Гвоздецкий 1963: 42]. Если соседствующий с Русской равниной Северный Кавказ подвержен климату умеренных широт, то за высокогорным барьером хребтов Большого Кавказа начинается зона субтропического климата. В Закавказье важную роль играет субмеридиональный Сурамский (Лихский) хребет, отделяющий влажную причерноморскую Колхиду от сухих субтропиков и полупустынь Прикаспийской низменности [Думитрашко 1977: 79]. Другие, менее крупные, хребты и поднятия тоже влияют в той или иной мере на циркуляцию теплого и холодного воздуха и влаги, являясь климаторазделами местного значения. Благодаря этому разница природных условий нередко наблюдается даже при переходе с одной стороны какого-либо хребта на другую.

Горный рельеф обуславливает также высотную зональность климата и ландшафтов, то есть изменения их по мере увеличения высоты. При подъеме от предгорной полосы к вершинам гор природные условия постепенно меняются — начиная от зоны лесов или лесостепей и вплоть до альпийских лугов и вечных снегов. Структура высотной зональности в разных областях Кавказа варьирует как по количеству выделяемых зон, так и по их природным особенностям. Так, только в горах Большого Кавказа выделяется пять основных типов высотной зональности ландшафтов. Они отличаются по рельефу, видам почв, облику растительности и составу обитающего в них животного мира [Гвоздецкий, Голубчиков 1987]. Совокупное сочетание и проявление всех перечисленных факторов приводит к огромному разнообразию и мозаичному распределению природных условий в пределах Кавказа.

Ведущая роль рельефа в формировании природных особенностей Кавказской горной страны требует особое внимание на закономерности его строения и основные морфоструктуры, т. е. наиболее крупные формы рельефа (рис. 3). Главным орографическим элементом здесь является, как уже говорилось, система

хребтов Большого Кавказа, которая простирается поперек перевалов в субширотном направлении — с северо-запада на юго-восток. Центральное положение в системе хребтов Большого Кавказа занимает Главный, или Водораздельный хребет. К северу от него в параллельном направлении протягивается Передовой хребет, восточнее горы Эльбрус именуемый Боковым. К этим основным хребтам примыкает ряд поперечных и боковых хребтов. В продольном направлении Большой Кавказ подразделяют обычно на Западный, Центральный и Восточный. Границы между ними проводятся через вулканические горы Эльбрус и Казбек. Центральный Кавказ является наиболее высокогорным: здесь сосредоточены вершины, высота которых превышает пять километров, и наиболее развиты ледники. Как часть Альпийского (Средиземноморского) пояса горообразования поднятие Большого Кавказа находит свое продолжение как на западе — в горах Крыма, так и на востоке — в подводном пороге Каспийского моря, а далее в Средней Азии, в горах Большого Балхана и Копетдага [Гвоздецкий, Голубчиков 1987].

Северный склон Большого Кавказа является относительно пологим. Высокогорная цепь Главного Кавказского хребта здесь обрамлена серией субпараллельных ему и понижающихся к северу куэстовых хребтов — Скалистого, Пастбищного и Лесистого (иначе — Черные горы) и разделяющих их межгорных депрессий. К системе Большого Кавказа относят также невысокие Терский и Кабардино-Сунженский хребты. По мере продвижения к северу рельеф постепенно становится все более низкогорным, плавно переходя в предгорные наклонные равнины Предкавказья, смыкающиеся со степями Русской равнины. К югу от Главного хребта рельеф меняется более резко. За высокогорными цепями там находится обширная Закавказская депрессия, состоящая из двух крупных низменностей, разделенных расположенным субмеридионально средневысотным Сурамским, или Лихским, хребтом. В восточной части депрессии располагается Прикаспийская низменность, которая по названию занимающих ее долин рек Куры и Аракса именуется также Куро-Араксинской. Западная, причерноморская низменность издавна называется Колхидской, однако порой ее обозначают как Рионскую, поскольку здесь находится долина реки Риони. Юго-западнее этой депрессии расположена другая горная область — так называемое Закавказское нагорье, которое подразделяется на вулканическое нагорье с обширнейшими лавовыми покровами и многочисленными вулканическими конусами и окаймляющие его с севера и северо-востока хребты Малого Кавказа. В этом вулканическом нагорье принято вычленять две основные части — Ахалкалакско-Джавахетское (Южно-Грузинское) нагорье на севере и Центрально-Армянское на юге. В таких подразделениях имеется известная условность, поскольку выделение их проводилось с учетом политических границ — между бывшим СССР и Турцией, а также между Арменией и Грузией. Как уже указывалось выше, вся эта область представляет собой северо-вос-

точную часть очень обширного Армянского нагорья, входящего в систему нагорий Передней Азии [Гвоздецкий 1954; Гвоздецкий, Голубчиков 1987]. С другой стороны, как Ахалкалакско-Джавахетское, так и Центрально-Армянское нагорья, в свою очередь, включают в себя структуры более низкого ранга, часть которых также именуется нагорьями (например, Гегамское нагорье, Вардениское нагорье) [Бальян 1969].

Важно подчеркнуть, что основные геологические морфоструктуры Кавказа — горные сооружения и депрессии — прямо отражают его тектоническое строение. Субширотное расположение этих морфоструктур, а также их характер обусловлены продольными (общекавказскими) складками и разломами земной коры (рис. 4Б). Большую роль играют, однако, и поперечные разломы, которые вместе с продольными образуют систему блоков, или микроплит, испытывающих как поднятия, так и погружения. Эта система во многом обусловила колечатое строение современной речной сети Кавказа. С поперечными разломами связаны морфоструктуры «антикавказского» простирания, то есть расположенные перпендикулярно к оси Большого Кавказа. Крупнейшей из них, объединяющей фактически несколько таких морфоструктур, является Транскавказское поперечное поднятие [Милановский 1968; Думитрашко и др. 1977]. В Закавказье Транскавказское поперечное поднятие выражено субмеридиональной цепочкой вулканических массивов Центрально-Армянского и Ахалкалакско-Джавахетского нагорий и Сурамским (Лихским) хребтом, далее — наиболее приподнятым центральным участком Большого Кавказа с Казбекским и Эльбрусским вулканическими массивами, а на северном склоне — Минераловодскими субвулканическими горами и Ставропольской возвышенностью.

В основе этой зоны поднятий и вулканизма лежит серия глубинных субмеридиональных разломов земной коры (рис. 4Б). Строение и продолжающееся развитие зоны Транскавказского поперечного поднятия обусловлено медленным, но неуклонным движением на северо-восток Аравийской плиты, которая подобно клину врезается в микроплиты, слагающие Малый и Большой Кавказ (рис. 4А). В современном понимании это «коллизонная структура типа континент-континент» [Philip et al. 1989], то есть структура, связанная с дрейфом и столкновением континентов. Данная зона фактически является северным продолжением Африкано-Аравийского рифтового пояса, который также отражает глубинный разлом глобального масштаба [Милановский 1976]. Кавказский сегмент связан с ним через тектонические структуры турецкой части Армянского нагорья (Восточная Анатолия) (рис. 4). Крупные разломы проходят по обе стороны вытянувшейся с юго-запада на северо-восток дуги хребтов Армянского Тавра, окаймляющей нагорье с юга. Как давно было отмечено целым рядом исследователей, на юго-западе эти тектонические швы подходят к восточному побережью Средиземного моря, где соединяются с Сирийско-Аравийским разломом [Бальян 1969: 70]. По восточноанатолийским субмеридиональным разломам

заложены долины крупных рек — Западного и Восточного Евфрата и верховий Аракса. Истоки Восточного Евфрата, или, иначе, Мурада, расположены в непосредственной близости от вулканического массива Арарат, откуда начинаются уже разломы транскавказского простирания. Как зона Транскавказского поперечного поднятия, так и сопряженные с ним восточно-анатолийские тектонические морфоструктуры характеризуются проявлениями вулканической деятельности, включая покровные излияния базальтов и образование других разновидностей вулканических пород, в том числе андезито-дацитов и обсидиана, использовавшихся палеолитическими людьми [Бальян 1969].

Рассмотрим теперь развитие рельефа и природных условий на территории Кавказа на протяжении конца плиоцена и плейстоцена, то есть геологических периодов, с которыми совпадает преисторический этап развития человечества и преистория данного региона (рис. 2, 5). С точки зрения магнитостратиграфической шкалы, которая отражает периодические и различные по длительности изменения магнитного поля Земли, включая положение Северного и Южного полюсов, — это продолжающаяся донныне эпоха Брюнес с преобладанием существующей ориентировки магнитного поля и вторая половина предшествующей эпохи Матуяма с преобладанием обратной полярности, т. е. инверсии полюсов (рис. 5). Завершающая стадия плиоцена и плейстоцен сыграли особенно важную роль в образовании современного рельефа Кавказа. Главными агентами формирования рельефа и связанных с ним типов ландшафта в Кавказском регионе в то время были тектонические движения большой амплитуды, сопровождавшиеся вулканизмом, а также глобальные изменения климата.

Уже с середины XIX в. было установлено, что начиная с конца плиоцена и в течение плейстоцена циклические изменения климата включают периоды распространения материковых оледенений, или ледниковых эпох [Никифорова 1982б]. Это отражает постепенное общее снижение энергетического потенциала планеты, а периодичность оледенений и других климатических изменений в плейстоцене соответствует так называемым циклам Миланковича длительностью 100, 41, 23 и 19 тыс. лет, что связано с периодическими изменениями положения Земли на гелиоцентрической орбите. Исследования в области палеоклиматологии постоянно развивались, но особенно заметный прогресс был достигнут в последние десятилетия благодаря появлению целого ряда новых методов и разработок. К наиболее важным достижениям следует отнести создание климатостратиграфической кислородно-изотопной шкалы, основанной на изменениях соотношения изотопов кислорода ($^{18}\text{O}/^{16}\text{O}$) в составе раковин некоторых морских микроорганизмов (фораминифер), что, как установлено, прямо зависит от колебания температур. Полученные глубоководным бурением серии колонок морских отложений, где эти микроорганизмы накапливались на протяжении многих сотен тысяч лет, позволяют проследивать динамику климата за последние несколько миллионов лет [Shackleton, Opdyke 1976]

(рис. 5). Используются также другие методы — например, метод, основанный на изменчивости содержания в глубоководных озерных отложениях чутких к колебаниям температур диатомовых водорослей [Карабанов и др. 2000] (рис. 6). Корреляции этих температурных шкал с толщами континентальных отложений и дальнейшие хроностратиграфические построения производятся с помощью целого арсенала различных и постоянно совершенствуемых методов. Среди них разнообразные способы относительного датирования — сопоставление с магнитостратиграфической шкалой, анализ типов и ритмов осадконакопления, реконструкции ландшафтно-климатической динамики по составу растительной пыльцы (палинологический анализ) и фауны и т. п. и методы абсолютного датирования — определение возраста отложений и культурных остатков (уголь, кость, обожженные кремни и т. д.) физическими и физико-химическими методами (радиоуглеродный, калий-аргоновый, термолюминисцентный, метод электронно-парамагнитного резонанса и т. д.), основанными главным образом на скоростях распада различных элементов.

Получаемые в результате таких исследований данные говорят о том, что чередование общепланетарных циклов ледниковий (гляциалов) и межледниковий (интергляциалов) выражалось в существенных изменениях не только температур, но и влажности климата. Изменение объемов и режимов циркуляции влаги приводило к колебаниям уровня Мирового океана и, соответственно, к периодическим трансгрессиям и регрессиям связанных с ним морей. Уровень Мирового океана падал в периоды оледенений и поднимался по мере потепления, и таков же был в целом механизм трансгрессий и регрессий Черного моря, которое омывает Кавказский перешеек с запада. Трансгрессии и регрессии Каспийского внутреннего моря-озера превосходили черноморские по амплитуде (рис. 7) и происходили в ином режиме, где главную роль играло соотношение притока вод и их испарения. Фазы трансгрессий Каспия были обусловлены более всего сложением пльвиальных, т. е. влажных условий на прилегающих к нему территориях и могли отчасти совпадать как с ледниковьями, так и с межледниковьями [Васильев 1982: 203—207]. В условиях Кавказа цикличность похолоданий и потеплений также отразилась, с одной стороны, в распространении горно-долинных оледенений (рис. 8), а с другой — в развитии эрозионных процессов. В теплые периоды, когда возрастала деятельность различных водотоков, происходило усиление размыва горных пород и выноса продуктов разрушения гор на предгорные равнины [Антонов и др. 1977].

Интенсивное поднятие Кавказских гор началось еще задолго до рассматриваемого геологического времени. К концу верхнего плиоцена осевая зона Большого Кавказа уже представляла собой высокогорное сооружение с максимальными высотами не менее 3000 м. Дальнейшее существенное поднятие Большого Кавказа — на 1500—2500 м — происходило уже в течение плейстоцена [Гвоздецкий 1963]. К рубежу плиоцена-плейсто-

цена (около 1,8 млн. лет назад) среднегорный и низкогорный рельеф образовался и на Малом Кавказе. В это же время все более интенсивным становится формирование морфоструктур, образующих Транскавказское поперечное поднятие, которое постепенно превращается в главный водораздел между реками Азово-Черноморского и Каспийского бассейнов. Если средний плиоцен характеризуется относительным затишьем вулканической деятельности в зоне Транскавказского поперечного поднятия, то в верхнем плиоцене она вновь оживляется: мощнейшие потоки базальтовых и андезитобазальтовых лав заливали обширные участки Армянского нагорья, происходили грандиозные извержения в Эльбрусском и Казбекском вулканических районах Большого Кавказа. Эти процессы приостановились на некоторое время лишь к концу верхнего плиоцена. Тектонические движения в разных частях Кавказа имели разную амплитуду и направленность: одновременно с поднятиями горных областей происходили погружения блоков земной коры, лежащих в основе ряда межгорных котловин и депрессий [Милановский 1977а]. Сильное погружение испытала в верхнем плиоцене Куро-Араксинская впадина, что совпало с самой обширной из каспийских трансгрессий — акчагыльской. Заливы Каспия в Закавказье почти достигали меридиана современного Тбилиси [Церетели 1977], а на севере региона, в районе современного Маныча, образовался крупный пролив, соединивший Каспийское море с Азовским и на время отрезавший Кавказ от Русской равнины (рис. 7А). В самом конце этого периода, однако, трансгрессия сменилась глубокой регрессией и прекращением функционирования Манычского пролива [Лебедева 1978: 73; Попов 1983: 127].

Граница между плиоценом и плейстоценом в разное время проводилась по-разному, но сейчас ее чаще проводят по самому началу — около 1,8 млн. лет назад — заметного общепланетарного похолодания, которое почти совпадает с концом палеомагнитного эпизода прямой магнитной полярности Олдувай в рамках эпохи обратной полярности Матуяма (рис. 5, 6). Это глобальное ухудшение климата прослеживается повсеместно по изменениям состава пыльцы и фауны в пользу более холодолюбивых видов [Никифорова 1982а, в]. Дальнейшее развитие похолодания хорошо фиксируется в интервале примерно 1,75—1,45 млн. лет назад [Карabanов и др. 2000]. Кавказская фауна конца верхнего плиоцена—начала плейстоцена при всех внутрирегиональных различиях характеризуется в целом выделенным для юга Восточной Европы ханровским комплексом крупных млекопитающих (рис. 5). Господствующее положение в нем занимают слоны и однопалые лошади. Характерны также эласмотерии («единороги»), верблюды, этрусские носороги, крупные олени, первые настоящие зубры. На протяжении существования этого комплекса климат был довольно теплым, однако происходило изменение состава животных в пользу обитателей открытых пространств. Это отражает распространение степных, лесостепных и саванновых ландшафтов в результате усиливающейся ариди-

зации (сухости климата) и похолодания [Алексеева 1974]. В начале плейстоцена на Кавказе, как и в сопредельных регионах, происходит постепенная смена ханровского фаунистического комплекса одесским (раннетамамским, или псекупским) комплексом, где исчезает ряд наиболее теплолюбивых животных. Общей тенденцией изменений в составе животного мира становится дальнейшее распространение видов, адаптированных к более прохладному и сухому климату, а также появление новых видов, характерных для открытых пространств (лошади, зубры, быки) [Верещагин 1959; Алексеева 1974]. Аналогичны данные по динамике растительности: для этого времени отмечены, в частности, ксерофитизация ландшафтов, т. е. изменение состава растений в пользу сухолюбивых видов, и сокращение площади лесных формаций в Восточной Грузии [Шатилова, Рамишвили 1990].

С начавшимся в плейстоцене похолоданием связаны, возможно, наиболее древние из устанавливаемых на Большом Кавказе следов горного оледенения [Думитрашко, Милановский 1977] (рис. 8). Следует отметить, что начало четвертичного периода отмечено новой активизацией вулканизма в зоне Транскавказского поперечного поднятия: на Эльбрусском участке его установлены, в частности, магматические тела с калий-аргоновыми датами в интервале 1,80—1,55 млн. лет назад [Новейший и современный вулканизм... 2005: 349]. Это могло стать дополнительным фактором, способствовавшим отмеченному ухудшению климата. Как подчеркивают специалисты-вулканологи, крупные выбросы продуктов извержения в атмосферу существенно уменьшают уровень солнечной радиации. Порой это происходит на протяжении нескольких лет и не только ведет к заметному и длительному падению температур на территориях, приближенных к центрам извержений, но и оказывает влияние на климат всей планеты. Есть данные об определенной корреляции циклов вулканической активности с циклами похолоданий [Новейший и современный вулканизм... 2005].

Глобальное похолодание в начале четвертичного периода сопровождалось падением уровня Мирового океана и большинства морских бассейнов. В то же время, происходила новая, хотя и менее крупная, нежели акчагыльская, трансгрессия Каспийского моря, которую геологи называют апшеронской. Как уже отмечалось, это море-озеро отличается своим особым трансгрессивно-регрессивным режимом, связанным более всего с общей влажностью климата в сопредельных областях [Федоров 1978; Васильев 1977]. Относительно холодная фаза сменилась некоторым потеплением, но общая тенденция превалирует: конец нижнего плейстоцена опять характеризуется похолоданием. Около 1,2—1,1 млн. лет назад одесский фаунистический комплекс сменяется таманским, который выглядит как продолжение и развитие предшествующих, но содержит в своем составе еще более адаптированных к холодным условиям животных. Одновременно появляются виды, указывающие на некоторое изменение климата в сторону увлажнения (олени, лоси, кабаны) [Алексеева 1974].

Особенно резкое, хотя и не очень продолжительное, по геологическим меркам, ухудшение мирового климата (кислородно-изотопная стадия 22, или оледенение гюнц прежней альпийской шкалы) происходит около 900 тыс. лет назад, отчасти совпадая или следуя за эпизодом прямой полярности Харамильо, который имел место в конце эпохи обратной полярности Матуяма (рис. 5). На Кавказе, прежде всего в области Армянского вулканического нагорья, это время ознаменовалось крупнейшими для всего четвертичного периода извержениями [Саядян 1977].

Нижняя граница среднего плейстоцена — 0, 8 млн. лет назад — располагается несколько ниже точки перехода от эпохи обратной магнитной полярности Матуяма к продолжающейся по сей день эпохе прямой полярности Брюнес (780 тыс. лет назад, кислородно-изотопная стадия 19) (рис. 2, 5). Для среднего плейстоцена характерно широкое развитие глобального оледенения и окончательный переход к режиму быстрой смены ледниковых и межледниковых условий [Никифорова 1982в]. В период среднего плейстоцена на Кавказе, если судить по результатам анализа биостратиграфических материалов, тоже происходили сильные климатические колебания, которые были особенно заметны в условиях высотной зональности. Согласно международной геологической шкале, средний плейстоцен начинается с обширного подразделения, называемого кромером (примерно 800—470 тыс. лет назад). Кромер считается в целом межледниковьем, но внутри его, однако, отмечены как относительно теплые, так и более холодные интервалы. Континентальные отложения кромера соответствуют в целом каспийским отложениям так называемого бакинского яруса. Нижняя часть их указывает на регрессивное состояние этого моря, но затем наблюдаются следы двух продолжительных трансгрессивных фаз. В максимум трансгрессии Каспий заливал большие пространства северных низменностей и Куро-Араксинскую впадину — вплоть до современного города Мингечаура, расположенного примерно в 200 км от нынешней линии побережья. Морские воды вновь заполняли Маныч, который отделял Кавказ от Русской равнины (рис. 7Б). Одну из этих трансгрессий можно увязать с последним внутрикромерским потеплением (интерстадиал IV, или мучкапское межледниковье), которое, судя по палинологическим данным, отличалось наиболее теплым и влажным климатом [Болиховская 1996].

Даже самые теплые периоды кромерского времени были, однако, значительно прохладнее потеплений предшествующих эпох. Климатические сдвиги отразились на животном мире: в начале этого периода на юге Восточной Европы на смену таманскому фаунистическому комплексу приходит тираспольский комплекс, индикаторными видами которого считаются, в частности, трогонтериевый слон, широколобый лось, архаичный бизон. Фауна тираспольского комплекса носит лесостепной характер, а состав ее свидетельствует о том, что климат стал более суровым, нежели в хапровское и таманское время. Установлено, что в этот период

основным направлением миграций фауны стало расселение с севера на юг, что косвенно указывает на ухудшение климата в Евразии и сдвиг ландшафтно-климатических поясов к югу [Алексеева 1974]. На Кавказе тираспольскому фаунистическому комплексу соответствует ахалкалакский комплекс, где присутствуют, в частности, такие виды, как медведь Денингера, мосбахский волк, зюссенборнская лошадь, этрусский носорог [Baryshnikov 2002]. Во вторую половину кроме тираспольский комплекс фауны сменяется сингильским, который отражает дальнейшее изменение животного мира в условиях прохладного климата. С ранней стадией этого комплекса, выделенного для юга Восточной Европы, на Кавказе соотносится урупский комплекс, а с поздней — кударский. В них появляются такие виды, как бизон Шетензака, благородный олень, гигантский олень, месопотамская лань, кавказский козел, красный волк, рысь, пещерная гиена и другие [Baryshnikov 2002].

За кромером последовало эльстерское оледенение (около 470—430 тыс. лет назад), в период которого на Кавказе отмечены регрессии окружающих морей. Однако в конце этого гляциала создались условия для очередной трансгрессии Каспия, продолжавшейся и в последующую более теплую фазу. Это относительно непродолжительное потепление (гольштейн, или лихвинское межледниковье Русской равнины) произошло в интервале около 430—360 тыс. лет назад (кислородно-изотопная стадия 11). Завершается средний плейстоцен фазой перемежающихся периодов оледенений и относительных потеплений в интервале 360—130 тыс. лет назад (стадии 10—6). На Кавказе в это время происходило чередование регрессий и трансгрессий окружающих морей, причем в максимумы трансгрессии Каспия возобновлялся Манычский пролив. Во вторую половину этой фазы, которая обозначается часто как ледниковье ресс, или заале (стадии 8—6), на соседствующих с Кавказом территориях Восточной Европы происходит постепенное изменение состава сингильского комплекса и перерастание его в новый — хазарский. Для хазарского фаунистического комплекса характерны, в частности, такие крупные млекопитающие, как носорог Мерка, сибирский эламотерий, хазарская лошадь. На Кавказе этому комплексу хронологически соответствует кваисский комплекс, выделенный Г. Ф. Барышниковым [Baryshnikov 2002] по фаунистическим находкам в одной из пещерных стоянок Центрального Кавказа (Кударо III). Судя по составу этой фауны (волк, тибетский медведь, медведь Денингера, пещерный лев, косуля, благородный олень, зубр), она отражает относительно теплый интервал внутри эпохи заале (кислородно-изотопная стадия 7, около 250—200 тыс. лет назад) [Baryshnikov 2002]. В конце эпохи заале, начиная примерно со 190 тыс. лет назад климат стал особенно суровым (днепровское оледенение Русской равнины).

Для второй половины среднего плейстоцена впервые четко фиксируется развитие оледенений не только на Большом Кавказе, но и в вершинных зонах Армян-

ского вулканического нагорья и некоторых хребтов Малого Кавказа (рис. 8). Предполагается, что эти горные оледенения могут частично отвечать как эльстерскому (окскому по шкале Русской равнины), так и заальскому (днепровскому) равнинным оледенениям [Думитрашко, Милановский 1977]. Средний плейстоцен был временем периодической вулканической активности — прежде всего на Армянском нагорье, и в частности в ряде районов Центрально-Армянского и Ахалкалакско-Джавахетского нагорий, а также на Большом Кавказе [Милановский 1977б]. В рамках данного периода установлены, в частности, две фазы извержений вулкана Эльбрус — 218—184 и 137—136 тыс. лет назад [Новейший и современный вулканизм... 2005].

Завершающая фаза четвертичного периода — верхний плейстоцен. Он начинается с эмского (рисс-вюрмского) межледниковья (кислородно-изотопная стадия 5е), которое соответствует микулинскому потеплению на Русской равнине, и датируется в интервале 130/127—118/115 тыс. лет назад (рис. 2, 5, 9). На Южном Кавказе вновь происходили извержения ряда вулканических центров Армянского нагорья [Милановский 1977б]. Данный интергляциал ознаменован также относительно небольшой верхнехазарской трансгрессией Каспия и обширной карангатской трансгрессией Черного моря, а также очередным возобновлением Манычского пролива [Шкатова 2005; Янина 2005] (рис. 10А). Подъем уровней обоих водоемов происходил почти синхронно, без обычного временного разрыва. Судя по данным палинологического анализа, это был как весьма теплый, так и довольно влажный в целом период [Болиховская 1996]. Для данного периода на юге Восточной Европы выделяется так называемый Шкурлатский фаунистический комплекс [Алексеева 1990]. На Кавказе ему соответствует Бинагадинский [Верещагин 1959] и, отчасти, Часавальский [Baryshnikov 2002] комплексы. В эпонимном местонахождении Бинагады в Азербайджане в составе этого комплекса встречены такие животные, как, например, плейстоценовый осел, лошадь, носорог, кабан, бык, сайга, корсак, лисица и гепард. Состав фауны говорит о преобладании в ландшафтах сухой степи и аридного редколесья, но климат был несколько прохладнее и влажнее существующего на этой территории в настоящее время [Верещагин 1959: 143—157]. К последнему межледниковью отнесен также комплекс фауны из одного из среднеледниковых слоев пещеры Кударо III (Центральный Кавказ, Южная Осетия). Там найдены, в частности, олень, косуля, медведь Денингера и тибетский медведь, благородный олень, что указывает на лесные условия. В относимых к этому периоду отложениях стоянок Северного Кавказа встречены бурый медведь, ранняя форма мамонта, носорог, что говорит скорее о лесостепи [Верещагин 1959; Алексеева 1990, Baryshnikov 2002]. Существенные различия между комплексами фауны, датируемые примерно одним и тем же временем, обусловлены особо отмеченным нами выше внутрорегиональным разнообразием природы Кавказа.

Наступивший затем последний ледниковый период характеризуется в целом преобладанием так называемой мамонтовой фауны, т. е. комплекса хорошо адаптированных к холодным условиям видов животных. Этот гляциал характеризуется довольно сложным строением — как, впрочем, и практически все выделяемые в четвертичном периоде климатические циклы. Вюрмское, или вейсхельское (валдайское по российской схеме) ледниковье (рис. 9) начинается с так называемого раннего вюрма (118/115—75/71 тыс. лет назад) — периода постепенного ухудшения климатических условий с непродолжительными эпизодами потеплений (интерстадиалами) (кислородно-изотопные стадии 5d-a). Это период регрессии всех омывающих Кавказский перешеек морей, что привело, в частности, к осушению разделяющего Крым и Кавказ мелководного Азовского моря и установлению прямой сухопутной связи между ними (рис. 10Б). Костные находки из ряда среднеледниковых пещерных стоянок этого времени указывают на существование фауны, характерной для верхних лесных поясов с преобладанием холодостойких древесных растений (ель, береза и др.) [Любин 1993: 9].

Далее наступает очень холодный этап — первый холодный максимум, или пленигляциал вюрма (калинское оледенение Русской равнины), датируемый в интервале 75/71—60/58 тыс. лет назад (стадия 4) (рис. 9). Есть данные о том, что на степени этого похолодания могла отчасти отразиться очередная вспышка вулканической активности, и в частности гигантское извержение около 75 тыс. лет назад вулкана Тоба (Индонезия). В результате этого извержения, одного из крупнейших в плейстоцене, в атмосферу были выброшены огромные объемы пепла и пыли, в результате чего, по видимому, на обширной территории наступила почти всеобщая темнота, продержавшаяся в течение недель и месяцев. Это сократило проникновение солнечного света до величин менее сотой доли его нормального объема [Новейший и современный вулканизм 2005: 40]. С периодом первого пленигляциала связано наиболее обширное оледенение Кавказских гор [Думитрашко, Милановский 1977] и сильное снижение снеговой линии и границ поясов растительности — до 1500 м [Любин 1974: 171]. Уровень Каспия в это время понижался до -70 м от современного [Шкатова 2005]. Упрочилась возникшая еще в начале вюрма сухопутная связь Кавказа с территорией нынешнего Приазовья и переставшего быть полуостровом Крыма. В отложениях пещерных стоянок этот пленигляциал отражается либо прекращением осадконакопления, либо слоями с очень «холодной» пылью и фауной, условия обитания которой соответствуют современной ландшафтно-климатической обстановке в самой верхней части лесного пояса или даже в зоне альпийских лугов. Культурные остатки в слоях этого времени, как правило, отсутствуют, свидетельствуя, что люди покидали горные районы в периоды максимальных холодов.

Следующий период, именуемый средним вюрмом, или, как иногда говорят, интерпленигляциалом (60/58—28/25 тыс. лет назад, стадия 3) характеризуется более

теплым в целом, но неустойчивым климатом (рис. 9) с частым чередованием более и менее благоприятных условий, которые отражены в составе животного и растительного мира. Хотя климат на Кавказе был тогда холоднее современного, он оказался достаточно благоприятным для людей среднего палеолита, большинство стоянок которых относятся именно к этому интервалу. Уровень морей вновь несколько повышается, но палеогеографическая ситуация остается в целом прежней (рис. 10В). Затем происходит новое очень сильное похолодание (второй плейстоценовый вюрма, кислородно-изотопная стадия 2), завершающееся око-

ло 11 тыс. лет назад таянием ледников, что считается рубежом между четвертичным периодом (плейстоценом) и продолжающимся по сей день голоценовым периодом. Однако уже в конце стадии 3, или интерпленгциала, наступает эпоха верхнего палеолита (рис. 2), с которой начинается господство на планете представителей современного антропологического типа. Здесь проходит намеченная нами верхняя граница ранней преистории, а следовательно, все происходившее в дальнейшем на Кавказе находится за рамками этой темы и должно описываться уже в других книгах.

5767

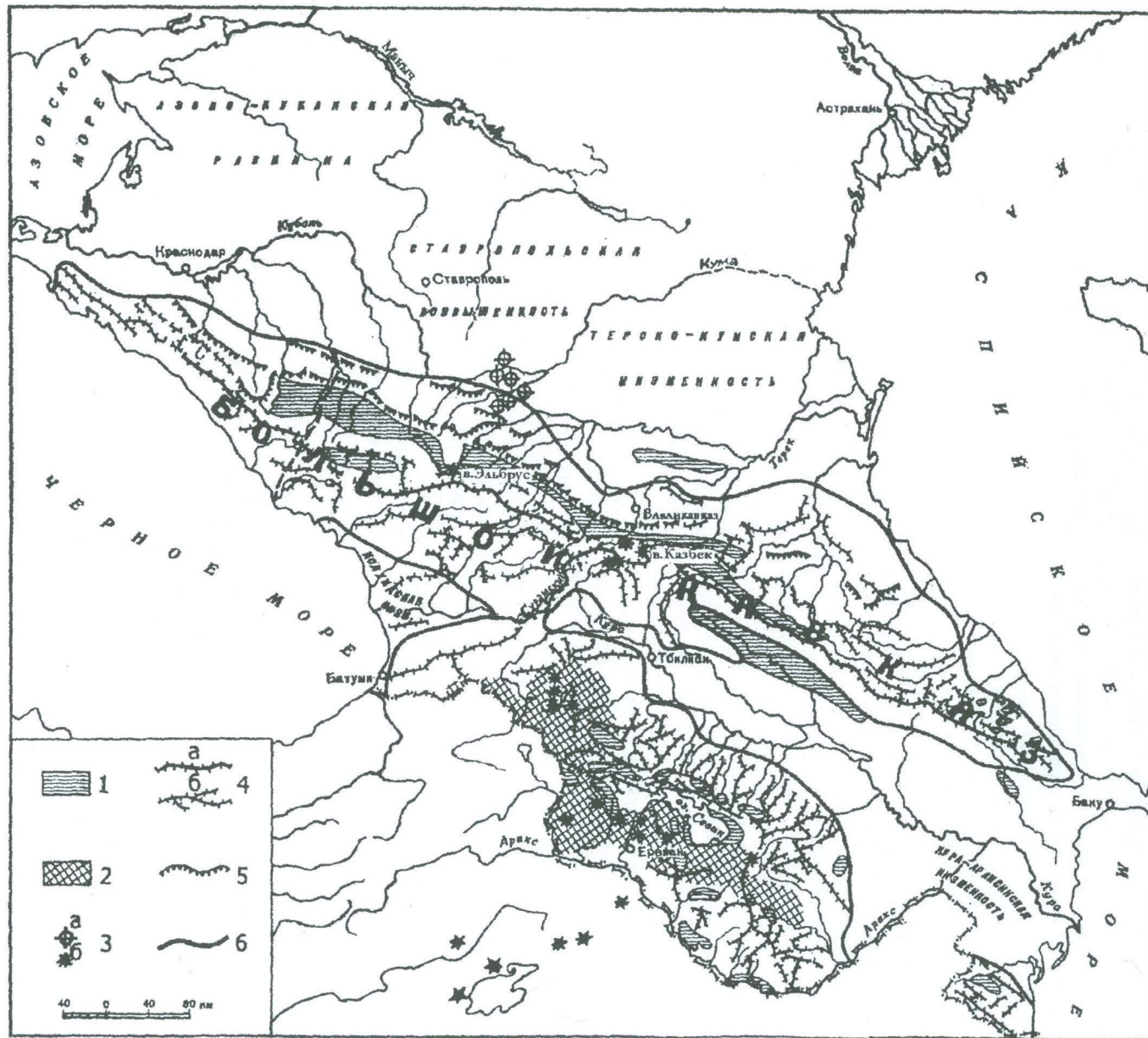

Рис. 3. Орографическая схема Кавказа:

1 — межгорные депрессии, впадины и котловины; 2 — вулканические плато, массивы и нагорья; 3 — вулканические горы: *а* — лакколлиты, *б* — потухшие вулканы; 4 — водораздельные хребты: *а* — главнейшие, *б* — второстепенные; 5 — уступы куэстовых хребтов; 6 — границы Большого Кавказа, Малого Кавказа, Колхидской низменности и Куро-Араксинской низменности (по: [Герасимов 1980])

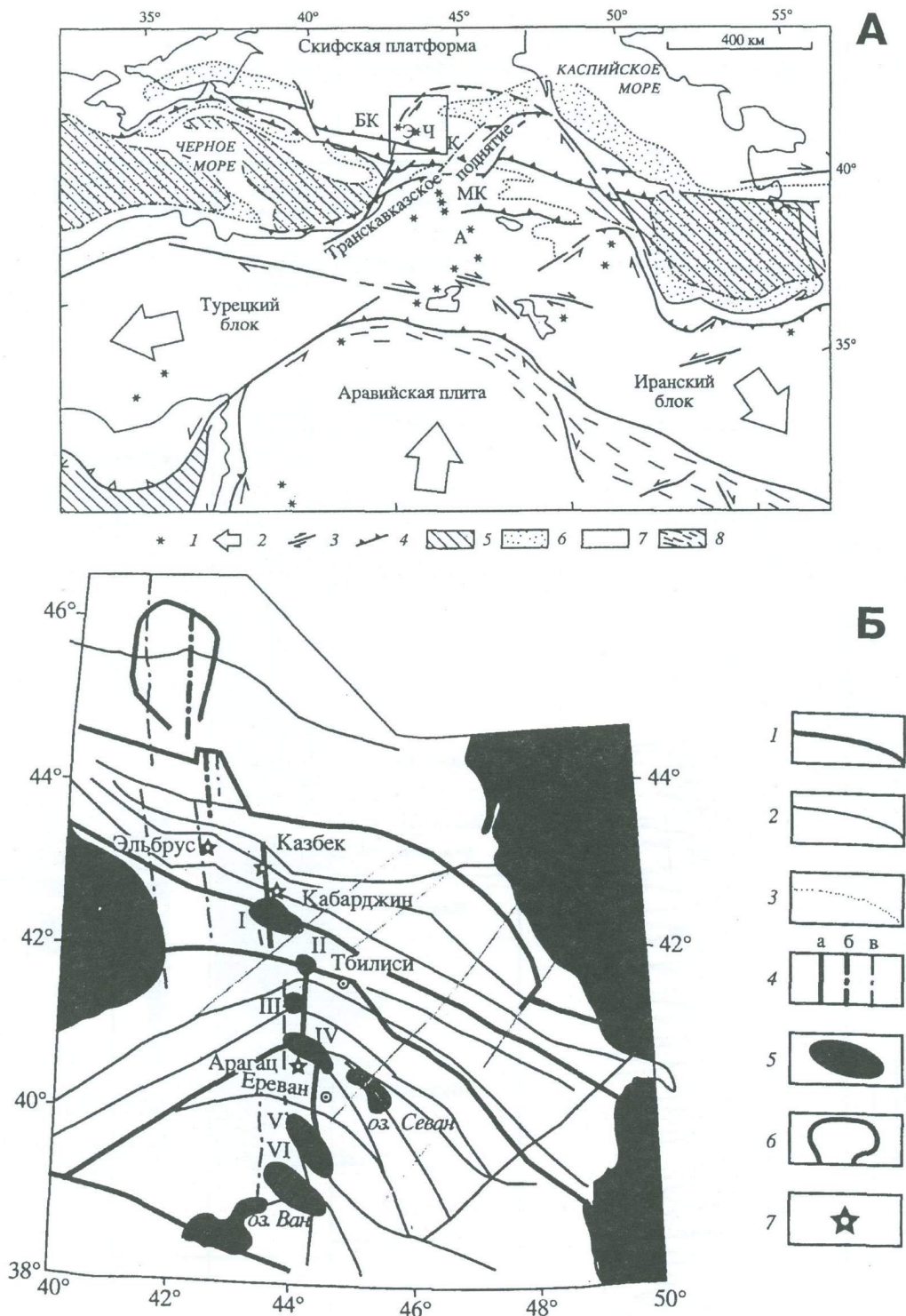

Рис. 4. А — схема коллизивной обстановки (Аравийская плита со структурой Малого и Большого Кавказа — МК и BK) 10 млн. лет назад;

1 — плиоцен-четвертичные вулканы; 2 — относительные перемещения блоков по отношению к Евразии; 3 — главные сдвиги; 4 — главные надвиги; 5 — океаническая и промежуточная кора; 6 — континентальная кора; 7 — основной осадочный бассейн; 8 — современная складчатость вдоль продвигающейся к северу Аравийской плиты; Ч — Чегемская кальдера; Э — вулкан Эльбрус; К — вулкан Казбек; А — вулкан Арагац (Армения) (по: [Philip et al. 1989])

Б — Схематическая карта крупнейших разломов Кавказа:

1 — межзональные разломы; 2 — региональные разломы; 3 — разломы «антикавказского» простирания; 4 — разломы транскавказского простирания вдоль Транскавказского поперечного поднятия (а — подчеркивающиеся цепочками вулканов; б и в — выделенные по структурно-геологическим данным: б — крупные, в — мелкие); 5 — очаговые зоны сильных землетрясений в пределах Транскавказского поперечного поднятия (I — Рачинского 1991 г., II — Горийского 1920 г., III — Параванского 1986 г., IV — Спитакского 1988 г., V — Арагартского 1840 г., VI — Чалдыранского 1976 г.); 6 — контуры Ставропольского плато; 7 — вулканы (по: [Лаверов и др. 2005])

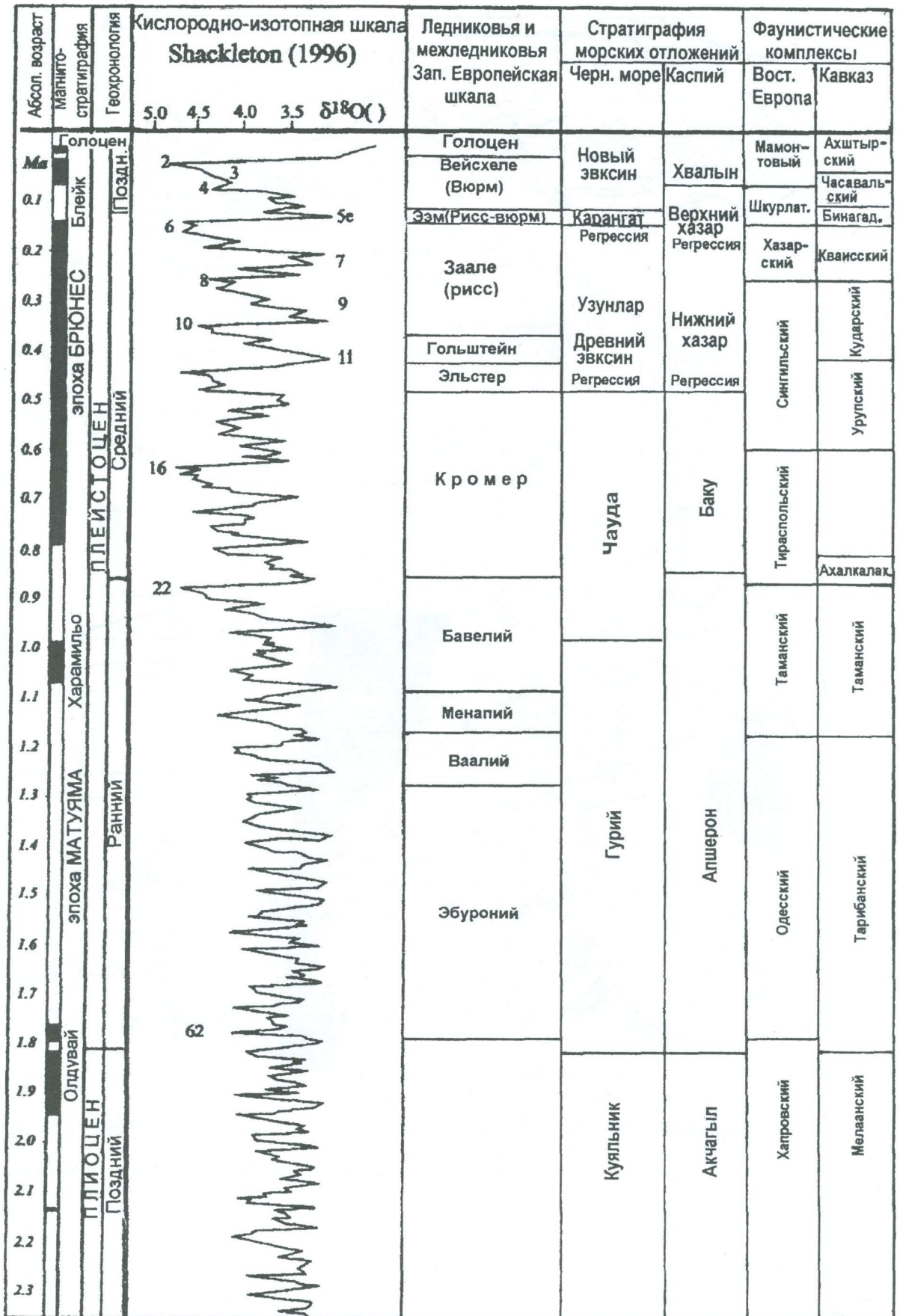

Рис. 5. Сводная корреляционная климато-стратиграфическая шкала плейстоцена и верхнего плиоцена

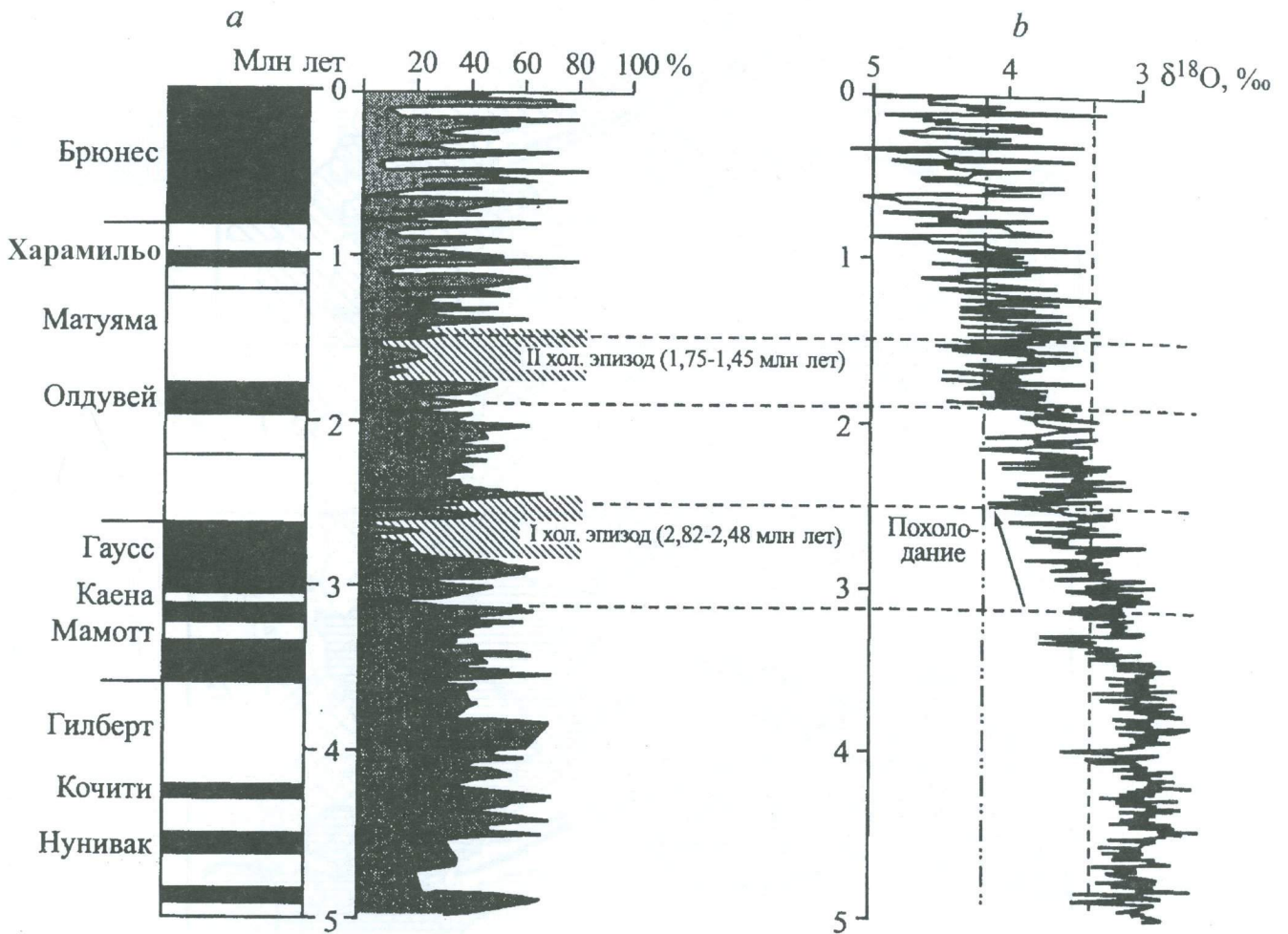

Рис. 6. Корреляция байкальской диатомовой записи с морской кислородно-изотопной шкалой:

a — магнито-стратиграфическая шкала; *б* — байкальская запись изменения содержания створок диатомовых водорослей в осадках озера (увеличение количества диатомовых пропорционально росту температур и наоборот); *в* — сводная морская кислородно-изотопная запись по осадкам Тихого океана (бóльшие значения отражают увеличение объемов глобального льда и похолодание) (по: [Карабанов и др. 2000])

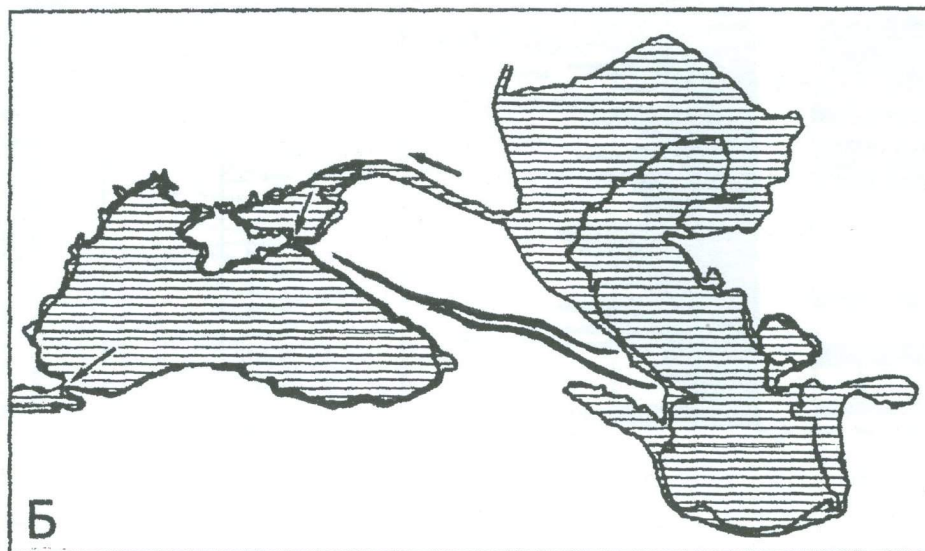
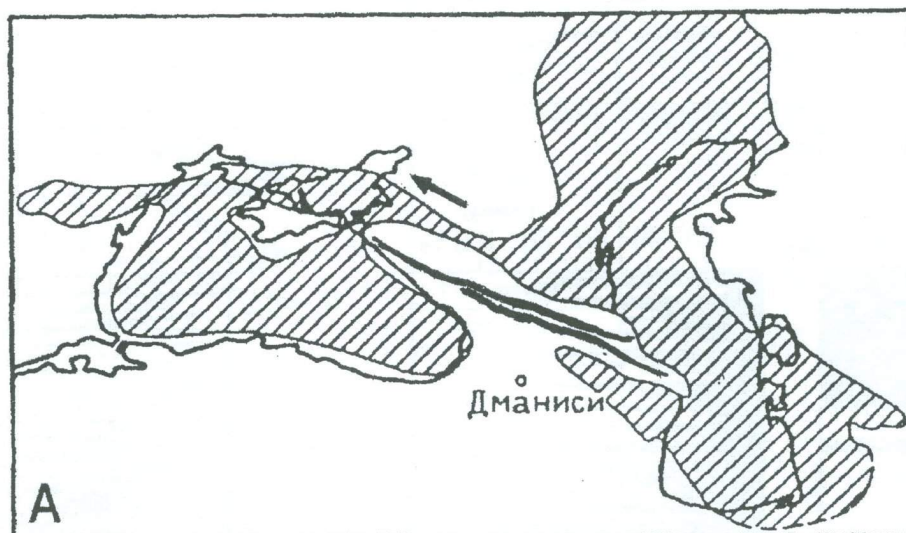

Рис. 7. А — акчагыльская трансгрессия бассейнов Черного и Каспийского морей, конец верхнего плиоцена (по: [Габуня и др. 1996]); Б — бакинская (чаудинская) трансгрессия бассейнов Черного и Каспийского морей, средний плейстоцен (по: [Федоров 1978])

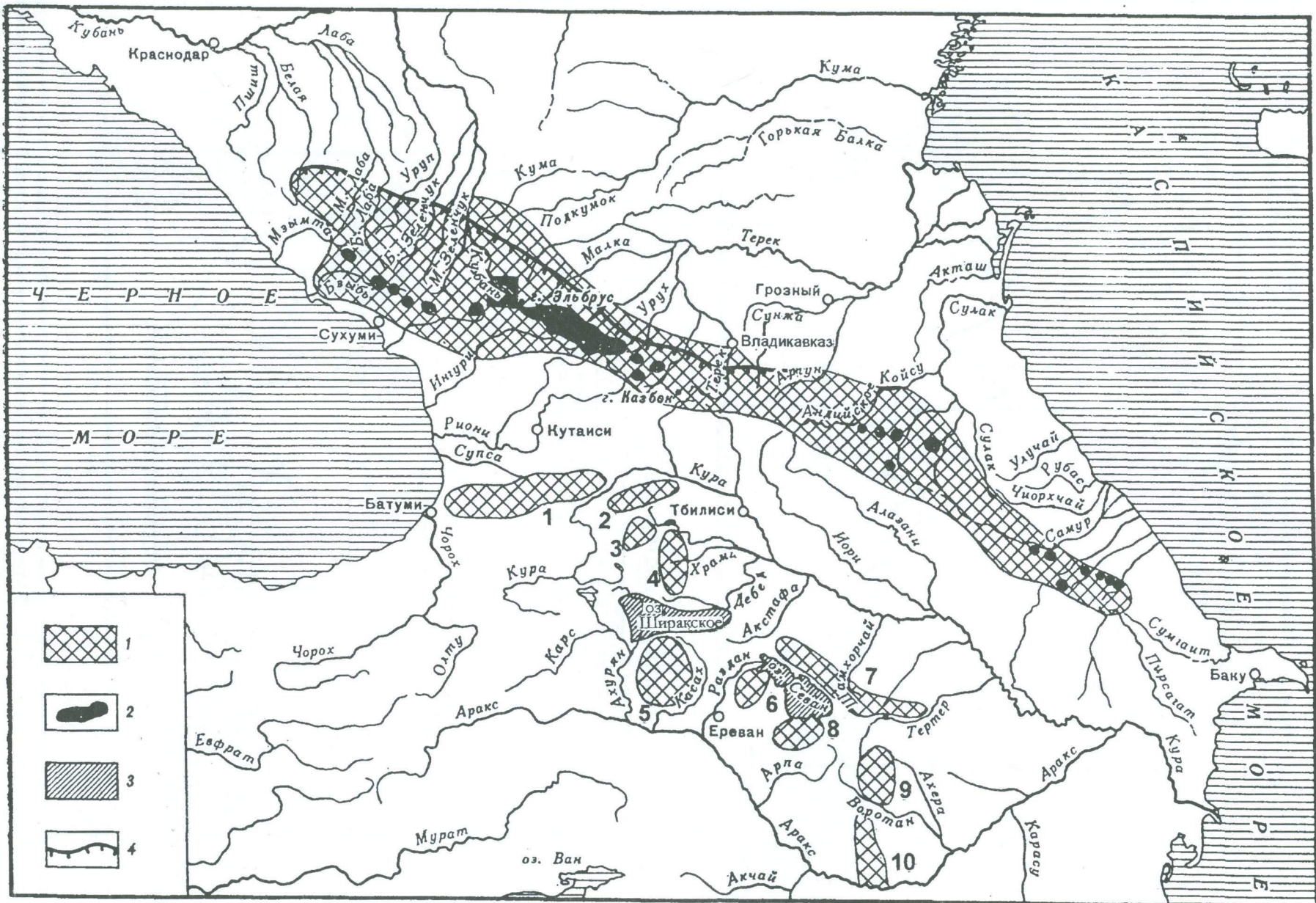

Рис. 8. Палеогеографическая схема плейстоценового оледенения Кавказа:
 1 — области развития горно-долинных оледенений (с максимальным развитием в позднем плейстоцене); 2 — современное оледенение; 3 — крупные озерные бассейны; 4 — эскарп Скалистого хребта (по: [Думитрашко 1977])

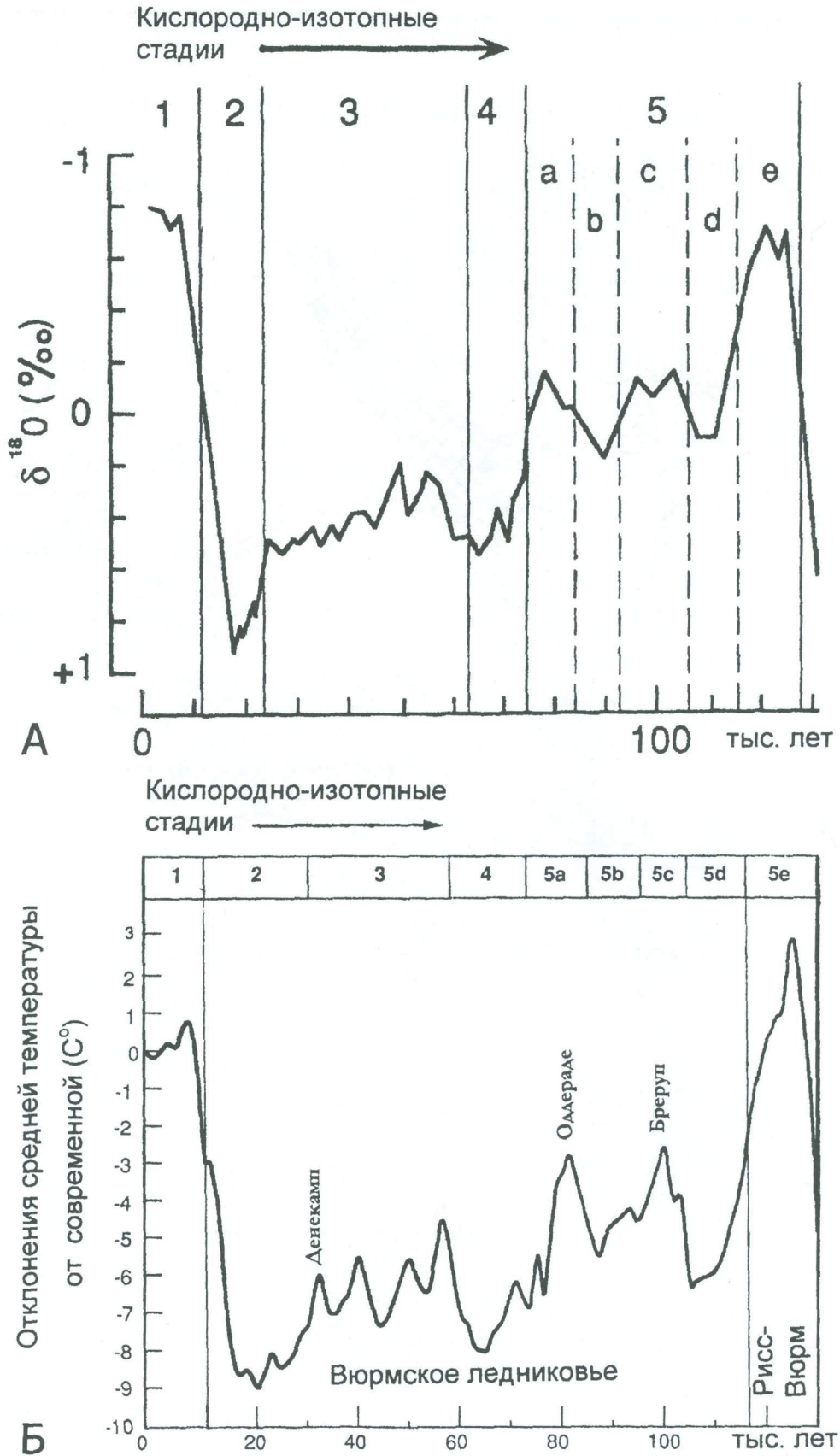

Рис. 9. А — кислородно-изотопная шкала верхнего плейстоцена (по: [Mellars 1995], с модификацией); Б — динамика средней температуры в верхнем плейстоцене в Восточной Атлантике (вычисления на основе изменений содержания дейтерия и соотношения изотопов кислорода в кернах антарктического льда ([Jouzel et al. 1987], по: [Mellars 1995])

Рис. 10. А — палеогеографическая карта части Восточной Европы и Северного Причерноморья в период рисс-вюрмского межледниковья с указанием среднепалеолитических стоянок; Б — палеогеографическая карта части Восточной Европы и Северного Причерноморья в начальный период вюрмского ледниковья с указанием среднепалеолитических стоянок (по: [Чабай 2004])

Глава 2

Первые миграции ранних гоминид на Кавказ

Начальной точкой отсчета для ранней преистории Кавказа является на сегодня раннепалеолитическая стоянка Дманиси, расположенная на северной окраине Армянского нагорья, в восточных предгорьях Джавахетского хребта (Южная Грузия) (рис. 11). Благодаря научной ценности и богатству добытых здесь материалов эта стоянка находится ныне в центре внимания преисториков всего мира.

Первый этап исследования Дманисской стоянки (1982—1990), однако, не предвещал как будто последующего «бума». В 1982 г. грузинские археологи, исследовавшие средневековое городище близ селения Дманиси в 85 км к югу от г. Тбилиси, проводили расчистку ям для хранения зерна, врезанных в плейстоценовые отложения, и обнаружили там кости ряда ископаемых животных (южный слон, этрусский носорог и др.). Первоначально место этой находки стали рассматривать как местонахождение остатков наземных животных конца эоплейстоцена—начала раннего плейстоцена [Векуа 1991: 316—320], что в современной схеме соответствует концу раннего плейстоцена—началу среднего плейстоцена. Вскоре, однако, внимание археологов привлекли встречаемые вместе с древними костями палеолитические каменные изделия [Габуния Л. и др. 1998: 344—349]. С 1984 по 1990 гг. эти плейстоценовые отложения были вскрыты раскопом площадью до 80 кв. м и глубиной 3,3 м, где удалось найти 25 изделий, приуроченных большей частью к низам толщи. Находки (нуклеусы для снятия отщепов и сами отщепы) выглядели весьма грубыми, архаичными и были предварительно отнесены к ранней поре ашельской эпохи. Характер этих изделий и предполагаемый возраст сопровождавшей их фауны позволили исследователям заключить, что открыта наиболее древняя для территории Грузии и сопредельных областей раннепалеолитическая стоянка [Бугианишвили и др. 1990: 26—28; Бугианишвили 1998: 245—246]. Однако скудость найденных археологических материалов и приблизительность датировок стоянки поначалу не вызвали большого резонанса вокруг этого открытия, хотя

для специалистов были очевидны как важность памятника, так и необходимость его дальнейшего изучения.

Первая сенсация грянула в 1991 г., когда началось интенсивное и хорошо организованное исследование Дманисской стоянки силами совместного отряда Центра археологических исследований АН Грузии и Романо-германского Центрального музея (г. Майнц, Германия) при участии археологов М. Г. Ниорадзе, Д. М. Тушамбрамишвили, Г. Бозинского, А. Юстус, О. Йориса и представителей естественных наук — Л. К. Габуния, А. К. Векуа, Г. М. Майсурадзе, Д. О. Лордкипанидзе и других. День 24 сентября 1991 г., когда Антье Юстус обнаружила на дне небольшого шурфа в 3 кв. м. нижнюю челюсть обитавшего на стоянке гоминида, стал поворотным моментом в изучении не только данного памятника, но всей ранней преистории Кавказа и даже Евразии. Антропологи определили, что обладатель этой челюсти стоит ближе всего к виду *Homo ergaster* (ранний *Homo erectus*), который до тех пор был выявлен лишь в Африке и датировался в интервале 1,8—1,5 млн. лет назад [Вишняцкий 2002: 49—53]. Вслед за этим открытием последовала существенная переоценка возраста стоянки, а раскопки стали щедро приносить все новые археологические, палеонтологические и палеоантропологические материалы.

Накопление фаунистических остатков и их более глубокое изучение показали, что по видовому составу фауна Дманиси может соответствовать поздней стадии выделенного на юге Восточной Европы одесского фаунистического комплекса [Алексеева 1974]. Это указывает, соответственно, на возрастной диапазон конца верхнего плиоцена — начала плейстоцена. Было отмечено также, что при сравнении с фауной, найденной в израильской стоянке Убейдия (1,4 млн. лет назад), фауна Дманиси выглядит явно древнее [Габуния Л. и др. 1996: 42; Gabunia L. et al. 2000]. Забегая вперед, отметим, что возраст, соответствующий рубежу плиоцена и плейстоцена (около 1,8 млн. лет назад), подтвердили и методы абсолютного датирования и палеомагнитный анализ. Помимо установления глубокой древности памятника новые исследования позволили накопить бо-

гатый археологический материал. Уже к 1998 г. в раскопе площадью около 250 кв. м. были добыты тысячи каменных изделий [Ниорадзе, Юстус 1998: 247]. Наконец, на памятнике была получена целая серия черепов и других костных остатков живших здесь гоминид, что превратило его в настоящую Мекку для палеоантропологов.

Ставшая ныне очевидной исключительная значимость Дманисской стоянки для реконструкции ранних этапов преистории Кавказа и всей Евразии заставляет нас особенно подробно рассмотреть материалы этого памятника. Начнем с геологической и палеогеографической ситуации. Отложения с раннепалеолитическими культурными остатками располагаются ныне на абсолютной высоте около 1000 м над уровнем моря, почти непосредственно под руинами средневекового городища Дманиси, на плоском мысу вулканического плато между ущельями рек Машавера и Пинезаури. Во время существования стоянки эта местность выглядела несколько иначе: вулканическое плато тогда еще только возникло и не было прорезано реками, образовавшими позднее этот мыс. Мощный покров долеритовых базальтов был сформирован здесь в конце верхнего плиоцена потоками лав, изливавшимися из трещинного вулкана, существовавшего в то время на месте нынешнего Джавахетского хребта [Харазян 1970: 16—17]. По неровной поверхности этого покрова протекали воды палеореки Пинезаури, а на одном из участков — возможно, вследствие подпруживания одного из рукавов реки лавовым потоком — возникло небольшое озеро, на берегу которого и была устроена стоянка [Гвалчрелидзе, Лордкипанидзе 1998: 254; Gabunia L. et al. 2000: 13]. Площадь заселявшейся гоминидами территории точно не определена, но, по-видимому, превосходит 5000 кв. м.

Толща культурных напластований, залегающая непосредственно на невыветрелой поверхности лавового потока, варьирует по количеству слоев и их мощности, но в целом не превышает 4 м. Слои эти неоднородны: культурные остатки залегают в вулканическом пепле, в озерных осадках и в аллювиально-делювиальных отложениях, образованных наносами реки и эрозией склонов. Стратиграфия отложений описана на основании их разрезов, наблюдаемых в стенках нескольких раскопов и шурфов. В наиболее протяженном и, на наш взгляд, наиболее показательном профиле выделено 9 литологических уровней [Lumley et al. 2002] (рис. 12). Самый нижний, базальный уровень представляет собой вулканический пепел. Как показал анализ состава пепла, он не связан с долеритово-базальтовым потоком, образованным изливанием трещинного типа, и отложился в результате более позднего извержения другого вулканического аппарата.

Исключительная древность и характер отложений обусловили способ их абсолютного датирования. Был использован изотопный калиево-аргоновый метод, приложимый к вулканическим породам и имеющий большой хронологический диапазон. Для лавового покрова, подстилающего культурные отложения, имеют-

ся серия дат в диапазоне 2,040—1,800 млн. лет назад, полученная проф. Х. Шминке [Dzaparidze et al. 1989; Schminke, Bogaard 1995] и даты 1,853±0,006 и 1,845±0,008 млн. лет назад, полученные К. Свишером [Gabunia L. et al. 1999: 452, tab. 1]. Непосредственно залегающий на базальт вулканический пепел (слой VI), в котором встречены наиболее древние культурные остатки, включая еще одну челюсть гоминида, найденную в 2000 г., получил датировку 1,81±0,05 млн. лет назад [Lumley et al. 2002: 181—189]. Поскольку поверхность застывшей лавы практически не подверглась эрозии, предполагают, что интервал между образованием лавового потока и началом аккумуляции на нем рыхлых отложений был относительно невелик, а потому отдается предпочтение более поздним датировкам базальта — около 1,85 млн. лет назад. Положительная намагниченность этого базальта и вышележащих культурных отложений от слоя VI (дата порядка 1,81 млн. лет) до слоя IV позволяет считать, что все они образовались в конце эпизода прямой полярности Олдувай, выделяемого в рамках эпохи обратной полярности Матуяма. Возраст верхней границы этого эпизода оценивается сейчас примерно в 1,79 млн. лет назад [Шкатова 1998] (рис. 5). Выше залегают своеобразный слой III толщиной до 30 см — многочисленные карбонатные прослойки, перемежающиеся с охристым песком. Этот уровень, где также есть каменные изделия и кости, имеет обратную намагниченность, т. е. формировался после эпизода Олдувай. Такую же обратную намагниченность показывают и слои IIb и IIа, представляющие собой делювиальные отложения. Нижний из них содержит наибольшее число каменных изделий и мало костей [Gabunia L. et al. 2000: 13—14].

Несмотря на субгоризонтальное в целом залегание слоев, в некоторых из них есть признаки водной эрозии (типа плоскостного смыва?), например, линзочки песка и глины, порой слоистые или перекрестные, в слое IVb рассматриваемого разреза [Lumley et al. 2002: 183—184]. Свидетельствами некоторого переотложения и смещения компонентов культурного слоя являются и гнездообразные скопления костей, которые отличаются, впрочем, хорошей сохранностью [Gabunia L. et al. 2000: 15]. В одном из стратиграфических разрезов, полученных в раскопе 1998 г, заметно, что слой IV состоит как бы из серии блоков, отчасти отличных друг от друга литологически и даже дающих разные показатели магнитной полярности [Gabunia L. et al. 1999: Abb. 10; Gabunia L. et al. 2000: 15]. Внутри этих блоков также находятся почти не поврежденные фрагменты скелетов животных и каменные изделия. Эта картина характерна для структурного оползня, когда смещаются целые блоки породы вместе со всем их содержимым. Итак, первоначальный контекст уровней обитания стоянки оказался нарушенным: многие каменные изделия и фаунистические остатки были, видимо, в той или иной мере переотложены. Однако очень хорошая сохранность всех культурных остатков, включая черепа гоминид и залегание некоторых фрагментов скелетов животных в анатомическом порядке, го-

ворит о незначительности их перемещения [Габуния Л. и др. 1996: 41; Векуа, Лордкипанидзе 2004: 50].

Фаунистический ансамбль, рассматриваемый в целом, содержит обитателей различных типов ландшафта, но преобладают лесостепные или саванновые обитатели (южный слон, саблезубый тигр (рис. 13), древние формы лошадей, носорогов, жирафов, страусов и др.) — более 50 % найденных видов. В то же время, обилие оленей, а также присутствие костей лани, кабана и некоторых других жителей леса (около 22 % в целом) указывает на наличие залесенных участков местности. Сведения о растительном покрове вполне согласуются с интерпретацией фаунистического материала. Доминирует пыльца травянистых и кустарничковых растений, но имеются также и древесные. «Присутствие в Дманиси лесных растений — ели, сосны, бука, каштана, березы, липы, граба и редких вязов и ив — отражает не только значительное разнообразие растительности, но, возможно, и некоторую вертикальную зональность... Надо полагать, что лесные ландшафты — чаще всего облесенное среднегорье и пойменные леса — соседствовали здесь с обширными пространствами саванных ландшафтов» [Габуния Л. и др. 1996: 44].

Накопление всей толщи плейстоценовых отложений Дманисской стоянки оценивается, по геологическим меркам, как достаточно быстрое и практически непрерывное [Твалчрелидзе, Лордкипанидзе 1998; Gabunia L. et al. 2000: 15]. Однако период этот был все же достаточно продолжительным, и в течение его произошли заметные изменения природных условий. Как было показано выше, толщу отложений можно разделить на две части: слои VI—IV с прямой намагниченностью относятся к концу Олдувайского палеомагнитного эпизода, а вышележащие слои сформировались в последующий период эпохи обратной полярности Матуяма (рис. 5). Слой III с карбонатными корками является четким стратиграфическим маркером, разделяющим эти две пачки отложений. Этот слой знаменует смену полярности, а образование карбонатных корок и сохранившиеся в этом слое моллюски и пыльца отражают изменения климата в сторону аридизации [Ljubin, Bosinski 1995: 212; Майсурадзе и др. 1998: 253]. Подобная динамика климата подтверждается био-стратиграфическими показателями (состав фауны, пыльца растений, сухопутные моллюски). Состав фауны в слоях III и II существенно отличается от такового в нижних слоях, перекрытых коркой. В верхних слоях находится довольно мало костей, причем совершенно отсутствуют грызуны, рептилии, крупные хищники (саблезубый тигр, пантера и гиена) и такие лесные виды, как куница и лесная мышь. В нижней пачке отложений (слои VI—IV), напротив, все эти виды представлены, а вместе с ними — и в немалых количествах — остатки лошадей, оленей, бизонов, слонов, носорогов и ряда других животных. Палеозоологи полагают, что сокращение количества фауны и исчезновение многих видов на позднем этапе существования стоянки может отражать иссушение климата [Gabunia L. et al. 2000:

22]. Аналогичную тенденцию показывает растительность. «Сумма всех данных показывает, что во время формирования слоя IV в Дманиси было смешанное мозаичное окружение, состоявшее из открытых ландшафтов, галерейных лесов вдоль речных долин и залесенных гор. Размеры залесенных районов сократились во время образования слоев III и II» [Gabunia L. et al. 2000: 22—24].

Дманисская стоянка, по всей видимости, заселялась или посещалась гоминидами лишь периодически. Часть фаунистических остатков может быть связана с естественной гибелью животных. В слоях отмечены копролиты (окаменевшие экскременты) гиены, а также кости со следами погрызов их другими животными, что явно предполагает непостоянное присутствие человека [Lumley et al. 2002: 183]. Не исключено, что порой люди были вынуждены покидать стоянку из-за извержений вулканов близко расположенного Джавахетского хребта (следы вулканического пепла в слое IVb). Наибольшую интенсивность обитания можно предполагать для периода формирования слоя II: там встречено более всего каменных орудий и отмечена наибольшая степень раздробленности костей («кухонные отбросы»). Если судить по расколотым костям и обломанным рогам, обитатели стоянки чаще всего охотились на средних размеров оленей [Габуния Л. и др. 1996: 44].

Каменная индустрия охарактеризована специалистами в общем предварительно и, как правило, суммарно и неоднозначно. Первые публикации вовсе не касались различий в инвентаре разных уровней. В составе изделий, изготовлявшихся из галек окремненного туфа, кварца и кварцита, были отмечены нуклеусы (сферические, полиэдрические, оббитые в разных направлениях и др.), а также галечные орудия, которые порой трудноотличимы от нуклеусов, целые гальки со следами модификации и утилизации и редкие отщепы, подправленные краевой ретушью [Dzaparidze, Bosinski et al. 1989].

Археологи М. Ниорадзе и А. Юстус [Ниорадзе, Юстус 1998: 247—248] отнесли этот инвентарь к доашельскому периоду, подчеркивая нестандартность форм и «довольно однообразный» облик орудий из разных слоев. Позднее авторитетный французский археолог А. де Люмлей и его коллеги [Lumley et al. 2002] высказали мнение, что индустрия Дманиси может быть сравнима с так называемыми преолдувайскими индустриями, обнаруженными на некоторых стоянках в Кении и Эфиопии (Восточная Африка) и имеющими возраст 2 млн. лет и более. Их характеризуют относительно высокий процент орудий на грубо оббитых гальках, многочисленные гальки со следами ударов, малое использование нуклеусов и очень слабая их стандартизация. Отщепы, получаемые при оббивке нуклеусов или оформлении галечных орудий, почти не имеют дополнительной обработки лезвий, чаще демонстрируя ретушь от утилизации.

Изучение новых, более многочисленных коллекций позднее привело исследователей к выводу о различиях

между инвентарем нижних и верхних уровней стоянки [Celiberti et al. 2001: 96—97]. Индустрия нижних уровней отличается преобладанием орудий на очень грубо оббитых гальках, нуклеусами с односторонним скалыванием, порой ортогональными, мало сработанными. Среди отщепов доминируют краевые, т. е. с желвачной коркой. Специально оформленных мелких орудий на сколах почти нет: ретушь на лезвиях сколов отражает утилизацию. Индустрия верхнего слоя II носит несколько более развитый характер: техника расщепления и оформления орудий на гальках более совершенна, мелкие орудия встречаются чаще (до 4 %) и более разнообразны по набору типов (скребла, скребки, клыковидные и выемчатые формы). Изменения индустрии Дманиси (рис. 14, 15) во времени подтверждают вывод о достаточно длительной истории ее существования и не исключают обитания здесь разных популяций гоминид.

Первое представление об обитателях Дманисской стоянки было получено, как упоминалось, в 1991 г., когда в слое V на глубине 2,1 м была найдена нижняя челюсть гоминида, которую специалисты определили как близкую к виду *Homo ergaster* (ранний *Homo erectus*). Эта находка была оценена как выдающееся событие в палеоантропологии Евразии [Gabunia L. 1992; Bosinski 1992], однако она стала лишь первым звеном в цепи открытий. К настоящему времени в дманисской коллекции остатков гоминид имеется уже более 50 образцов, включая 6 черепов, 4 нижние челюсти, 12 изолированных зубов, позвонки и кости посткраниального скелета. Они принадлежат гоминидам разного пола и возраста и демонстрируют достаточно большую вариабельность как по размерам, так и по некоторым другим характеристикам, что вызывает дискуссии среди антропологов. В то же время, большинство исследователей согласны в том, что в целом эти костные остатки действительно более всего близки к ранним формам *Homo erectus*, которые были выделены в Африке как *Homo ergaster* [Gabunia L. et al. 2000: 1019; Векуа, Лордкипанидзе 2004: 50—57]. Редчайшей находкой является весьма архаичный по облику череп с сохранившимися лицевой частью и нижней челюстью, что позволяет визуально «познакомиться» с первопришельцами из Африки [Gore 2002] (рис. 16).

Итак, Дманисская стоянка отражает первый установленный на сегодня этап проникновения ранних людей в южную часть Кавказского перешейка на рубеже верхнего плейстоцена и плейстоцена (около 1,8 млн. лет назад). Она считается также одним из самых ранних памятников Евразии: подобный или даже несколько больший возраст предполагается ныне еще лишь для 4—5 памятников, расположенных на крайнем юге Испании, в Пакистане и в Китае. Однако датировки некоторых из них вызывают сомнения, а археологические материалы довольно бедны [Bosinski 1996]. Материалы Дманиси, напротив, выделяются своей полнотой и достоверностью.

Представляя собой первое свидетельство вхождения Кавказа в состав Евразийской палеолитической

ойкумены, Дманисская стоянка, как уже говорилось, является исходным пунктом для преистории региона. Пункт этот пока уникален: следующие по возрасту за Дманисской стоянкой памятники отделены от нее огромным интервалом — не менее 700 тыс. лет и содержат иной каменный инвентарь. Таким образом, Дманиси позволяет ныне говорить об ограниченном во времени и не имевшем непосредственного продолжения на раннем эпизоде проникновения древних гоминид на южные окраины Кавказа [Любин, Беляева 2004б]. Сохранение у дманисских гоминид олдувайской и даже преолдувайской технологий обработки камня свидетельствует, возможно, об относительно быстром продвижении их на Кавказ. В то же время, если и можно говорить о кратковременности этого «эпизода» заселения Кавказа, то только относительно общей хронологической шкалы плейстоцена. Мощностные культурных отложений стоянки и произошедшие за время их накопления существенные изменения природной среды, а также заметное развитие приемов обработки каменных изделий позволяют предполагать, что гоминиды с галечной индустрией могли обитать в данном районе Кавказа на протяжении многих десятков тысяч лет. Это заключение вселяет надежду на обнаружение здесь других стоянок, связанных с наиранным этапом заселения региона.

Завершая рассказ о Дманисской стоянке, мы не можем не обратиться к таким проблемам, как предпосылки этой древнейшей миграции в направлении Кавказа и причины последовавшего перерыва в его освоении. Параллельно впервые возникают другие вопросы, касающиеся и дальнейших этапов кавказской преистории, — вероятные пути продвижения людей на Кавказ, модели расселения их в регионе и стоящие за этим палеоэкологические факторы.

Рассматривая эти вопросы, мы отталкиваемся от данных по палеогеографии и палеоэкологии Кавказа и всей раннепалеолитической ойкумены в конце плейстоцена—начале плейстоцена. Следует также учесть разделяемое большинством специалистов мнение (см., например: [Фоули 1990; Тернер 1997]) о том, что по характеру распространения и использования природной среды ранние гоминиды наиболее близки крупным плотоядным животным. Те и другие обладают столь широкими адаптивными возможностями, что по мере роста популяции расширение их ареала ограничено главным образом наличием пищевых ресурсов — прежде всего в виде травоядных копытных животных. Для гоминид, изготавливавших каменные орудия, можно предполагать еще более развитые адаптивные способности. С другой стороны, существенные климатические сдвиги, приводившие к изменениям в составе и ареалах обитания травоядных животных, должны были, очевидно, оказывать заметное влияние на распространение и передвижение охотников на эту дичь.

Различные данные по глобальной динамике климата свидетельствуют о том, что постепенное похолодание с формированием океанического льда стало наблюдаться с миоцена, но особенно крупные климатические

перестройки отмечаются в интервалах 3,0—2,5 млн. лет и 1,75—1,45 млн. лет назад [Dolukhanov 2000; Карабанов и др. 2000] (рис. 6). Возникновение в Восточной Африке древнейших представителей рода *Homo*, примерно совпадающее по времени с появлением древнейших каменных орудий, относится к первому из этих интервалов (рис. 1). Это позволяет полагать, что именно перестройка ландшафтно-климатических условий в сторону аридизации и открытых пространств явилась тем природным стрессом, который окончательно подтолкнул восточноафриканских гоминид на путь антропогенеза (прямохождение, мясная диета, изготовление орудий) [Dolukhanov 2000; Вишняцкий 2002]. Исключительно важную роль в формировании природной среды, где происходило становление ранних людей, сыграли тектонические структуры Восточно-Африканского рифта. Образование там гигантских разломов земной коры сопровождалось складчатостью, сформировавшей к западу от них серию хребтов. Эти хребты, заслонившие рифтовую зону от влажного дыхания тропических лесов, а также развитие в ней вулканической активности обусловили специфику природных условий данной зоны: повышенную сухость климата, преобладание открытых ландшафтов саваннового типа, в которых образовалось множество небольших озер и укромных ущелий, а также широкое распространение пригодного для изготовления орудий лавового сырья.

Около 2 млн. лет назад успешность адаптивных стратегий и расширение ареала ранних гоминид привели к выходу их за пределы африканской прародины. Продвижение их в Евразию могло происходить через долину Нила и Суэцкий перешеек [Бар-Иосиф 1997] или через периодически осушавшийся Баб-эль-Мандебский пролив на юге Красного моря (Африкано-Аравийский мост) [Амирханов 1991]. Эти миграции ранних гоминид связываются с распространением фауны, расселявшейся в открытых саванноподобных ландшафтах той части Леванта, где находится Сирийско-Аравийское продолжение Великого Африканского рифта (так называемый «Левантийский коридор») [Бар-Иосиф 1997; Любин 1998б] (рис. 17). Судя по всему, сходное тектоническое строение обуславливало формирование экологически сходных ландшафтов — открытых пространств с обилием небольших водоемов, которые благоприятствовали обитанию там ранних гоминид.

Как показано в предыдущем разделе, данная рифтовая зона продолжается и далее на север, проходя через Восточную Анатолию и срединную часть Кавказского перешейка. На Армянском нагорье, занимающем эту часть Анатолии и южные окраины Кавказа, уже с плейстоцена преобладали полуоткрытые пространства саваннового типа с обилием водоемов, которые должны были привлекать расселявшихся с юга мигрантов [Любин 1998б]. Как пишут исследователи Дманисской стоянки, гоминиды постепенно распространились сюда благодаря воздействию определенных экологических и экономических стимулов (поиск новых кормовых угодий, новых более «энергетических» источников пропитания и сырьевых ресурсов) [Gabunia L. et al. 2000: 1019,

1024—1025]. Очень важно также, что тектонические разломы в анатолийской части рифтовой зоны образовали системы крупных межгорных депрессий и речных долин, которые обеспечивали сквозной проход через все нагорье, несмотря на продолжавшееся поднятие этой территории и образование крупных хребтов [Любин 1957: 88—89]. Одна из таких «торных дорог», ведущих с юга Армянского нагорья к его северо-восточной оконечности, выходит, в частности, к обширным Араратской и Ширакской котловинам, где в плейстоцене и среднем и верхнем плейстоцене существовали крупные палеозера (рис. 8). Озера эти располагались южнее Джавахетского хребта, около которого существовало немало более мелких озер. В восточных предгорьях хребта и находилось небольшое палеозеро с приуроченной к нему Дманисской стоянкой.

Поскольку путь с Ближнего Востока на Кавказ пролегал через Армянское нагорье, то функционирование его зависело, вероятно, от складывавшейся там ландшафтно-климатической обстановки, которая в период возникновения Дманисской стоянки была, судя по всему, весьма благоприятной: климат был очень теплым и влажным. Залив Каспия в максимальные фазы верхнеплейстоценовой акчагыльской трансгрессии достигал меридиана Тбилиси [Церетели 1977], то есть берега его могли быть примерно в 100—150 км к востоку от Дманиси (рис. 7А). Однако в верхних слоях стоянки, относящихся ко времени после завершения эпизода Олдувай, т. е. после 1,79 млн. лет назад, отмечена аридизация климата, оказавшая, очевидно, негативное влияние на экологическую ситуацию (сокращение численности и видового разнообразия фауны). Напомним, что примерно 1,75 млн. лет назад фиксируется начало существенного и длительного похолодания (рис. 6). В это же время происходило, вероятно, понижение и отступление Черного и Каспийского морей. Таким образом, допустимо, что последовавший за «дманисским эпизодом» длительный перерыв в заселении Кавказа связан именно с серьезным ухудшением климата, к которому ранние гоминиды по своим адаптивным возможностям были еще не готовы. Не исключено, что неблагоприятным фактором стала и вулканическая активность: один из периодов резкого усиления извержений приходился как раз на начало плейстоцена [Милановский 1977б].

Следующими по возрасту являются закавказская стоянка Амиранис-гора [Gabunia M. 2000] и памятник Богатыри, расположенный на северном берегу Таманского полуострова (Северный Кавказ) [Щелинский и др. 2004, Щелинский, Кулаков 2005а, б]. Состав сопутствующей фауны (таманский комплекс) в обоих случаях указывает на конец нижнего плейстоцена и возраст в интервале 1,2—0,8 млн. лет назад, ближе к его верхней границе. В последнем случае, правда, стратиграфический контекст был нарушен, и работа по сбору доказательств синхронности этой фауны и каменных изделий еще продолжается.

Стоянка Амиранис-гора находится к северо-западу от Дманиси, в западной части того же Южно-Гру-

зинского (Джавахетско-Ахалкалакского) вулканического нагорья, к западу от Абул-Самсарского хребта, на окраине г. Ахалкалаки (рис. 11). В начале 60-х гг. в подножии вулканического купола Амиранис-гора в делювиально-пролювиальных отложениях были найдены остатки плейстоценовых животных, и с тех пор в течение почти 30 лет этот пункт рассматривался и исследовался как костеносное местонахождение. Палеонтолог А. К. Векуа обнаружил там остатки животных таманского фаунистического комплекса (трогонтериевый слон, этрусский носорог, бегемот, сложнорогий олень, зюссенборнская и гиппарионовидная лошадь, сложнорогий олень, саблезубый тигр, пантера, медведь и др.) [Векуа 1962]. В 1992—1997 и 2003 гг. археолог М. К. Габуня заложил на этом месте несколько раскопов и среди костей этих же животных нашла небольшое количество изделий (21 экз.) явно нижнепалеолитического облика (скребла, скребок, нуклеусы и отщепы), изготовленных из местного андезито-базальтового сырья (рис. 18). Почти 90 % костных остатков на стоянке принадлежат зюссенборнской лошади и бизону, что связано, возможно, с охотничьей деятельностью обитателей стоянки.

Общий видовой состав фауны и палеоботанические данные предполагают господство умеренно жаркого климата. Опираясь на данные по фауне и пыльце, исследователи стоянки вначале датировали ее рубежом нижнего и среднего плейстоцена [Gabunia M. 2000: 43—46]. Палеомагнитный анализ отложений показал обратную намагниченность, что означает формирование их в эпоху Матуяма, до наступления эпохи прямой полярности Брюнес (780 тыс. лет назад). Более подробное изучение фауны и сопоставление с другими фаунистическими комплексами позволило позднее удревнить возраст стоянки, отнеся ее к периоду непосредственно перед началом палеомагнитного эпизода Харамильо эпохи Матуяма (рис. 5), что предполагает датировку около 1,1 млн. лет назад [Габуня М., в печати].

Что касается расположенного на Тамани памятника Богатыри (рис. 11), то история его открытия подобна таковой в Дманиси и в Амиранис-горе, но в более драматическом варианте. Как палеонтологическое местонахождение под названием Синяя Балка этот пункт известен еще с 1912 г., но остатки раннепалеолитической стоянки были обнаружены здесь лишь спустя 90 лет, в 2002 г. Данное костеносное местонахождение рассматривается как стратотип нижнеплейстоценового таманского фаунистического комплекса, где присутствуют такие виды, как южный слон, эласмотерий, зюссенборнская лошадь, бизон Шотензака, бобр-трогонтерий, таманский волк и некоторые другие [Верецагин 1959].

Как и в случае со стоянкой Амиранис-гора, установленные ранее возрастные рамки существования таманского фаунистического комплекса (1,2—0,8 млн. лет назад) являются основанием для примерной датировки сопутствующих каменных изделий [Щелинский, Кулаков 2005а: 117].

Каменные изделия — около 100 предметов к 2004 г. — были обнаружены, как пишут исследователи памятника В. Е. Щелинский и С. А. Кулаков, совместно с остатками таманской фауны в ходе раскопок оползневого участка берега на высоте 28 м над уровнем Азовского моря. Первоначальная геологическая и стратиграфическая позиция как изделий, так и костей неясна, хотя исследователи не исключают связи их с сохранившейся неподалеку песчаной толщей бакинского времени. Таким образом, сегодня правильнее говорить о памятнике как об остатках разрушенной стоянки. В то же время, есть факты, говорящие о незначительности переложения и частичном сохранении первоначального контекста: характерный для стоянок состав коллекции изделий (нуклеусы, сколы, орудия), включая обилие мелких сколов от обработки камня, обломки костей со следами резания и раскалывания. Каменные изделия были изготовлены из местного плитчатого известковистого песчаника и серого мергеля. Низкое качество сырья, его форма и древность индустрии отражены в примитивизме техники расщепления — в основном бессистемного — и в архаичном облике орудий (комбинированные орудия, чоппер, пиковидные (?) и клювовидные формы, нуклевидные скребки, грубые скребла и т. п.). Орудия на отщепах редки (чопперо-видное скребло, зубчатые изделия) [Щелинский и др. 2004; Щелинский, Кулаков 2005а: 116—118; 2005б: 304—309]. Исследования памятника продолжаются, что дает надежду прояснить характер данного комплекса и его геохронологическую позицию.

Памятники Амиранис-гора и Богатыри фиксируют второй известный на сегодня этап проникновения ранних гоминид на Кавказ. Возможно, что это происходило в теплый период, который предшествовал очень резкому похолоданию в самом конце раннего плейстоцена (кислородно-изотопная стадия 22, или оледенение гюнц). Похолодание это вновь сопровождалось регрессией морских бассейнов и вспышкой вулканизма на территории Армянского нагорья и на Центральном Кавказе. Таким образом, Дманиси, Амиранис-гора и Богатыри отражают наиболее древние, но хронологически разрозненные и, видимо, редкие эпизоды миграций ранних людей на Кавказ. Судьбы популяций, оставивших после себя эти единичные стоянки, неизвестны [Любин, Беляева 2004б].

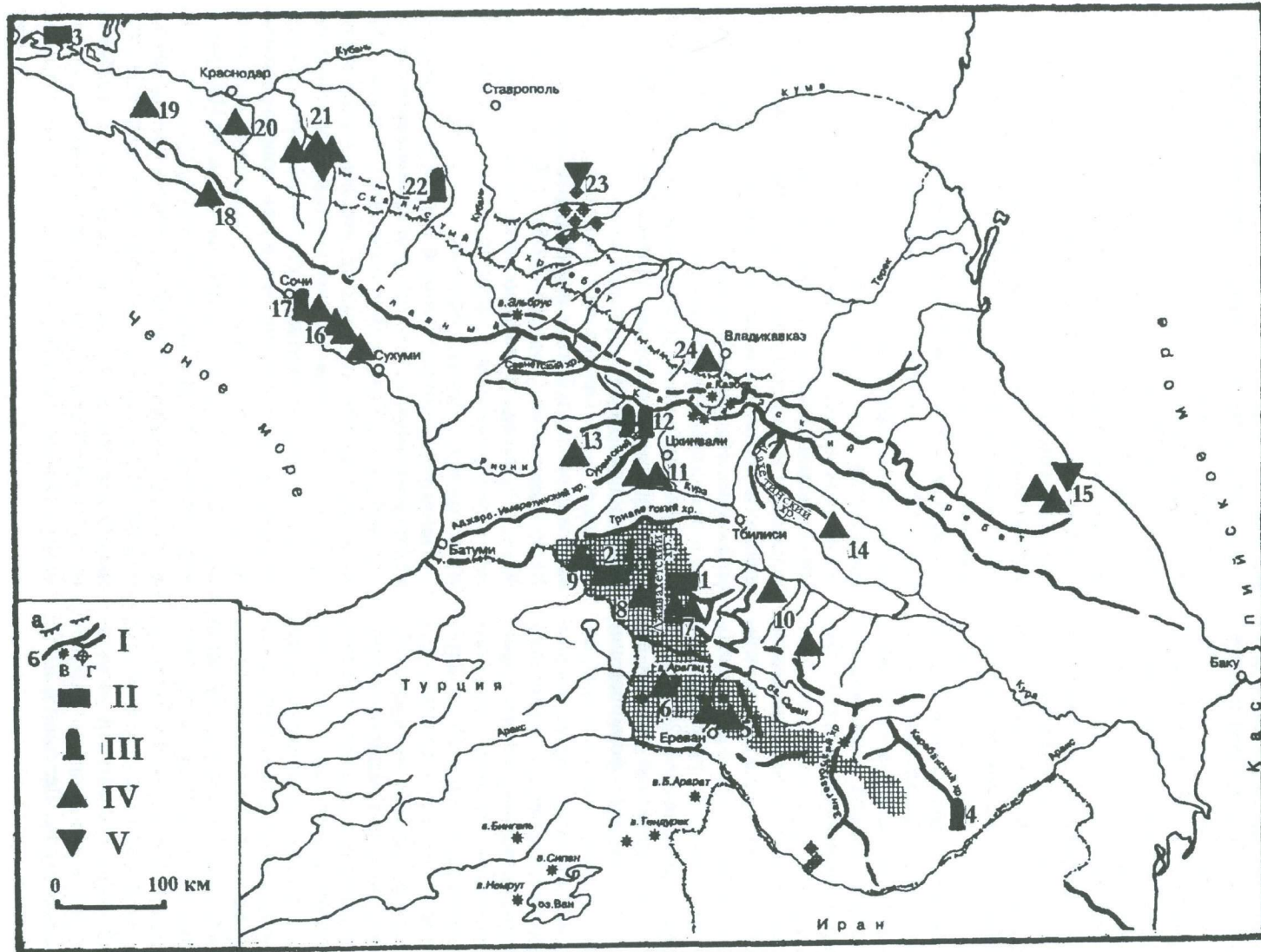

Рис. 11. Карта размещения доашельских и ашельских памятников Кавказа:

I — горные хребты и вулканические горы (а — кустовые хребты Северного Кавказа, б — основные хребты Большого и Малого Кавказа, в — вулканы, г — вулканические горы Пятигорья); II — доашельские стоянки; III — ашельские пещерные стоянки; IV — ашельские местонахождения; V — ашельские стоянки открытого типа. Доашельские стоянки: 1 — Дманиси; 2 — Амиранис-гора; 3 — Богатыри. Ашельские памятники: 4 — пещерная стоянка Азых; 5 — Разданская группа (местонахождения (далее: мест.) Джрабер, Фонтан, Атис, Арзни); 6 — Сатани-дар; 7 — Лорийская группа (стоянка Даштадем 3, мест. Благодарное 1—4, Даштадем 1—2, 4—9, Пахгахпюр 1—3, Норамут и др.); 8 — мест. Чикиани; 9 — мест. Персати; 10 — Западноазербайджанская группа (мест. Юкары-Салахлы, Гаюлы и др.); 11 — Юго-осетинская группа (мест. Лаше Балта, Калети, Тигва, Гористави и др.); 12 — пещерные стоянки Кударо I и III, Цона; 13 — Имеретинская группа (мест. Хвирати, Джикоети, Сарбеби и др.); 14 — Хахетинская группа (мест. Качрети, Зиари); 15 — Дагестанская группа (стоянка Дарвагчай I, мест. Чумус-иниц, Дюбекчай и др.); 16 — Абхазско-сочинская группа (мест. Яштух, Хейвани, Леселидзе, Богос и др.); 17 — пещерная стоянка Ахштгырь; 18 — мест. Кадошский мыс; 19 — Абинское мест.; 20 — мест. Игнатенков куток; 21 — Белореченская группа (мест. Абадзехское, Фортепянка, стоянка Средний Хаджох и др.); 22 — пещерная стоянка Треугольная; 23 — стоянка Кинжал

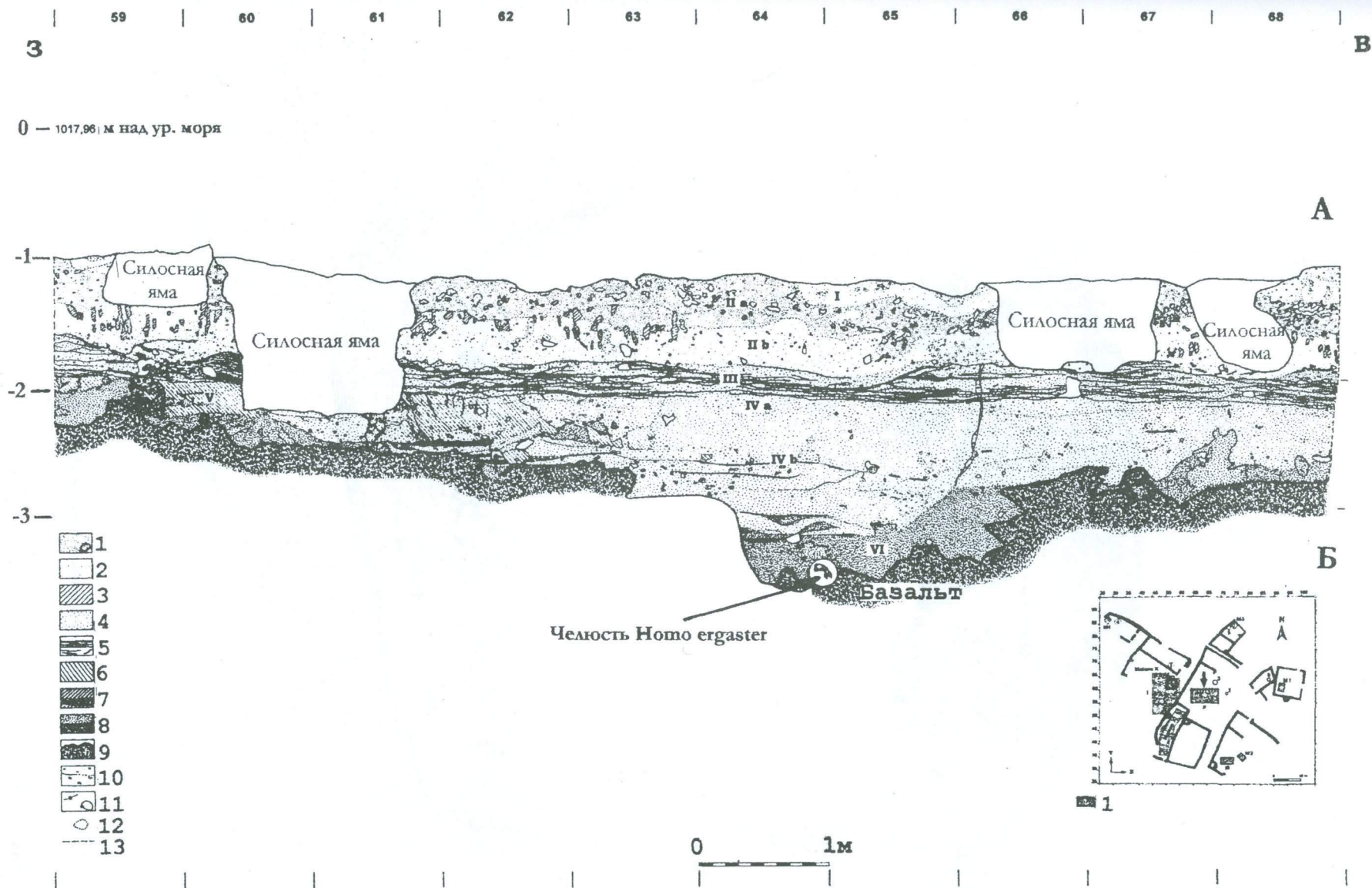

Рис. 12. Стоянка Дманиси (Южная Грузия):

А — стратиграфический разрез W-E, 59/60: 1 — песок светло-серый с включениями; 2 — песок бежевый; 3 — включения светло-коричневые, рыхлые; 4 — песок охристый; 5 — слои и линзочки карбонатные, целные и фрагментированные; 6 — песок и включения коричневой охры; 7 — глина; 8 — песок серый и светло-серый; 9 — базальт; 10 — зона конкреционная (натечная); 11 — границы облекания карбонатным натечком; 12 — каверна, нора; 13 — границы раскопа; Б — план стоянки: 1 — раскопанные участки, обозначенные римскими цифрами (I—III и XI) и зондажи, обозначенные M1-M4; кружки обозначают силосные ямы, вертикальная стрелка указывает местонахождение стратиграфического разреза W-E (по: [Lumley et al. 2002])

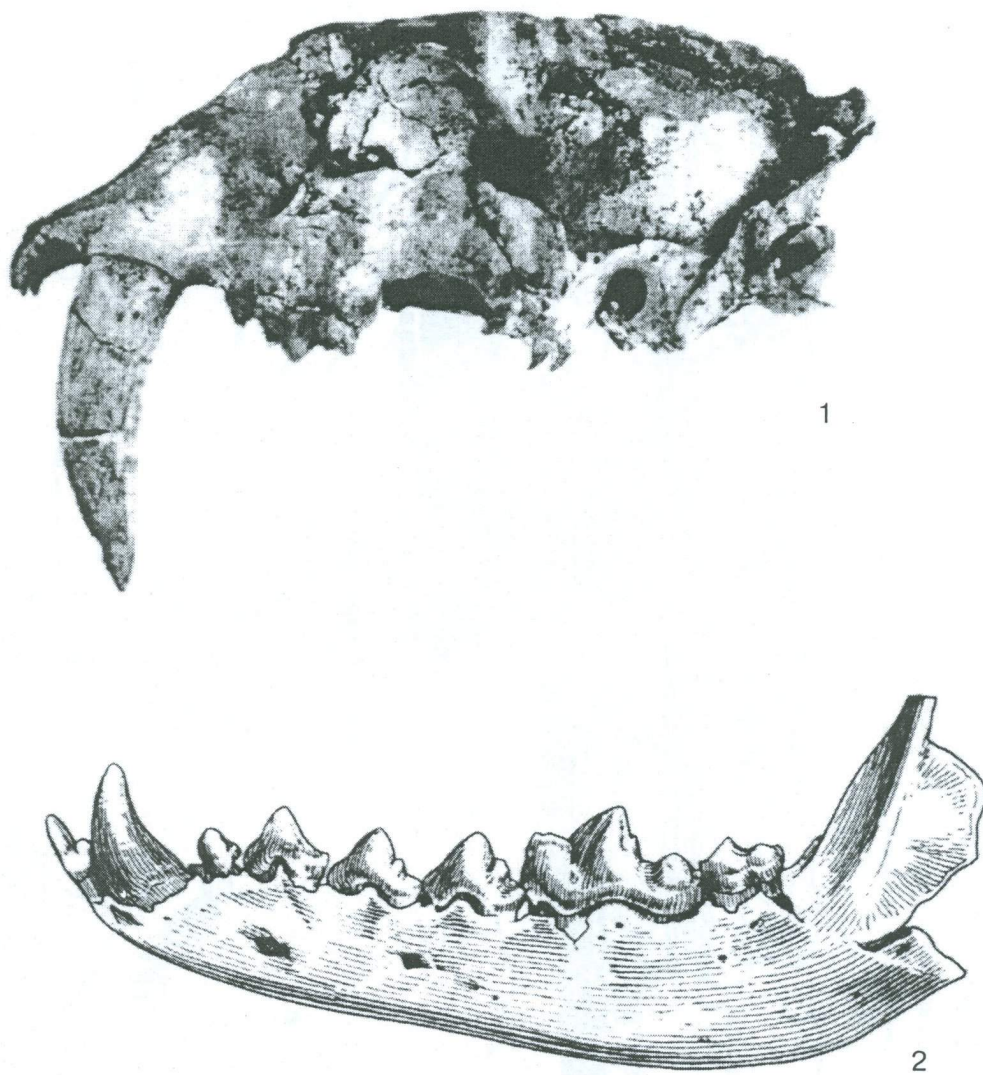

Рис. 13. Стоянка Дманиси (Южная Грузия):

1 — череп саблезубого тигра (*Megantereon megalantereon*); 2 — челюсть этрусского волка (*Canis etruscus*) (по: [Vekua 1995])

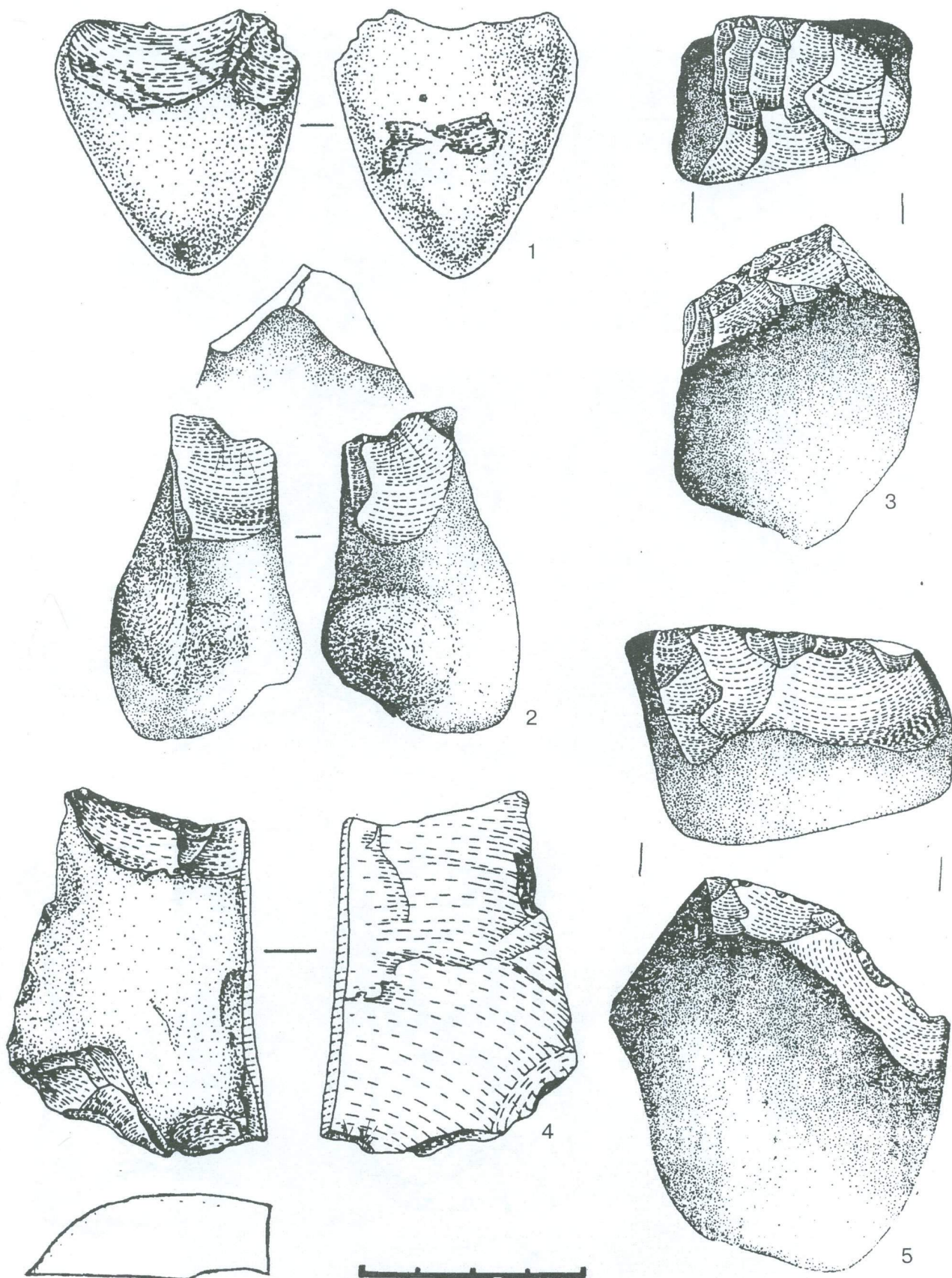

Рис. 14. Стоянка Дманиси (Южная Грузия). Образцы каменных изделий:

1 — чоппер; 2 — чоппинг; 3, 5 — нуклеусы (нуклеидные скребки?); 4 — отщеп (по: [Ниорадзе, Юстус 1998])

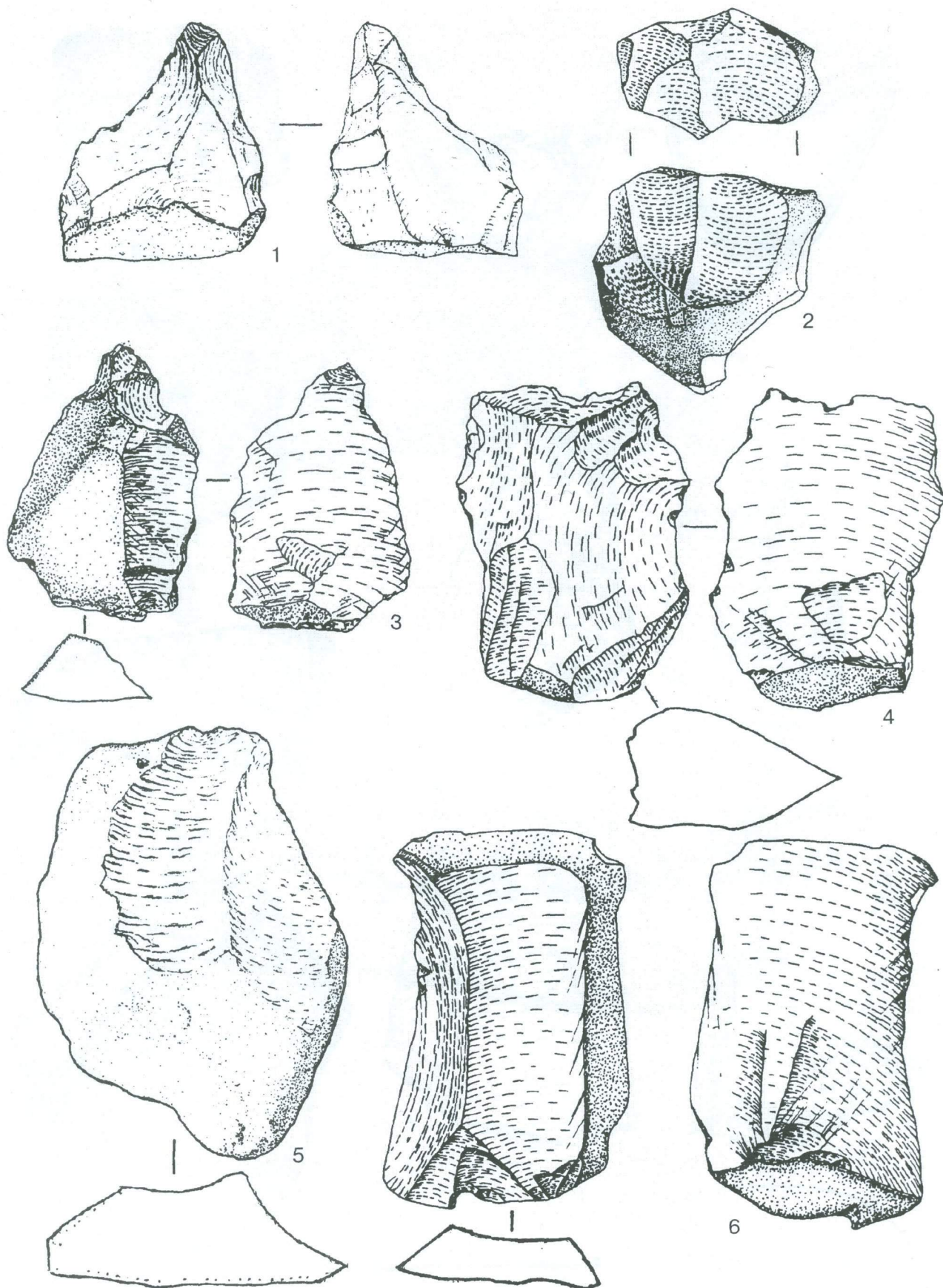

Рис. 15. Стоянка Дманиси (Южная Грузия). Образцы каменных изделий:
 1, 3, 5 — орудия; 2 — нуклеус; 4, 6 — отщепы (по: [Ниорадзе, Юстус 1998; Ljubin, Bosinski 1995])

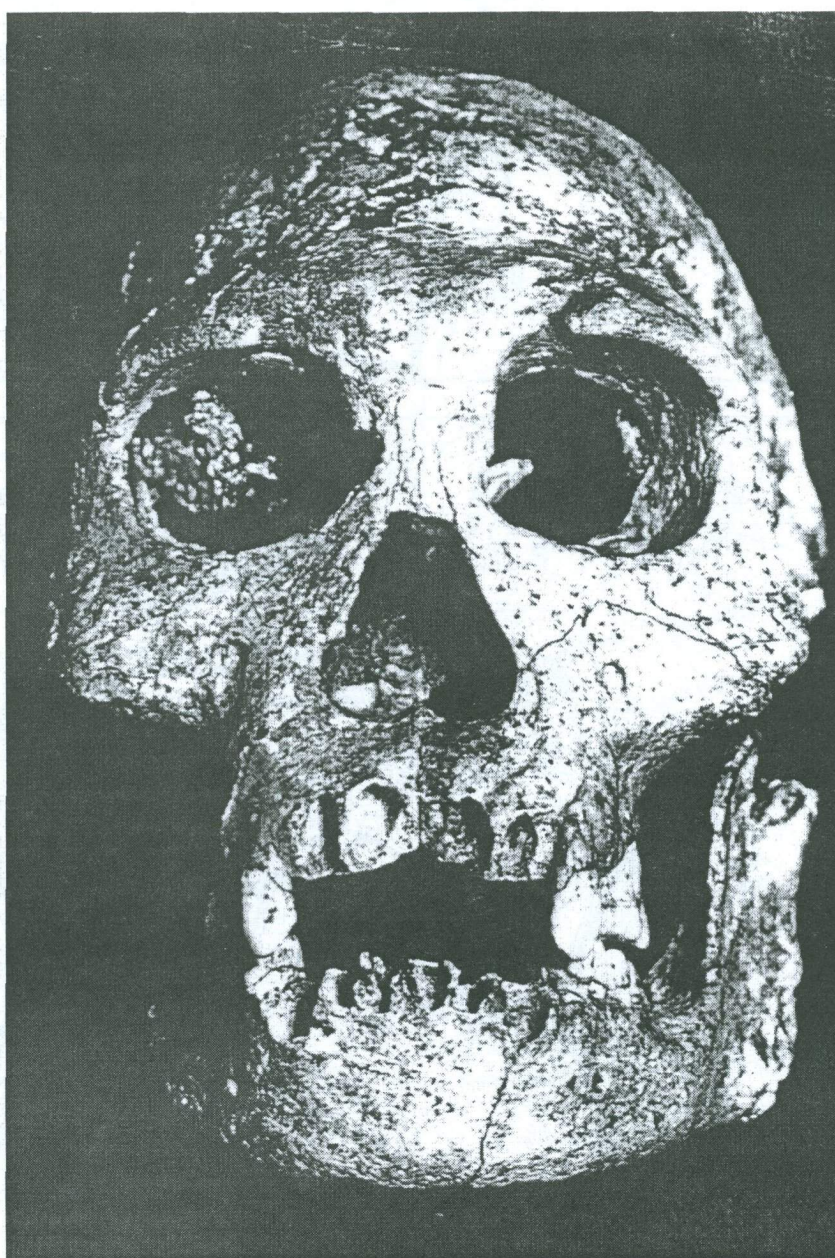

Рис. 16. Стоянка Дманиси (Южная Грузия). Череп гоминида с сохранившейся лицевой частью (челюсть, вероятно, принадлежала другому индивиду) (по: [Gore 2002])

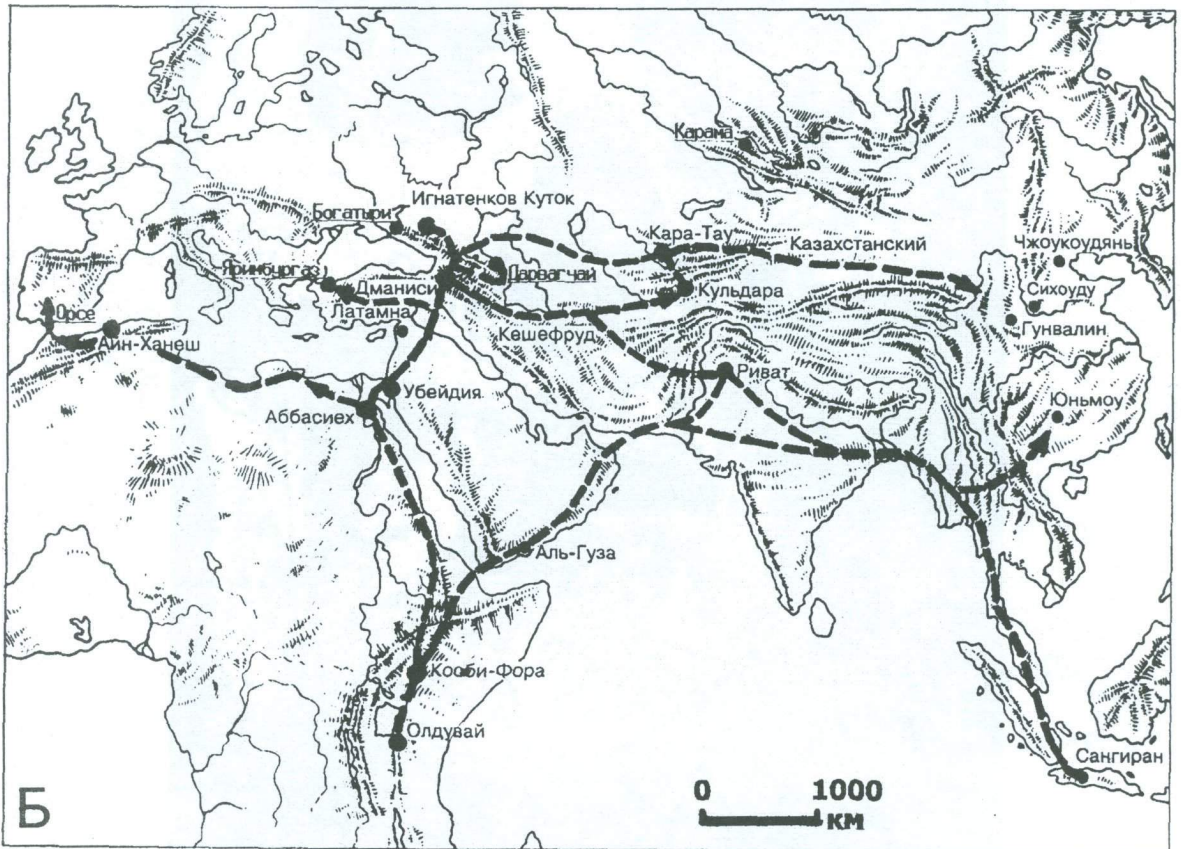
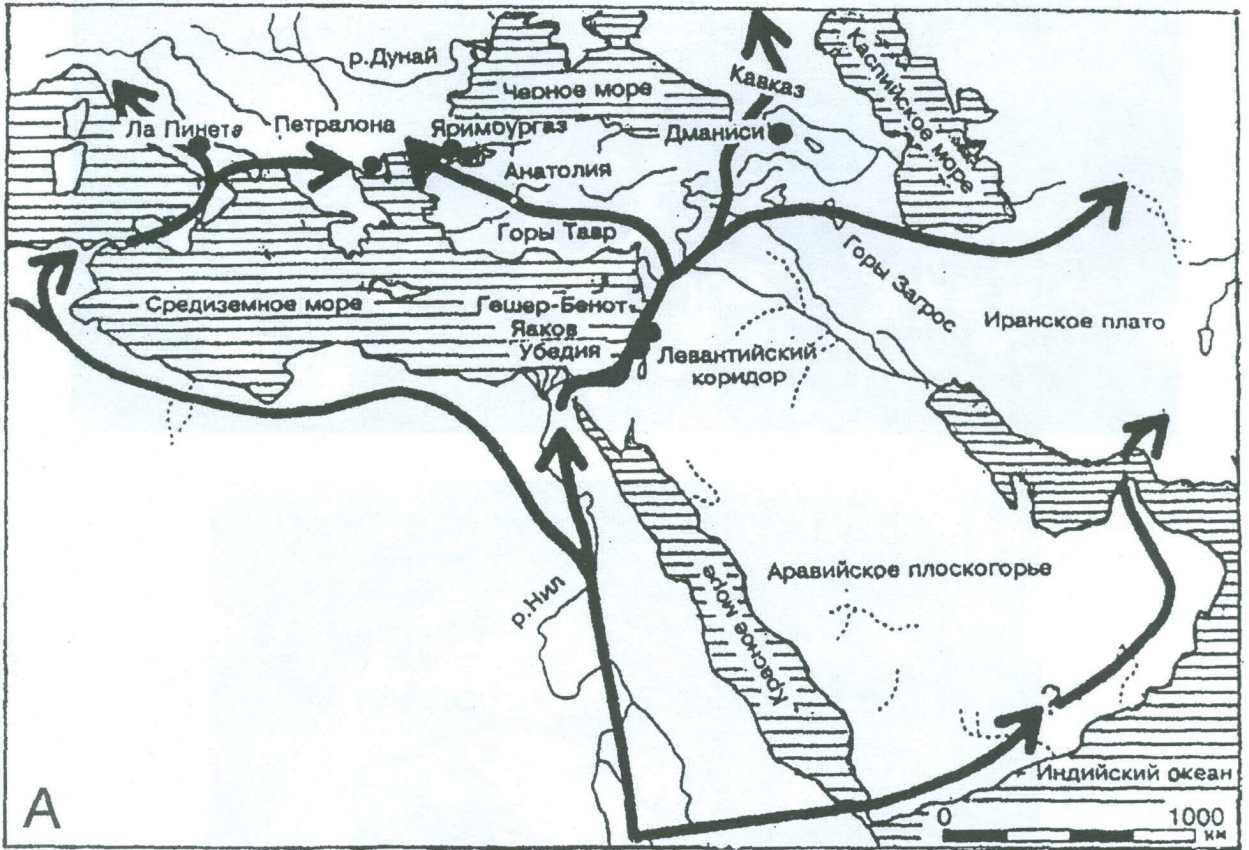

Рис. 17. А — возможные пути колонизации юго-запада Евразии группами *Homo erectus* (по: [Бар-Иосиф 1997]); Б — возможные пути колонизации Евразии ранними гоминидами (по: [Любин 1998б])

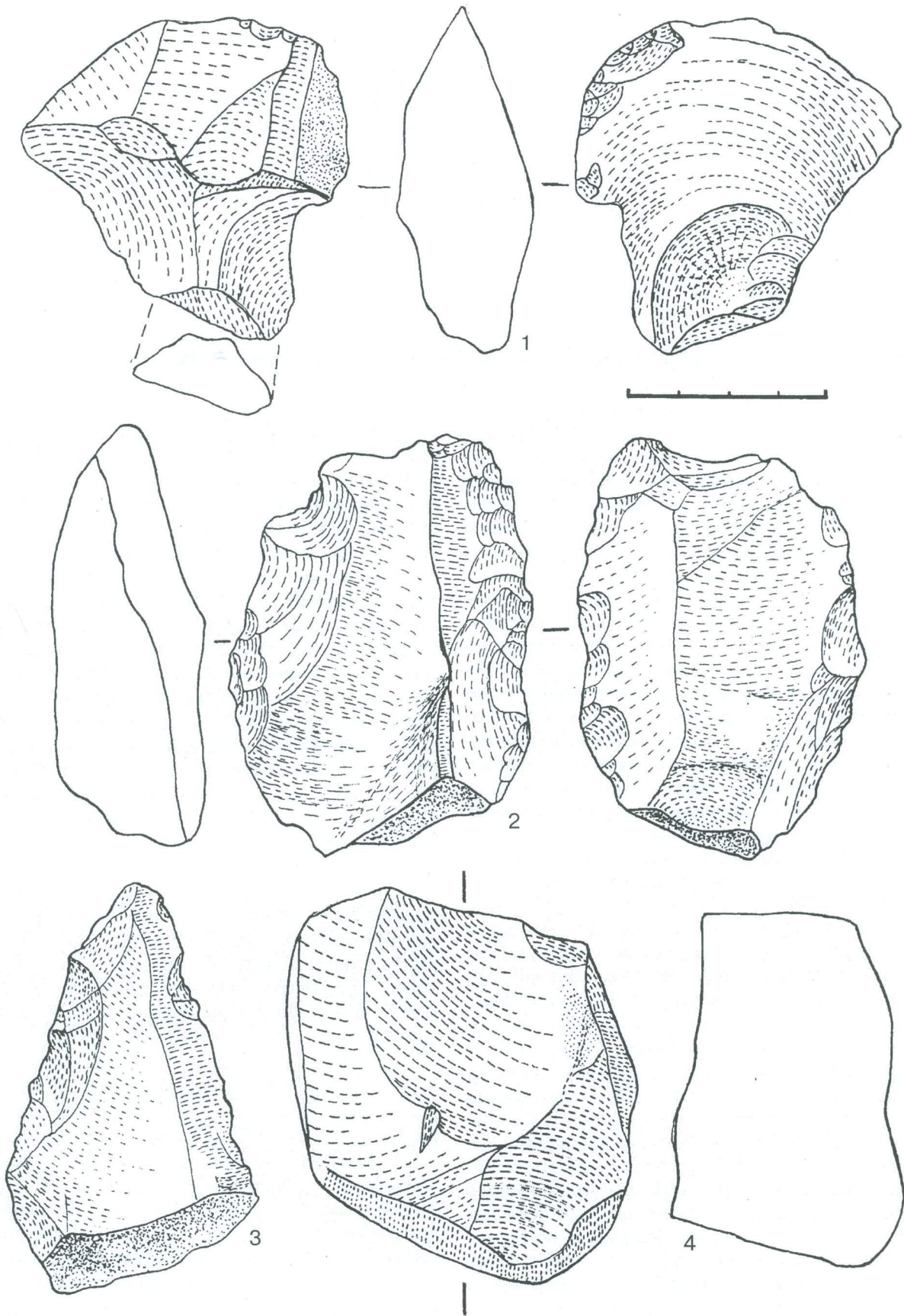

Рис. 18. Стоянка Амиранис-гора (Южная Грузия). Образцы каменных изделий:
1, 3 — отщепы; 2 — скребло; 4 — нуклеус (по: [М. Габуня, в печати])

Глава 3

Заселение Кавказа в ашельскую эпоху

Намного более активная и даже, пожалуй, «массовая колонизация» Кавказа раннепалеолитическим человеком начинается в так называемую ашельскую эпоху, которая представлена здесь многими десятками памятников (рис. 11). Как уже говорилось выше, эта эпоха раннего палеолита выделяется по появлению и преобладанию среди каменных индустрий комплексов с характерными макроорудиями — двусторонне обработанными ручными рубилами, или бифасами (рис. 19—22, 29—35, 37, 38). Если в Африке такие индустрии появились около 1,7 млн. лет назад, то в Евразии они впервые отмечены в инвентаре ближневосточной стоянки Убейдия, датируемой около 1,4 млн. лет. [Bag-Yosef, Goren-Inbar 1993]. К собственно ашельским индустриям относят те, в которых содержатся бифасы и такие сопутствующие им макроорудия, как рубящие орудия с поперечным лезвием на крупных отщепях (кливеры), а также характерные для раннего и отчасти среднего ашеля массивные орудия с острием-бойком (пики) (рис. 23, 24) и, порой, чопперы и нуклевидные скребки. В некоторых позднеашельских, а иногда даже в среднеашельских индустриях начинает появляться особая техника получения сколов правильных очертаний («леваллуазская техника»), которая в полной мере развивается уже в последующую эпоху среднего палеолита.

Наряду с собственно ашельскими индустриями в ашельскую эпоху существовали также индустрии иного технико-морфологического облика. Это комплексы без бифасов, где доминируют орудия на грубых и иногда мелких отщепях или же галечные орудия, что может отражать как переживание более древних традиций, так и ограничительную роль сырья. Размеры и поделочные качества подходящих для обработки пород, имевшихся в том или ином районе, не всегда позволяли производить крупные рубящие орудия путем двусторонней оббивки. Адаптация к мелкогабаритному сырью порой могла привести к формированию традиции изготовления микроорудий. Это прослежено, в частности, на израильской стоянке Бизат-Рухама, где гоминиды предпочли более твердое мелкогалечное крем-

невое сырье более крупноразмерному, но менее качественному [Zaidner 2001].

Истоки ашельских индустрий Кавказа находятся, очевидно, за пределами Кавказа. Ни одна из известных ныне ашельских индустрий Южного и Северного Кавказа ни по технике обработки камня, ни по формам орудий не имеет связи с индустриями типа Дманиси, Амиранис-гора и Богатыри. Абсолютное большинство кавказских ашельских индустрий демонстрирует достаточно развитую технику двусторонней обработки макроорудий, которая явно имеет истоки за пределами Кавказа. Создателями этих индустрий, судя по антропологическим находкам в ашельских слоях закавказских пещерных стоянок Азых (обломок челюсти) и Кударо I (отдельные зубы), могли быть поздние *Homo erectus*, которые пришли на Кавказ с юга, со стороны Леванта. Последнее суждение основано, с одной стороны, на практическом отсутствии ашельских памятников на расположенных севернее территориях Русской равнины, а с другой — на обилии подобных индустрий на территории Леванта и концентрации находок ручных рубил на юге Кавказа (Закавказское нагорье) с постепенным убыванием в северном направлении. Существуют, наконец, и некоторые параллели между ашельскими комплексами Леванта и Кавказа: присутствие пиков в наиболее ранних материалах, преобладание в позднем ашеле сердцевидных и овальных форм, наличие обушковых рубил, редкость кливеров-колунов и развитие леваллуазской техники и т. п. [Любин 1998а; 1998б]. Однако ашельские индустрии Кавказа имеют также свою локальную и региональную специфику, которая может быть отчасти объяснима трансформацией принесенных с юга индустрий в ходе адаптации их создателей к новым видам каменного сырья. Если на Ближнем Востоке основным сырьем для подавляющего большинства ашельских индустрий являлись кремневые желваки и гальки, то на Кавказе люди были вынуждены осваивать разнообразные вулканические и осадочные породы [Любин, Беляева 2001б; 2004а; 2004б].

Абсолютные даты для ашельского этапа заселения Кавказа получены путем различных физических методов датирования материалов пещерных стоянок Треугольная в Карачаево-Черкесии и Кударо I и III в Южной Осетии. Эти даты в совокупности с палеонтологическими данными (растительная пыльца, остатки крупных и мелких млекопитающих), полученными для этих стоянок, а также для пещерных стоянок Цона (Южная Осетия) и Азых (Нагорный Карабах), указывают на диапазон примерно 0,6—0,3 млн. лет назад. Он включает интервал от последнего внутрикроммерского теплого интерстадиала (кислородно-изотопная стадия 15) и вплоть до теплой стадии 9 в начале рисского похолодания. Этому не противоречит возраст выделенных на этих стоянках фаунистических комплексов — урупского и кударского (= сингильский) [Baryshnikov 2002: 62]. Нижние уровни Треугольной пещеры и ашельские слои Азыха, а также, возможно, и Кударо III относятся к ранним этапам этого хронологического диапазона [Дороничев 1992; 2001; Любин 1993; 1998а; Поспелова и др. 2001; Baryshnikov 2002; 62—63] (рис. 5).

Итак, судя по имеющимся абсолютным датам и био-стратиграфическим данным, ашельская эпоха на Кавказе начинается как будто бы с заметным опозданием по сравнению с более южными территориями. Она соответствует в целом позднему и финальному ашелю Леванта [Любин 1998б; Любин, Беляева 2001б]. Об этом же говорят и довольно развитые формы основной массы находимых на Кавказе ашельских изделий, включая большинство рубил. В то же время, нельзя забывать, что количество известных в Кавказском регионе стратифицированных ашельских памятников с ненарушенными культурными отложениями пока, к сожалению, еще очень мало, а определение их абсолютного возраста сопряжено с рядом проблем (например, плохая сохранность пригодных для датирования материалов, разные разрешающие возможности физических методов). С другой стороны, особенности некоторых находок — как контекст, так и технико-морфологические характеристики — заставляют предполагать высокую вероятность обнаружения более ранних ашельских стоянок. Первой ласточкой является стоянка Дарвагчай 1, открытая в 2003 г. на Каспийском побережье около г. Дербент (Дагестан). Палеолитические местонахождения были известны в Дагестане уже довольно давно [Котович 1964], но на памятнике Дарвагчай 1 впервые было зафиксировано, что архаичные кремневые отщепы происходят непосредственно из отложений очень древней морской террасы [Амирханов, Дервянко 2004]. Дальнейшие раскопочные работы, проведенные там совместной экспедицией Института истории, археологии и этнографии Сибирского отделения РАН и Института археологии РАН, выявили два уровня находок, среди которых преобладают разнообразные мелкоразмерные изделия из местного кремня, но имеется также и небольшое рубило, сделанное из плоской гальки. На основании состава фауны моллюсков было установлено, что терраса сформировалась в бакинскую стадию развития бассейна Каспия, которая

соответствует в целом кроммерской эпохе — примерно 0,8—0,5 млн. лет назад (рис. 5). Нижний из двух горизонтов с находками относится, как полагают специалисты, к ранне-бакинским отложениям. Еще несколько очень архаичных артефактов были собраны близ стоянки Дарвагчай 1 на ранее открытом местонахождении Чумус-иниц [Котович 1964], а также на новом местонахождении Айникаб в горном Акушинском районе Дагестана. В последнем находки были сделаны, в частности, в обнажении раннечетвертичной террасы (Х. А. Амирханов, личное сообщение).

Говоря о Северо-Западном Кавказе, нельзя не упомянуть о потенциальной вероятности связи ашельских изделий архаичного облика из местонахождения Игнатенков Куток в Прикубанье (рис. 19) с древней террасой с остатками раннеплейстоценовой фауны [Замятин 1961а: 66; Любин 1996: 105—108; 1998а: 166—168]. Привлекает также внимание находка в Абхазии, на горе Трапедия (окраинная часть местонахождения Яштух) очень крупного, массивного и сильно выветрелого кремневого рубила с «совковидным» концом (рис. 20). Сходные копьевидные рубила с узкими поперечными лезвиями (рубила «тернифинского» типа) известны на памятниках Северной Африки (Тернифин) и Леванта (Джуб-Джаннин II, Латамна), относимых к среднему ашелю и датировемых началом среднего плейстоцена. Разумеется, аналогия на основании единичного предмета не позволяет нам, подобно И. И. Коробкову [Коробков 1995], постулировать прямую связь причерноморского ашеля с упомянутыми африкано-левантийскими индустриями. В то же время, как технико-морфологические особенности, так и степень сохранности этого уникального для Кавказа орудия предполагают, что оно явно древнее всех прочих найденных в Причерноморье рубил [Любин, Беляева 2004а: 229]. Это позволяет думать, что и в этом районе можно найти, видимо, свидетельства некоего более раннего этапа заселения (начало среднего плейстоцена? первая половина кроммера?).

Однако, поскольку носители ашельских индустрий распространялись на Кавказ с юга, логично предположить, что следы наиболее древнего, «исходного» ашеля Кавказа должны быть особенно хорошо представлены на южных рубежах региона. Результаты специальных поисковых работ на Закавказском нагорье, на территории северного Лорийского района Армении, в предгорьях Джавахетского хребта (Ахалкалакско-Джавахетское вулканическое нагорье) и Сомхетского хребта (Малый Кавказ) (рис. 11), проведенных в 2003—2005 гг. совместной армяно-российской экспедицией, как будто подтверждают это предположение [Dolukhanov et al. 2004; Асланян и др., в печати]. Близ мест выходов наиболее кондиционного вулканического сырья (гиало-дациты, андезиты) в ряде пунктов были собраны сотни изделий ашельского облика, включая более 250 ручных рубил, среди которых выделяются впервые встреченные на Кавказе крупные и массивные образцы без малейших признаков ретушной подправки. Они оформлены считанным количеством крупных

снятий, имеют массивные необработанные основания (пятки) и отличаются большой степенью выветривания (химического и физического разрушения поверхности) (рис. 21, 22). Эти рубила выглядят намного архаичнее прочих типично верхнеашельских форм (рис. 29, 30) и по своим технико-морфологическим характеристикам могут быть соотнесены с некоторыми рубилами из среднеашельских и даже раннеашельских комплексов Ближнего Востока — например, Эврон-Карьер, Гешер Бенот Йааков, Берзин, Убейдия. Дополнительным подтверждением весьма древнего возраста части лорийских находок является также наличие в их составе нигде ранее не встречавшихся пиковидных орудий нескольких типов (рис. 23, 24), архаичных вариантов специфических кавказских ашельских рубящих орудий типа «цалди» (грузинское подобие мачете) (рис. 25), а также совершенно уникальных, связанных, возможно, с местными традициями или особенностями местного сырья очень крупных и массивных грубо оформленных подпрямоугольных орудий на плитчатых заготовках с острым, клювовидным или поперечным завершением дистального конца (рис. 26, 27) [Асланян и др., в печати]. Следует добавить, что некоторые сходные архаичные формы имеются также среди находок, собранных З. К. Кикодзе на местонахождении Чикиани [Кикодзе 1986] (рис. 28), которое расположено в грузинской части Ахалкалакско-Джавахетского нагорья, соседствующей с Лорийской областью Армении с севера. При всей осторожности, допустимо рассматривать все эти находки как следы первых и намного более древних, нежели предполагалось, ашельских экспансий на Кавказ. Судя по относительному обилию таких изделий, их создатели могли достаточно надолго задержаться на этих южнокавказских «аванпостах», приуроченных к богатому качественному сырью Закавказского нагорья. Однако необходим, разумеется, поиск новых свидетельств и прежде всего стратифицированных стоянок с подобными архаичными ашельскими индустриями, что позволило бы определить их возрастной диапазон.

Следует полагать, что наиболее вероятные пути, по которым ашельские люди, подобно их предшественникам, периодически проникали на Кавказ, пролегли через Армянское нагорье, северной частью которого является Закавказское нагорье. Остальная территория Армянского нагорья, расположенная в пределах турецкой Восточной Анатолии, обследована пока крайне слабо, но известны ашельские находки в среднем течении р. Евфрат, т. е. на южной, граничащей с Сирией окраине этого нагорья (близ г. Газиантеп) и в северо-восточной его части, на Карском плоскогорье [Любин 1957; Minzoni-Deroche, Sanlaville 1990; Taskiran 1998]. Нужно отметить, что переход к использованию вулканического сырья начал, по всей видимости, осуществляться уже по мере продвижения через изобилующее лавовыми излияниями Армянское нагорье: ручные рубила из какой-то разновидности базальта найдены в районе Трабзона и Карса [Taskiran 1998: 571, pl. 1]. Карское же плоскогорье соседствует с Закавказским

нагорьем, которое изобилует находками рубил, изготовленных из местного лавового сырья (дацит и андезит в северной части, обсидиан — в южной). Среди сотен этих орудий преобладают верхнеашельские типы (рис. 29, 30), но недавно, как уже сказано, стали обнаруживаться рубила и другие макроорудия, характерные для более ранних стадий ашеля (21—28). Таким образом, Закавказское нагорье длительное время служило, вероятно, своеобразным «плацдармом» ашельских новоселов на юге Кавказского перешейка [Любин 1998б].

Карта распространения ашельских памятников (рис. 11) показывает, что и в эту эпоху раннего палеолита заселявшие перешеек с юга люди расселялись прежде всего вдоль срединной части Южного Кавказа с ее более открытыми ландшафтами и наличием разнообразного каменного сырья (вулканические породы, а также кремль, сланец и др.). Юго-западная, причерноморская часть региона (Колхида) на протяжении раннего и среднего плейстоцена была по большей части покрыта влажными субтропическими лесами [Чочиева, Мамацашвили 1991], а Прикаспийская (Куро-Араксинская) низменность периодически покрывалась водами разливавшегося Каспийского моря, что не способствовало освоению этих территорий раннепалеолитическим человеком [Любин 1998б]. В то же время, есть данные, свидетельствующие, что ашельские люди могли обживать участки древних береговых линий — вероятно те, где существовали привычные для них полуоткрытые и открытые ландшафты. Проникновение ашельских людей в Абхазский и Сочинско-Туапсинский секторы Черноморского побережья фиксируется цепочкой местонахождений и, в том числе, одной из крупнейших мастерских на выходах кремня — Яштух. В этих пунктах обнаружено значительное количество характерных для этой эпохи изделий, включая около 20 ручных рубил [Замятнин 1961б; Щелинский, Гагашьян 1980; Любин 1998а] (рис. 20, 31). Пути, по которым изготовители бифасов вышли на Черноморское побережье, пока не выяснены. Гипотетически продвижение к черноморскому побережью могло происходить, скорее всего, в обход залесенной и заболоченной Колхиды, вдоль окаймляющих ее предгорий, или, не исключено, через межгорную депрессию, простирающуюся от черноморско-каспийского водораздела в срединной части перешейка до моря — через продольные долины верховий рек Риони, Ингури, Кодори, Бзыбь и Псоу [Любин 1998а: 175]. В то же время, промежуточные пункты с ашельскими находками в последнем из упомянутых районов еще не найдены.

Раннее появление и распространение ашельских людей на берегах Каспия удостоверяют дагестанские памятники, расположенные уже на северном склоне Большого Кавказа [Котович 1964; Амирханов, Деревянко 2004]. Однако вопрос о предшествующих точках прикаспийского пути на север и о расселении ашельских людей в Восточном Закавказье остается пока неясным. Здесь известны пока лишь несколько местонахождений с изделиями ашельского облика, причем на них

встречены лишь единичные бифасы. Несколько ручных рубил собраны на западе Азербайджана при обследовании высоких правобережных террас в среднем течении р. Куры [Мансуров 1971: 37—39; Любин 1984: 62]. Эти террасы Куры и ее притоков приурочены к Прикуринской аккумулятивной террасовой равнине, именуемой также Предмалокавказской наклонной равниной [Нефедьева 1962]. Таким образом, данный район можно рассматривать и как северную периферию Закавказского нагорья. Помимо продуктов сноса с северных склонов Малого Кавказа, некоторые исследователи выделяют здесь дельтово-лиманно-морские отложения, а другие указывают на их озерный характер, предполагая существование в бакинское время большого озера, связанного с заливом Палео-Каспия [Музейных 1975]. Так или иначе, допустимо предполагать расселение в полосе северных предгорий Малого Кавказа вдоль древних береговых террас. Местонахождения с ашельскими артефактами, включая единичные рубила, встречены также на южном склоне восточной части Большого Кавказа — в предгорьях Кахетинского хребта, расположенного в междуречье рек Иори и Алазани [Бугианишвили 1979]. Далее к востоку, в направлении Каспийского побережья, южный склон Большого Кавказа еще не изучен. Не обследованы и Прикаспийская низменность, и Азербайджанское побережье. Таким образом, несмотря на большую, на наш взгляд, вероятность продвижения ашельских гоминид в обход периодически заливаемой морем Прикаспийской низменности, не следует пока полностью исключать и возможность прохода через нее в периоды отступления Каспия.

Следует заметить, кстати, что в тех случаях, когда гипотетические приморские пути расселения должны были обходить покрытые морем или залесенные и заболоченные участки западной и восточной прибрежных низменностей, их, очевидно, можно рассматривать как ответвления основного пути, связанного с Транскавказским поднятием. Напомним, что в периоды трансгрессий, в частности бакинской, берегами Каспия становились именно восточные окраины этого поднятия. Расселение же ашельских людей в центральной, субмеридиональной полосе южной половины Кавказского перешейка хорошо фиксируется стратифицированными пещерными стоянками (Азых в Нагорном Карабахе, Кударо I, Кударо III и Цона в Юго-Осетии, Центральный Кавказ) и многочисленными местонахождениями, многие из которых приурочены к выходам сырья.

В южной части Закавказского нагорья (Центрально-Армянское вулканическое нагорье) на территории Армении обнаружена целая группа таких памятников, приуроченных к выходам обсидиана в окрестностях массива Арагац и на западной окраине Гегамского нагорья, в долине р. Раздан. По степени гомогенности и количеству ашельских находок выделяются мастерские Сатани-дар [Паничкина 1950; Сардарян 1954], Джрабер-Фонтан [Любин 1961; Ерицян и др. 1996] (рис. 32) и, в особенности, Атис у одноименного вулканического купола, где в нескольких пунктах было собрано

9500 изделий [Казарян 1986], в том числе 1500 ручных рубил, включая 450 бифасов в разных стадиях обработки в пункте Атис I [Казарян, в печати]. Северная, дацитовая зона Армении (Ахалкалакско-Джавахетское вулканическое нагорье) вначале доставляла очень скудные находки [Гаспарян и др. 2005]. Однако начатые недавно, как говорилось выше, работы армяно-российской экспедиции позволили открыть там уже почти два десятка подобных памятников — Даштадем 1—9, Благодарное 1—4, Пахтапюр и ряд других, где найдено уже более 250 рубил (рис. 21, 22, 29, 30) и сотни других изделий [Dolukhanov et al. 2004; Асланян и др., в печати]. Важно отметить, что в обследованном районе предгорий Джавахетского хребта почти не встречаются материалы, выходящие за рамки ашельской эпохи. Представляется, что открытия здесь еще только начинаются и Лорийская область Армении обещает стать новым «ашельским клондайком». С севера к этой группе памятников примыкают уже упомянутые местонахождения грузинской части Ахалкалакско-Джавахетского нагорья Чикиани и Персати [Кикодзе 1986] (рис. 28), а также Ахалкалаки I и II [Григолия 1965], уступающие армянским памятникам по обилию находок, но содержащие отчасти сходные формы рубил. Еще севернее в этой же полосе Транскавказского поднятия имеются две группы ашельских местонахождений, расположенных к западу и к востоку от Сурамского хребта — на территориях Имеретии и Юго-Осетии. Западная, имеретинская группа включает местонахождения с мустьеро-ашельскими материалами, среди которых доминируют многочисленные нуклеусы, сколы, а также орудия на сколах из местного высококачественного кремня. Здесь же найдено несколько кремневых ручных рубил, в том числе одно крупное копьевидное длиной 18,5 см [Тушабрамишвили Д., Небиеридзе 1974: 18, рис. 3] (рис. 33). Намного более обильный и выразительный материал доставили местонахождения юго-осетинской группы местонахождений (Лаше-Балта, Калети, Тигва, Гористави и др.), где собрано более 70 ашельских бифасов [Любин 1960] (рис. 34, 39: 1).

Адаптировавшись к горным ландшафтам еще по мере пересечения Армянского нагорья, а потом освоив названные области Южного Кавказа, носители ашельских индустрий начинают проникать и на Северный Кавказ. Это продвижение могло происходить как в обход хребтов Большого Кавказа по рассмотренным выше приморским маршрутам, так и далее в субмеридиональном направлении в срединной полосе перешейка. Большинство ашельских местонахождений Северного Кавказа находится в его западной части, в бассейне Кубани и приурочено к богатым источникам кремня, сосредоточенным в Белореченско-Лабинском районе [Аутлев 1963]. Ручные рубила в кубанских местонахождениях редки, а состав находок предполагает их разновозрастность при наиболее заметной роли позднеашельских форм (рис. 35). В то же время, напомним, есть отдельные находки (Игнатенков Куток), позволяющие говорить о вероятности более ранних миграций создателей ашельских бифасов в этот район Северного Кавказа (рис. 19).

Можно предположить, что ашельские люди могли проникнуть в Прикубанье непосредственно с Абхазско-Сочинского побережья Черного моря, преодолев низкие перевалы западной части Большого Кавказа [Любин 1969: 156—157]. На Северо-Восточный Кавказ ашельцы продвигались, очевидно, по второму приморскому пути — каспийскому, о чем свидетельствуют, как говорилось выше, ашельские памятники Дагестана [Котович 1964; Амирханов, Деревянко 2004]. В связи с началом нового этапа активных работ в данном районе следует ожидать там немало новых открытий.

Наряду с названными маршрутами существовала, на наш взгляд, и третья возможность расселяться на Северный Кавказ — по изначальному срединно-кавказскому пути. Гипотеза о непосредственном продолжении его далее на север основана на предположении, что у ашельских людей была возможность переходить на северный склон Большого Кавказа напрямую — через пониженный центральный участок этого горного рубежа, разделяющий ныне Северную и Южную Осетию. Водораздел здесь смещен на Сланцевый, или Осетинский, хребет с множеством доступных по сей день перевалов, а более высокий Боковой хребет пропилен реками северного склона (рис. 36). Поскольку в плейстоцене поднятие Большого Кавказа еще не достигало современных высот, можно с высокой долей вероятности говорить о доступности этих перевалов в эпоху ашеля — по крайней мере, в периоды межледниковий. Хотя сходные с закавказскими бифасо-содержащие ашельские стоянки на данном участке северного склона пока не обнаружены, весьма обнадеживающими являются находки близ Владикавказа двух ручных рубил, одно из которых напоминает копьевидные рубила из кударско-цонских стоянок Южной Осетии. Отметим также недавно обнаруженную стоянку открытого типа на горе-лакколите Кинжал (Минераловодский район Ставропольского края), которую только начинают исследовать и индустрия которой предварительно определяется как своеобразный вариант ашеля [Любин, Беляева 2004в]. Это первые свидетельства того, что ашельские люди действительно могли использовать центрально-кавказский путь для проникновения на Северный Кавказ [Любин, Беляева 2001—2002].

Прослеживая распространение ашельских индустрий и их вариабельность в пределах Кавказа, уместно более подробно рассмотреть уже отчасти затронутую тему каменного сырья. Роль его в рассматриваемых процессах представляется нам очень значительной и многоплановой. Во-первых, само наличие пригодного для расщепления и обработки сырья было одним из основных регламентирующих расселение факторов — наряду с ландшафтно-климатическими условиями. Там, где такое сырье не встречается или представлено очень скудно, отсутствуют или почти отсутствуют следы пребывания ранне- и среднепалеолитического человека. Зависимость от источников каменного сырья становится менее жесткой лишь на более поздних стадиях каменного века, где появляются костяные и составные орудия, а каменный инвентарь становится более мелким и

компактным, что обеспечивает дальнюю транспортировку достаточного для длительного использования набора инструментов.

В ашельское время привязанность людей к источникам каменного сырья наиболее заметна: к ним тяготеют самые крупные скопления памятников. На Кавказе можно выделить несколько основных петрографических провинций, содержащих породы, использовавшиеся палеолитическими людьми. Изверженные породы связаны с субмеридиональной зоной вулканизма в полосе Транскавказского поперечного поднятия, тянущегося от Центрально-Армянского и Ахалкалакско-Джавахетского вулканических нагорий через Центральный Кавказ (Казбекско-Эльбрусский вулканический район) вплоть до Минераловодских лакколитов. Наиболее обильно лавовое сырье представлено, как отмечалось, на юге Кавказа. На Центрально-Армянском нагорье господствует обсидиан, на Ахалкалакско-Джавахетском нагорье — дацит и андезит. Источники андезитового сырья в виде небольших коренных выходов или вынесенной реками гальки известны и на обоих склонах Центрального Кавказа (Северная и Южная Осетия, Ингушетия) [Любин, Беляева, Мальсагов, в печати]. Среди осадочных пород наибольшее значение имел кремль, приуроченный преимущественно к окаймляющим Большой Кавказ известняковым массивам. Основные месторождения кремневого сырья разных достоинств расположены на Кубанском Кавказе (Белореченско-Лабинское междуречье), в Абхазском Причерноморье и в Имеретии (Западная Грузия) [Любин, Беляева 2005б].

При базировании стоянок на источниках одного, но обильного и качественного с точки зрения возможностей его обработки сырья формировались моно-сырьевые индустрии. Таковы обсидиановые индустрии Центрально-Армянского нагорья (стоянки-мастерские Джрабер, Атис, Арзни), андезито-дацитовые индустрии Ахалкалакско-Джавахетского нагорья (Даштадем, Пахгахпюр, Благодарное, Чикиани и др.), кремневые индустрии Белореченско-Лабинского р-на (Абадзехское, Фортетьянка, Средний Хаджох и др.) и Абхазии (Яштух). Есть, однако, пример моносырьевой индустрии из сырья относительно невысокого качества (метаморфизованный известняк), что связано с полным отсутствием там других сколько-нибудь пригодных для расщепления пород (стоянка на горе Кинжал, Пятигорье, Ставропольский край). Расположение стоянок на периферии богатых кремнем и вулканиками территорий или же вблизи относительно скудных либо низкокачественных источников этих пород вело, как правило, к параллельному использованию разных видов местного и приносного сырья и формированию полисырьевых индустрий (пещера Азых в Нагорном Карабахе, пещерные стоянки и местонахождения Юго-Осетии (Кударо I и III, Цона, Лаше-Балта, Тигва, Гористави и др.), Треугольная пещера в Карачаево-Черкесии).

Редкий случай наличия значительной доли изделий из импортного андезито-дацита на памятнике с высококачественным и изобильным местным сырьем (об-

сидиан) отмечен в Сатани-Даре (западные склоны массива Арагац, Центрально-Армянское нагорье). Андезит-дацитовое сырье присутствует там только в виде ручных рубил. Отсутствие других изделий из этой породы и отходов от обработки рубил позволяет предположить, что они могли быть принесены сюда людьми, пришедшими с севера, из зоны распространения соответствующих пород (Ахалкалакско-Джавахетское нагорье). Единичные бифасы из подобного сырья встречаются и на обсидиановых мастерских Атис и Джрабер.

Таким образом, анализ сырья порой помогает проследить возможные направления миграций и культурных контактов. Особенно ярким примером этого является обнаружение обсидиановых изделий в инвентаре ашельской стоянки Кударо I в Юго-Осетии (Центральный Кавказ): ближайшие выходы его располагаются на расстоянии более 100 км к югу в описанных выше вулканических районах Армении и Южной Грузии [Любин 1998а; Любин, Беляева 2004а, б]. Обращает на себя внимание и присутствие андезитового рубила в «кремневом царстве» Яштухского местонахождения (Абхазия) [Бердзенишвили 1979, табл. XXX₁], которое удалено от районов с вулканическим сырьем на расстояние не менее 200 км по прямой. Есть также основания допускать наличие связей между ашельскими местонахождениями Юго-Осетии в предгорьях Большого Кавказа и памятниками Закавказского нагорья. Андезит, из которого сделаны рубила на юго-осетинских местонахождениях, не является местным сырьем, и отходы от его обработки там отсутствуют, что предполагает транспортировку готовых изделий из более южных вулканических областей [Любин 1984: 61]. Немаловажно также, что среди бифасов обоих районов обнаруживаются некоторые параллели как по характерным формам (сердцевидные, овальные и подпрямоугольные), так и по сходным приемам оформления на крупных отщепках [Любин, Беляева 2004б]. Отметим, наконец, «чужеродное» ручное рубило из ороговикованного, т. е. метаморфизованного на контакте с магмой известняка, в кремневой индустрии Абадзехского местонахождения на Кубани (рис. 35: 2)

Позволяя порой, как в описанных случаях, проследить возможные культурные контакты и миграции, разнородное сырье ашельских индустрий Кавказа одновременно усложняет многие аспекты их исследования. Как уже говорилось выше, трудности с поиском конкретных истоков кавказских ашельских индустрий могут отчасти объясняться переходом пришельцев из Леванта с кремневого сырья на лавовое, что привело, видимо, к определенной трансформации облика каменных изделий [Любин, Беляева 2001; 2004б]. Это заставляет обращать особое внимание на роль сырьевых ресурсов при исследовании таких вопросов, как локальная специфика ашельских индустрий Кавказа, факторы их разнообразия, характер развития и взаимосвязи.

Весь этот круг вопросов обычно обозначается как «проблема вариабельности каменных индустрий». Одну из основных причин вариабельности мы видим в

том, что уже в ашельское время у разных групп людей начали возникать определенные традиции в обработке камня и изготовлении орудий. Это можно, в частности, увидеть на примере каменных индустрий многослойных стоянок (пещеры Кударо I, Азык), которые существовали в течение довольно длительного времени, зафиксированного серией геологических напластований. Несмотря на полисырьевой состав и небольшую изменчивость во времени, обе эти своеобразные индустрии демонстрируют в целом устойчивое воспроизводство отдельных форм или типов орудий, приемов расщепления и обработки камня, деталей оформления орудий и т. п. [Любин, Беляева 2004а]. Выявлять подобные традиции и проследить их развитие на коллекциях каменных изделий из других ашельских памятников Кавказа значительно труднее. Наряду с влиянием сырья характер их материалов в очень большой мере определяется разной сохранностью и функциональными типами памятников. Основная масса ашельских памятников региона, как говорилось, представлена местонахождениями, где культурные отложения по тем или иным причинам отсутствуют. Часть из них, видимо, представляет собой разрушенные стоянки, отличавшиеся по длительности и интенсивности обитания, что находит отражение в количестве и наборе инвентаря. Нередки небольшие пункты с очень немногочисленными или плохо сохранившимися находками (побитости, оглаживание водой и т. п.). Наиболее же крупные местонахождения, расположенные у мест выходов лавового или кремневого сырья, являлись мастерскими по расщеплению камня или изготовлению орудий. В таких пунктах иногда присутствуют разновозрастные материалы, и порой не только ашельские. Своеобразен и состав изделий, среди которых преобладают продукты расщепления и отдельные категории орудий. Разумеется, коллекции, собранные на таких памятниках, лишь отчасти сопоставимы с материалами стоянок, где обычно имеется намного более разнообразный инвентарь. Сказанное отнюдь не означает пренебрежения памятниками подобного рода, но лишь подчеркивает необходимость учитывать их специфику при постановке и решении исследовательских задач.

В связи с этим рассмотрим попытку использовать материалы местонахождений для характеристики ашелья Северо-Западного Кавказа. Здесь, в Прикубанье, к ашелью относят ряд местонахождений на высоких речных террасах (Абадзехское, Фортепянка, Курджипское, Абинское и др.), а также лишь частично сохранившиеся культурные слои стоянки Средний Хаджох [Аутлев 1963; Муратов, Аутлев 1971: 41—48; Любин 1984]. На основании анализа состава коллекций этих памятников и их технико-морфологических характеристик были выделены три группировки памятников, или позднеашельские «культуры», получившие названия, соответственно, Хаджохская, Абадзехская и Абинская [Голованова 1986]. Все они в целом были уверенно помещены в хронологический диапазон 130—100 тыс. лет назад [Голованова, Дороничев 1993: 29], а позднее — 150—100 тыс. лет назад [Golovanova 2000: 550].

Данное заключение было сделано исходя из геоморфологических оценок возраста террас, полученных через серию корреляций [Несмеянов 1999]. В последнее время высказывается мнение о принадлежности всех этих памятников не просто к позднему, а к финальному ашелю, а также о связи их с содержащими листовидные бифасы индустриями, существовавшими на рубеже нижнего и среднего палеолита в Центральной и Восточной Европе [Дороничев 2004: 254].

Эти построения достаточно интересны, но возникает вопрос о корректности интерпретации материалов. Так, что касается «ашельских культур», то можно признать обоснованным выделение только Хаджохской группировки. Стратифицированное залегание материалов на стоянке Средний Хаджох позволяет говорить о комплексах, а палинологические данные и характер индустрии, в которой присутствуют несколько небольших рубилец-бифасов, дают основания для соотнесения ее с рубежом среднего и верхнего плейстоцена [Голованова 1986: 9]. Наличие сходных со среднехаджохскими изделиями в еще двух пунктах допускает отнесение всей этой группы памятников к локальной традиции в рамках финального ашеля. На всех же прочих упомянутых местонахождениях-мастерских, как мы могли убедиться при просмотре их коллекций, степень патинизации и технико-морфологические характеристики изделий крайне разнообразны и очевиден смешанный ашело-мустьерский состав материала. Эти коллекции нельзя воспринимать как определенные типы индустрий, равно как невозможно давать им точную датировку, опираясь лишь на геоморфологические прикидки. Хронологический и культурный диапазон изделий, встречающихся на большинстве кубанских местонахождений, является слишком широким для однозначной атрибуции [Любин 1998а: 165—168]. Даже если попытаться отделить мустьерскую примесь, эти ашельские изделия явно не выглядят как хронологически единый пласт. В то же время, очень поздний возраст части изделий, и прежде всего небольших рубилец-бифасов, вполне вероятен, хотя соотнесение их исключительно с листовидными формами европейского финального ашеля [Дороничев 2004: 254] может быть оспорено.

Заметим, во-первых, что в материалах кубанских местонахождений присутствуют небольшие бифасы не только удлинённых листовидных очертаний, но также и иных форм и пропорций. Далее, тенденция к деградации размеров рубил-бифасов и качества их отделки, а также к большему разнообразию форм, включая переходные к бифасиальным скреблам, номам, листовидным наконечникам и т. д., характерна для завершающих стадий ашеля разных регионов. На Ближнем Востоке это наблюдается и в финально-ашельских индустриях, сопровождаемых леваллуазскими технологиями расщепления [Copeland et Hours 1979: 118; Muhesen 1985: 131—133], и в ашело-ябрудийских с массивными сколами-заготовками [Bar-Yosef 1994]. Сходную картину мы видим и на Южном Кавказе. Небольшие укороченные бифасы присутствуют в южногрузинской

стоянке Цопи в северных предгорьях Малого Кавказа [Григолия 1963] — единственном памятнике региона, чья индустрия, как представляется, сравнима с ашело-ябрудийскими комплексами Леванта. Небольшие рубильца и листовидные бифасы встречаются на многих ашельских местонахождениях Южного Кавказа, начиная от Закавказского нагорья (Сатани-Дар, Еркара-блур, Благодарное 3, 4 и др.) и кончая Абхазско-Сочинским Причерноморьем (Яштух, Сулево 2, Хейвани) [Любин, Беляева 2001а]. Кстати, один из небольших листовидных бифасов Абадзехской группы имеет наиболее близкую аналогию именно в орудии из местонахождения Сулево 2 в Северной Абхазии [Любин, Щелинский 1972; Любин 1984, рис. 36]. Заметим также, забегая вперед, что небольшие рубильца и листовидные бифасы уже присутствуют, наряду с ручными рубилами обычных размеров, в верхнеашельской индустрии стоянки Кударо I [Любин, Беляева 2004а]. Таким образом, вопрос о культурно-хронологической структуре и генезисе ашеля Северо-Западного Кавказа, включая его позднейшие проявления, пока далеко не решен и будет решаться, видимо, по мере открытия новых памятников с гомогенными индустриями.

Иная ситуация с ашельскими местонахождениями наблюдается на Закавказском нагорье. Там мы имеем ряд памятников, которые содержат либо исключительно ашельские материалы, либо таковые с незначительной и четко обособляющейся, как правило, позднейшей примесью. Ашельские изделия этих местонахождений представлены сериями очень выразительных в технико-морфологическом отношении изделий, что позволяет, на наш взгляд, привлекать их материалы для выделения локальных группировок ашельских индустрий. Как в северной андезитово-дацитово-даштадемской (Даштадем 1—9, Благодарное 1, 2 и др.) (Джавахетский хребет), так и в южной обсидиановой (Джрабер-Фонтан, Атис) (левобережье р. Раздан) зонах в значительном количестве найдены выделяющиеся по совершенству форм и отделки верхнеашельские ручные рубила сходных типов (преимущественно сердцевидные, овальные и подпрямоугольные), а также очень крупные и массивные пластины вместе с крупными леваллуазскими, т. е. специально подготовленными одно- и двуплощадочными ядрищами для снятия пластин или — реже — других сколов. Среди ядрищ выявлены специфические двусторонние нуклеусы со скалыванием с противоположащих площадок (тип «Джрабер» [Любин 1961]). Таким образом, на Закавказском нагорье можно выделить особую разданско-джавахетскую группировку верхнеашельских бифасных индустрий с леваллуазско-пластинчатой техникой получения сколов-заготовок. Пластинчатое расщепление отмечено, правда, и в расположенной восточнее малокавказской пещерной стоянке Азых (Нагорный Карабах), но там оно сопровождается совершенно нехарактерными для индустрий вулканического нагорья формами орудий (например, чопперы, нуклевидные скребки и копьевидные ручные рубила). Леваллуазские нуклеусы и продукты расщепления (пластины, отщепы) представлены также

на местонахождениях Яштух (Абхазия) и Абадзехское (Северо-Западный Кавказ), но набор макроорудий на этих памятниках своеобразен, а бифасы единичны, и едва ли возможно говорить об их сходстве с верхнеашельскими раздано-джавахетскими рубилами. К тому же на данных памятниках пластины имеют более развитый облик и присутствует примесь более поздних, явно среднепалеолитических изделий, что не позволяет настаивать на ашельском возрасте значительной части найденных там пластин.

Приведенный выше пример по верхнему ашелю Закавказского нагорья показывает, что одна традиция может «жить» в разном сырье, т. е. одни и те же формы могут изготавливаться из разнокачественных пород. Однако фактор сырья при этом отнюдь не снимается, но, напротив, четче проявляет себя на фоне традиции. Так, при описанном нами общем сходстве большинства верхнеашельских индустрий Закавказского нагорья, бифасы из северной андезито-дацитово-зона в целом все же отличаются от обсидиановых бифасов с юга по ряду характеристик, связанных, как представляется, именно с разницей в поделочных качествах данных пород. Эти различия особенно хорошо видны на примере местонахождения Сатани-Дар, где широко представлены оба типа лавового сырья. В отличие от имеющих, как правило, сплошную и тщательную обработку обсидиановых рубил Сатани-Дара, андезито-дацитовые рубила этого памятника изготовлены главным образом из отщепов, и двусторонняя обработка их носит частичный характер. Рубила из этого сырья в среднем менее массивны, поскольку несколько слоистая структура данной породы приводит к образованию естественных плитчатых отдельностей, а также позволяет получать крупные и одновременно довольно плоские сколы. Аналогичные рубила получались из дацитового сырья на памятниках, открытых в северной зоне, в восточных предгорьях Джавахетского хребта. Плитчатые обломки и уплощенные отщепы-заготовки способствовали использованию лишь частичной двусторонней отделки и распространению среди рубил подпрямоугольных форм, включая орудия с поперечными лезвиями (кливеровидные формы).

Когда мы имеем дело со своеобразной моносырьевой индустрией, то порой бывает трудно судить о том, насколько ее облик отражает фактор традиции и насколько — фактор сырья. В случае моносырьевой базы качества конкретного сырья (размеры, форма, структура и т. п.) отражаются на индустрии в целом. Так, например, кремль местонахождения Яштух в Абхазии отличается трещиноватостью и сланцеватостью, часто встречается в виде двоякоплоских отдельностей, а при расщеплении дает резкие заломы. Это привело к огрублению, или упрощению, приемов расщепления, а также отразилось, видимо, в относительном обилии оформленных на брусковидных отдельностях массивных орудий типа чопперов, чоппингов, нуклевидных скребков, зубчатых и клювовидных орудий. Ручные рубила здесь изготавливались редко. Не исключено, что именно небогатый выбор сырья лежит в основе «га-

лечной» индустрии Треугольной пещеры [Любин 1998а: 135]. Таким образом, влияние сырья могло быть иногда очень сильным, приводя к трансформации традиций или даже к формированию новых традиций как в приемах обработки камня, так и в формах изделий [Любин, Беляева 2005а, б]. Случаи полисырьевой базы бывают сложны тем, что отдельные виды сырья могут сильно отличаться по своим свойствам и по-разному влиять на разные компоненты индустрии. В ашельской индустрии пещеры Кударо I, например, представлен целый набор разнокачественных пород. В результате характеристики сколов-заготовок и орудий из каждого вида сырья имеют свою специфику, причем наблюдается предпочтение тех или иных пород для определенных орудийных форм.

Стоянка Кударо I, только затронутая здесь в связи с обсуждением факторов варибельности индустрий, заслуживает более подробного описания как один из многочисленных стратифицированных ашельских памятников Кавказа. Такие памятники, в которых каменные изделия находятся в первоначальном контексте в культурных слоях соответствующего возраста, представляют собой особую ценность, позволяя рассматривать более широкий круг «ашельской проблематики». На Кавказе они до недавнего времени были обнаружены только в пещерах. В настоящее время на Кавказе известно 6 пещерных стоянок ашельской эпохи (Азых в Нагорном Карабахе, Кударо I, Кударо III и Цона в Юго-Осетии, Ахштырская пещера в Сочинском Причерноморье и Треугольная пещера в Карачаево-Черкесии) [Любин 1998а] (рис. 11). Стоянки же открытого типа, исключая уже описанный Средний Хаджох, стали обнаруживаться лишь в последние годы — Кинжал в Пятигорье [Любин, Беляева 2004в], Даштадем 3 в юго-восточных предгорьях Джавахетского хребта [Dolukhanov et al. 2004; Асланян и др., в печати] и Дарвагчай 1 [Амирханов, Деревянко 2004]. Исследования их еще только начинаются.

Среди ашельских пещерных стоянок наиболее интересный материал доставили Кударо I и Цона в Юго-Осетии и Азых в Нагорном Карабахе. Первые две пещеры находятся в современном высокогорье Большого Кавказа (1600 и 2100 м над ур. моря, соответственно), третья — на высоте около 1400 м. Комплекс ашельских слоев Кударо I, где найдены 5732 изделия, отражает все стороны жизнедеятельности гоминид в этом убежище. Такое обилие и разнообразие изделий, а также остатки кострищ и множество расщепленных в процессе пищевой утилизации костей предполагают длительность и высокую интенсивность обитания, хотя оно, вероятнее всего, было прерывистым [Любин, Беляева 2004а]. Кударо I и Цона связаны в культурно-хронологическом отношении: Цона содержит аналогичный кударскому, но очень малочисленный (около 150 изделий) и отборный инвентарь (бифасы, включая наконечники рогатин (?), кливеры, скребла), принесенный, видимо, для нужд охоты и разделки добычи (рис. 37) [Каландадзе 1965: 32—36]. Это была, очевидно, стоянка периодического и кратковременного

обитания, служившая охотничьим лагерем кударских ашельцев [Любин 1984; 1998a]. Весьма вероятно, что временным лагерем для обитателей Кударо I служила также расположенная совсем рядом пещера Кударо III. Однако находки в этой довольно сырой и периодически обводнявшейся пещере слишком малочисленны для уверенных сопоставлений и к тому же нижние культурные слои данной пещерной стоянки являются, возможно, намного более древними (дата самого нижнего слоя — 560 ± 112 тыс. лет назад [Любин, Куликов 1991]; стадия 15 кислородно-изотопной шкалы [Поспелова и др. 2001]). Пещерная стоянка Азых в Нагорном Карабахе [Гусейнов 1985], судя по всему, могла по-разному использоваться в разные периоды ее существования. В период накопления ее верхнего ашельского слоя (слой V) она была, видимо, редко посещаемым охотничьим лагерем, поскольку в толще около 5 м найдены менее 300 изделий, среди которых преобладают орудия. Нижний же ашельский слой Азыха (слой VI), содержащий 1890 различных изделий, возможно оценить как догвременную стоянку [Любин 1984: 58; 1998a: 33].

Многослойные стоянки позволяют проследить неоднократные изменения ландшафтно-климатической обстановки в период обитания ашельских людей — по изменениям как состава пыльцы растений, так и состава фауны. Для ашельских уровней пещеры Кударо I палинолог Г. М. Левковская отмечает, по меньшей мере, семь выделенных по типам растительности стадий изменчивости климата, включая четыре относительно теплые и три холодные. С палинологическими данными в целом согласуются и палеозоологические [Любин, Барышников и др. 1985; Baryshnikov 2002: 62; Любин, Беляева 2004a: 8]. В период накопления самого нижнего ашельского слоя климат был теплым и стоянка находилась в окружении саванноподобных ландшафтов. Для этого слоя была получена радиотермолюминесцентная абсолютная дата 360 ± 90 тыс. лет назад [Любин, Куликов 1991], что соответствует лихвинскому, или гольштейнскому, межледниковью (кислородно-изотопная стадия 11) [Любин 1998a; Любин, Беляева 2004a]. Позднее стоянка была окружена то широколиственными лесами, то хвойными, а в наиболее холодные периоды оказывалась в условиях субальпийского горного пояса. Для среднего уровня ашельского слоя была получена еще одна РТЛ-дата — 350 ± 70 тыс. лет назад [Любин 1993]. Биостратиграфические данные и абсолютные датировки предполагают, что время существования стоянки в целом укладывается в рамки 11—9 стадий кислородно-изотопной шкалы и находится в диапазоне примерно 400—300 тыс. лет назад. Более узкий диапазон для формирования ашельского слоя Кударо I реконструируется по измерениям изменчивости магнитных параметров отложений, коррелирующих с динамикой климата, — примерно 400—370 тыс. лет назад, в рамках стадии 11 (интергляциал гольштейн), начиная от оптимума подстадии 11.3 и до похолодания в конце гольштейна [Поспелова и др. 2001: 85].

На основании палеонтологических данных можно судить и о пищевых ресурсах. Реконструкция типа

растительности, окружавшей в разное время пещеру, не может, конечно, дать полное представление о роли собирательства в рационе раннепалеолитических обитателей региона, но в целом можно предполагать, что оно было достаточно продуктивным. Множество съедобных дикорастущих растений сохранилось даже во флоре современного Кавказа. Остатки животных, значительная часть которых была принесена в пещеры человеком, предоставляют больше возможностей судить об охотничьей деятельности обитателей этих стоянок. Наиболее многочисленный и разнообразный набор остатков животных доставили ашельские слои пещеры Кударо I (31 вид крупных млекопитающих, 19 видов грызунов, 6 — рукокрылых, 35 — птиц, 4 — пресмыкающихся и земноводных, 1 — рыб) и Азыха (24 вида крупных млекопитающих, 14 — грызунов, 1 — амфибий, 1 — рептилий, 4 — рукокрылых, 25 — птиц). В самом нижнем уровне пещеры Кударо I встречены костные остатки макак, медведей разных подвидов, этрусского носорога, благородного оленя, архара, кавказского козла. Наибольшее количество костных остатков в слоях этой пещеры принадлежит пещерным медведям (75—85%), оленям и козлам (10—15%). Эти животные и являлись, видимо, основной дичью кударских ашельцев, что подтверждает и большая степень раздробленности их костей, связанная с добычей костного мозга. Состав костных остатков, в частности значительной части костей пещерного медведя, показывает «...преднамеренность действия древнего человека в отборе частей тела животного» [Любин, Барышников 1985: 8]. В то же время, какая-то часть медведей умирала в пещере естественной смертью, обитая там в периоды отсутствия человека (более подробный разбор этого вопроса см. в главе 4). Из прочей обнаруженной в пещере фауны в пищевой рацион ее ашельских обитателей могли входить некоторые виды мелких животных, птиц — 6 видов куриных, к примеру, а также черноморский лосось размером от 50 до 130 см [Любин, Барышников 1985; Любин 1998a].

Что касается каменного инвентаря стратифицированных стоянок, то к настоящему времени полностью опубликованы только коллекции из Кударо I, поэтому в качестве примера кавказской верхнеашельской индустрии мы более подробно рассмотрим инвентарь именно данного памятника. Организация жилого пространства в разных уровнях и частях пещеры варьировала, что отразилось в размещении остатков кострищ и распределении разных категорий орудий. Однако, несмотря на определенные различия коллекций, полученных при раскопках разных участков и слоев, все они демонстрируют глубокое сходство по основным параметрам техники расщепления и технико-морфологическим характеристикам орудийного инвентаря, включая специфические типы орудий (плоские рубильца, листовидные орудия и т. п.) и приемы обработки (широкое применение выемок и усечений, плоская подтеска концов и т. п.). Таким образом, все материалы можно рассматривать в качестве единой индустрии, оставленной носителями одной индустриальной традиции [Любин, Беляева 2004a].

Как уже говорилось выше, эта индустрия является полисырьевой. Она базировалась преимущественно на местном сырье посредственного качества (песчаники, сланцы и мелкозернистый кремль), которое дополнялось небольшим количеством более качественного импортного (кремль имеретинского типа, обсидиан и андезит). Судя по прослеженным от нижних уровней к верхним изменениям в использовании разного сырья, пришельцы с юга (?) первоначально больше преуспели в расщеплении и обработке сланцев. Более прочный, но и более трудный для обработки песчаник стал активнее использоваться лишь с течением времени. Техника расщепления выглядит достаточно архаично. Здесь доминирует примитивное одноплощадочное скальвание, специальная подправка поверхностей скальвания и ударных площадок встречается редко: во всех основных сырьевых группах большинство сколов имеют неправильные очертания, и у них абсолютно преобладают гладкие и скошенные (110° в среднем) ударные площадки (60—80 %). В то же время, имеется ряд сколов из относительно качественного сырья (импортный кремль, кремнистый сланец), которые демонстрируют более развитую технику скальвания (тщательная подправка ударных площадок, геометризованность очертаний, даже пластинчатость). Это позволяет думать, что подлинный технический уровень кударской индустрии скрадывался низким качеством основной части сырья, из-за чего и создается преувеличенное впечатление о ее архаизме [Любин, Беляева 2004а: 214].

Разнокачественное сырье предопределило дифференцированный подход к выбору материала для производства тех или иных орудий и даже, возможно, само существование некоторых орудийных форм. Так, например, песчаниковые валуны и крупные гальки использовались для изготовления чопперов и нуклевидных скребков, клювовидные и выемчатые орудия часто делались из сколов и обломков кремня и кремнистого сланца, рубильца и листовидные бифасы — из тонких сланцевых отщепов и плиток. Наиболее сложные и совершенные орудия изготавливались, как правило, из наиболее качественных разновидностей сырья. Отмечено очень бережное отношение к высококачественному красноватому кремню, доставлявшемуся, видимо, из Имеретии. Это сырье всегда представлено в виде орудий (скребла разных типов, остроконечники), причем заметна сильная сработанность этих изделий: сокращение размеров в результате многочисленных подправок и переоформлений. Индустрия характеризуется очень высоким процентом орудий (1313 из 5732 изделий, или 22,9 %), причем среди них абсолютно преобладают орудия на отщепках (92,2 %). Вместе с тем, это несомненно именно ашельская индустрия, поскольку в ней имеется 63 рубила, которые разнообразятся как по типам, так и по использованному сырью. Классические формы среди них довольно редки (рис. 38), зато встречаются бифасы подпрямоугольных очертаний (рис. 39: 2), бифасы с обушками, частичные бифасы на отщеповых заготовках. Орудия на отщепках также весьма разнообразны и варибельны (скребла,

скребки, выемчатые, клювовидные, долотовидные, комбинированные и некоторые специфические формы), но в отдельных группах орудий (боковые скребла, скребки, выемчатые и клювовидные) имеются некоторые признаки стандартизации. Очень интересны довольно многочисленные рубильца и небольшие листовидные бифасы. Наблюдаются и очень слабые и, как кажется, прогрессивные изменения индустрии во времени: в верхних уровнях появляются скребла геометризованных очертаний и протомустьерские остроконечники, возрастает количество скребков. В целом, несмотря на архаизм техники расщепления и ряда орудийных форм (например чопперы), объяснимый сырьевым фактором, кударская индустрия может быть отнесена к верхнему ашелю [Любин, Беляева 2004а], что согласуется и с ее хронологической позицией.

Помимо Цоны, служившей охотничьим лагерем обитателей пещеры Кударо I, мы не знаем на Кавказе ашельских памятников, чьи индустрии были бы близки кударской индустрии. Однако не находится пока близких аналогий и индустриям таких крупных памятников, как Азыхская пещерная стоянка или Яштухское местонахождение. Помимо кударско-цонской группы, в Закавказье намечается пока только раздано-джавахетская группировка местонахождений со сходными формами бифасов и пластинчатым леваллуазским расщеплением. Две из трех выделенных на Северо-Западном Кавказе позднеашельских «культур» нуждаются, как было показано, в пересмотре. Таким образом, сегодня мы едва ли можем говорить о структурированности ашеля Кавказа в виде определенных групп памятников или четко прослеживаемых традиций, что объясняется, очевидно, как недостатком хорошо сохранившихся и тщательно изученных памятников, так и, возможно, объективными условиями формирования ашельских индустрий Кавказа. Ашель Кавказа мог складываться путем разновременных проникновений сюда разных индустриальных традиций, испытывавших к тому же те или иные трансформации в процессе адаптации к местным условиям обитания, включая прежде всего сырьевые базы. С этим связана, очевидно, широкая варибельность местных ашельских индустрий, включая варибельность бифасов, среди которых преобладают разнообразные неклассические и часто очень специфические формы.

В то же время, есть отдельные черты, которые являются общими для ряда памятников или даже для большинства ашельских комплексов Кавказа. К примеру, такая достаточно редкая категория ашельских орудий, как нуклевидные скребки, обнаружена в инвентаре Кударо I, Азыха и Яштуха. Еще более редкая выделенная на Кавказе разновидность крупных рубящих орудий с продольным лезвием и противоположащим ему обушком («цалди», или род мачете) встречена сразу в нескольких памятниках: более архаичные формы — в местонахождениях севера Армении (рис. 25), более развитые — в пещерах Кударо I, Цона (Юго-Осетия) и на стоянке Кинжал (Пятигорье). Весьма распространены частично двусторонне обработанные

рубила на крупных отщепках и рубила с обушком (местонахождения Ахалкалакско-Джавахетского нагорья и Юго-Осетии, Кударо I, Цона, Азых). Более же распространенными и, пожалуй, характерными для ашеля Кавказа в целом являются ручные рубила с субпараллельными краями и закругленными или же поперечными лезвиями на конце (рис. 39). Не исключено, что эти формы являются развитием грубооббитых подпрямоугольных орудий на плитчатых заготовках, отмеченных нами выше среди наиболее архаичных находок на местонахождениях Ахалкалакско-Джавахетского нагорья (рис. 27, 28). Само возникновение таких форм могло быть связано с распространенными там плитчатыми отдельностями андезито-дацитового сырья, с которым приходилось иметь дело многим из первоприсельцев. Иначе говоря, наиболее общие черты ашельских индустрий Кавказа могут быть тем, что указывает на некую общую древнюю подоснову. Наличие же отдельных сходных форм в некоторых памятниках может говорить о том, что развитие ашеля на разных территориях сопровождалось, вероятно, определенными связями и контактами. Об этом же косвенно свидетельствуют и приведенные ранее данные о дальних перемещениях изделий из некоторых типов сырья.

Наряду с собственно ашельскими, т. е. бифасо-содержащими индустриями на Кавказе имеются и редкие раннепалеолитические индустрии иного рода. Особой проблемой является вопрос о происхождении индустрий, обнаруженных в отложениях Треугольной пещеры в Карачаево-Черкесии. Все четыре комплекса каменных изделий, включая самый древний комплекс IV (около 600 тыс. лет назад, середина кромерского межледниковья) и три более поздних (около 400 тыс. лет назад, лихвинское, или гольштейнское, межледниковье, II стадия), довольно малочисленны, разнородны и не включают настоящих ашельских бифасов. Комплексы IV, III и I содержат маловыразительные орудия на отщепках, а комплекс II (70 изделий) выделяется преобладанием орудий на гальках (рис. 40). Исследователь памятника первоначально высказывал мнение о центрально-европейских истоках комплекса с галечными орудиями [Дороничев 1992]. По мере дальнейшего изучения материалов стоянки и под влиянием критических замечаний [Любин 1998а] В. Б. Дороничев занял более осторожную позицию, согласившись, что аналоги галечным орудиям Треугольной пещеры можно найти не только в Центральной Европе, но и в ряде ашельских индустрий Кавказа и Леванта [Дороничев 2004: 237]. Прочие комплексы этого памятника он постоянно сопоставляет с орудиями на отщепках из таких ашельских стоянок Кавказа, как Азых, Кударо I и Кударо III [Дороничев 2001; 2004]. По нашему мнению, уже высказанному одним из авторов ранее [Любин 1998а], малочисленность и невыразительность каменных изделий из Треугольной пещеры (например, нижний комплекс IV — 18 изделий), а также широкий разброс их по различным стратиграфическим подразделениям делают некорректным как выделение данных комплексов, так и их четкую культурную атрибуцию. Находки в Треугольной пещере представляют собой скудные

следы одновременных посещений, а облик орудий во многом мог определяться качествами местного сырья (тонкие плоские гальки кремнистого известняка). Ценность данного памятника определяется не характером археологического материала, а хорошо установленным возрастом культурных отложений, что помогает составить представление о хронологии ашельской эпохи на Северном Кавказе.

В завершение коснемся еще одного памятника, открытого недавно авторами данной работы в ходе специальных исследований, нацеленных на прояснение вопроса о расселении палеолитических людей в Центральном Предкавказье. Широкие поиски палеолитических материалов на территории равнинного и горного Ставрополя оказались почти безрезультатными, что объясняется, очевидно, почти полным отсутствием на этой территории пригодного для расщепления каменного сырья. Единственный значительный памятник был найден там, где обнаружили выходы такого сырья, а именно на горе-лаколите Кинжал — одной из субвулканических гор Пятигорья. В покровных супесях террасовидного уступа, сохранившегося в подножии этой сильно разрушенной карьерами горы, были обнаружены изделия из местной породы — метаморфизованных в результате обжига лавой сланцеватых известняков. В отличие от Треугольной пещеры, этот памятник не имеет четкого хроно- и биостратиграфического контекста, и перспективы уточнения его возраста пока неясны. Однако находимый здесь каменный инвентарь, напротив, довольно многочислен и выразителен, что позволяет уверенно относить его к раннему палеолиту. В его составе нуклеусы для получения сколов, сколы и большой ассортимент орудий, среди которых представлены различные скребла, крупные рубящие орудия типа чопперов, нуклевидные скребки, кливер, а также несколько очень грубых бифасов. Имеются и два редчайших для раннего палеолита Кавказа орудия с массивными остриями, определяемые как разновидность пиков (рис. 41). Состав находок позволяет говорить о существовании здесь стоянки-мастерской, приуроченной к выходам сырья. Начальный этап исследований памятника не позволяет пока обсуждать вопрос о происхождении данной индустрии. Если исходить из находок бифасов и кливера, то эта индустрия должна быть отнесена, по-видимому, к ашельским индустриям. В то же время, уже сейчас можно сказать, что индустрия с такими формами орудий встречается на Кавказе впервые. Представляется, что своеобразии этой индустрии в немалой степени связано с очень специфическим и уникальным для Кавказа типом сырья [Любин, Беляева 2004в].

Это открытие лишний раз показывает, сколь еще невелики и фрагментарны наши знания об ашельской эпохе на Кавказе. Соответственно, нарисованная здесь картина является лишь предварительным наброском, который будет корректироваться по мере новых открытий. Представленная ниже картина заселения Кавказа в среднем палеолите тоже носит эскизный характер, однако большее количество накопленных данных обеспечивает несколько более детальную прорисовку.

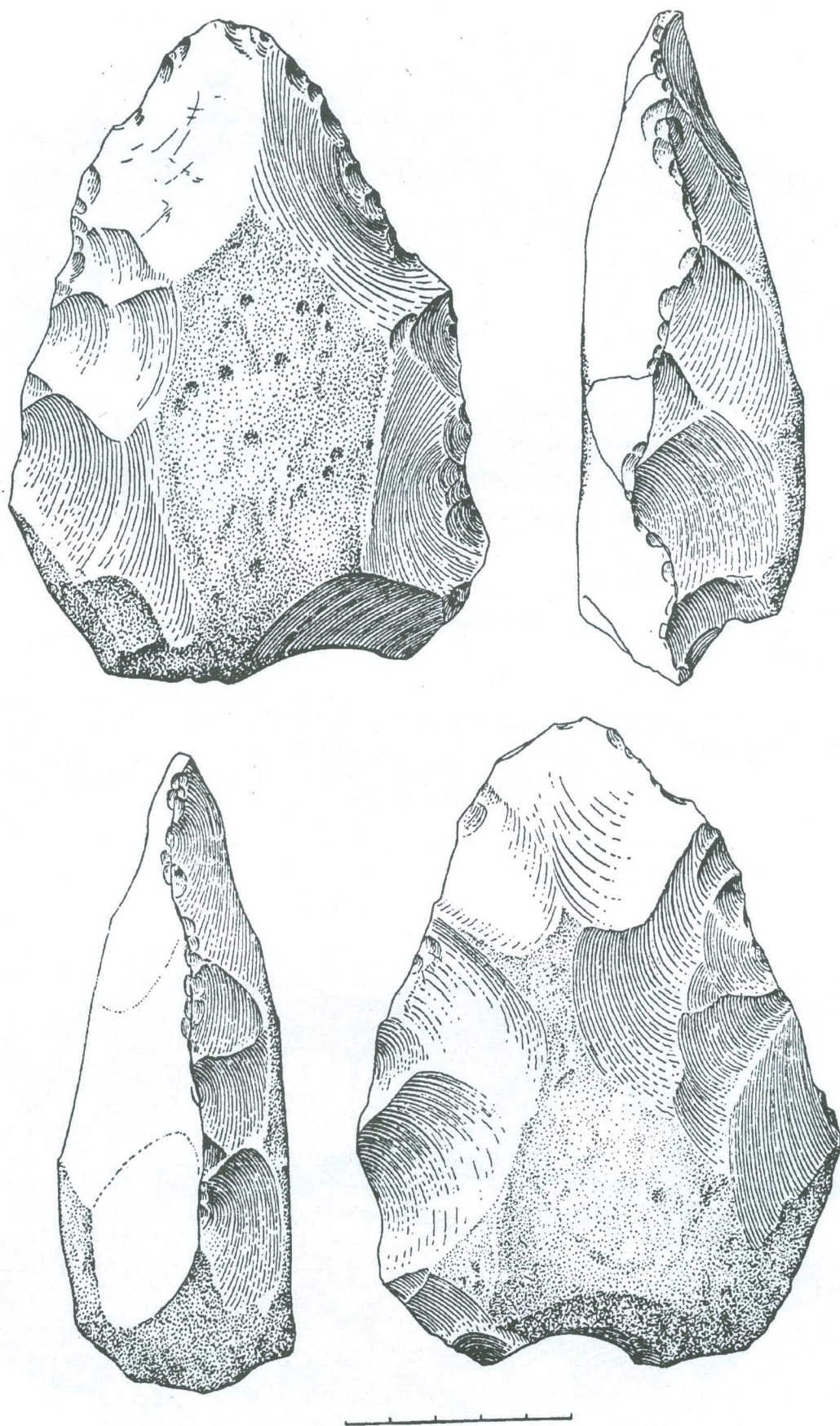

Рис. 19. Местонахождение Игнатенков куток (Закубанье). Ручное рубило (по: [Замятнин 1961a])

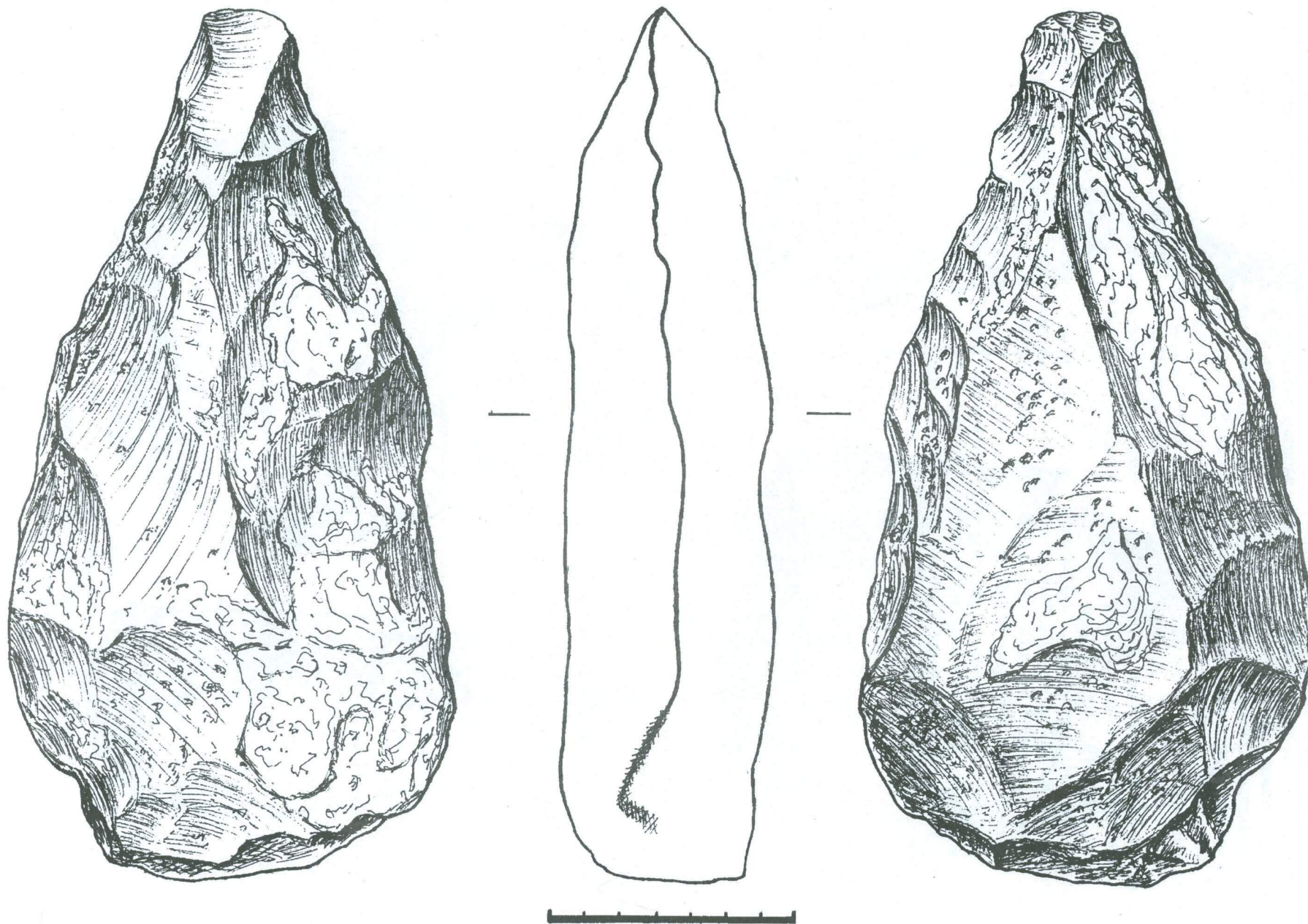

Рис. 20. Местонахождение Яштух (Абхазия). Ручное рубило (из сборов Л. Н. Соловьева на горе Трапезия)

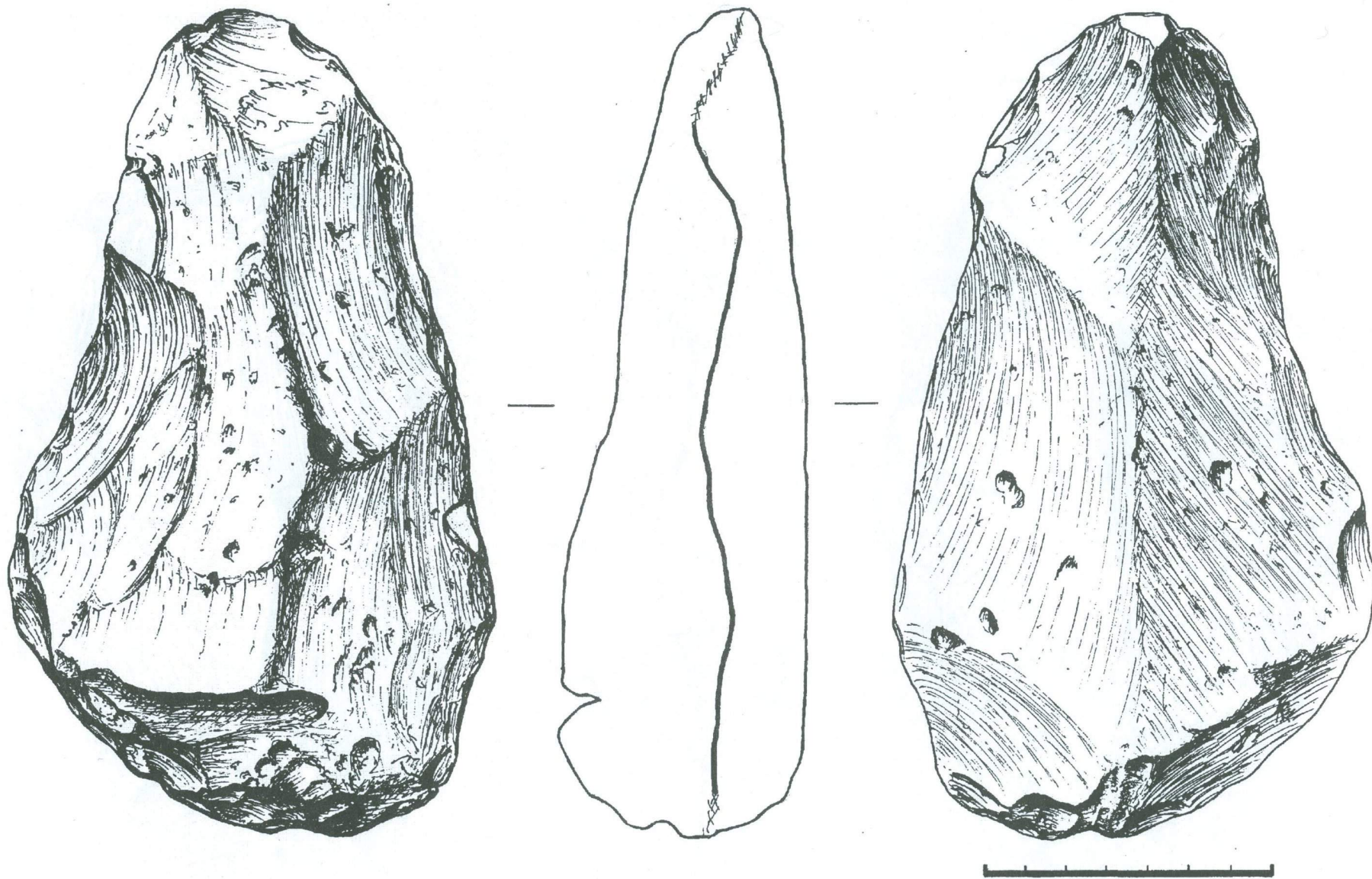

Рис. 21. Местонахождение Пахгахспор 5 (Армения, Лорийский р-н). Ручное рубило (из сборов армяно-российской экспедиции 2004 г.)

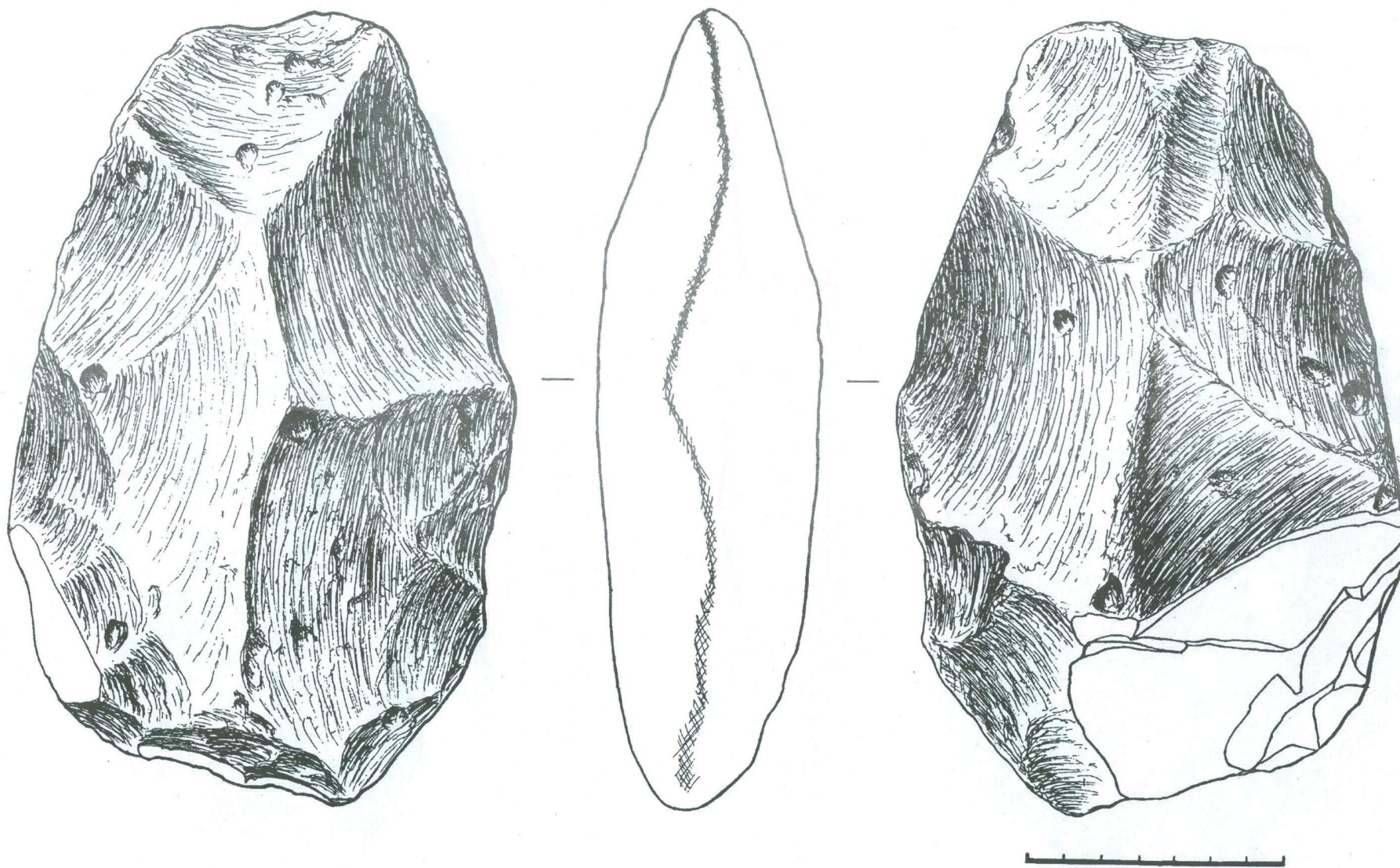

Рис. 22. Местонахождение Благодарное 1 (Армения, Лорийский р-н). Ручное рубило (из сборов армяно-русской экспедиции 2004 г.)

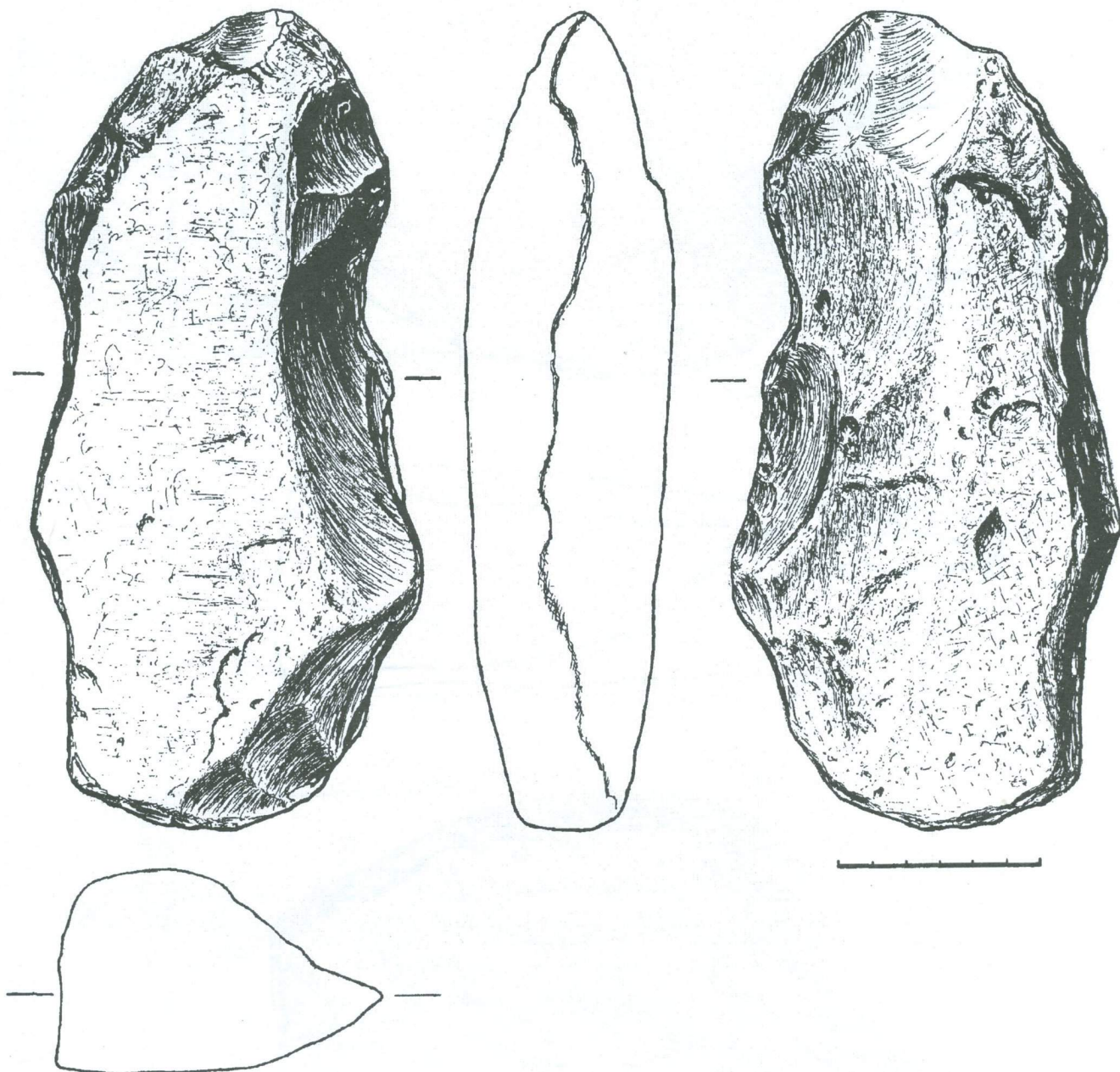

Рис. 25. 16 Местонахождение Даштадем 1 (Армения, Лорийский р-н). Орудие типа «цалди» (из сборов армяно-рос- сийской экспедиции 2004 г.)

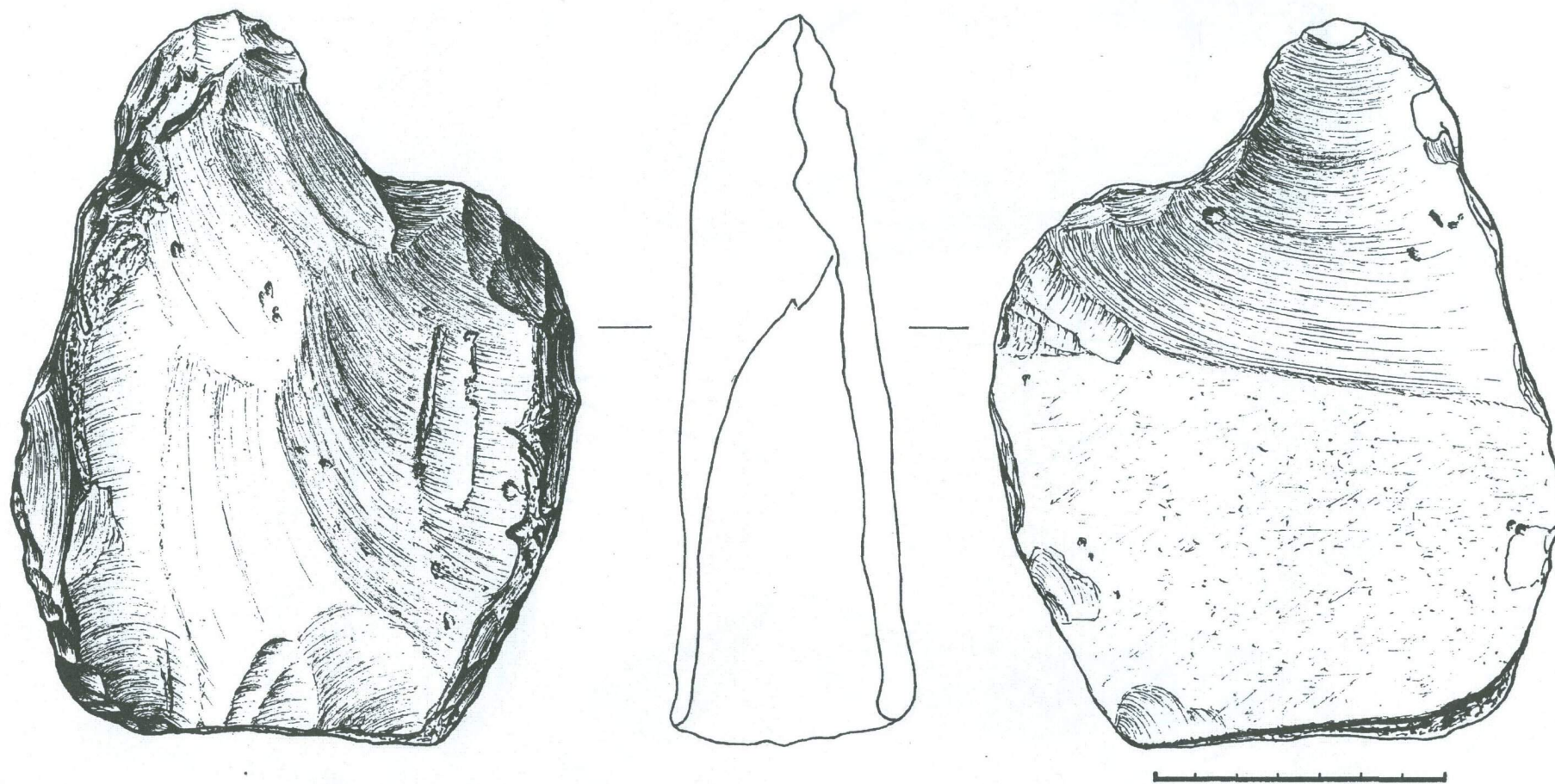

Рис. 26. Местонахождение Пахгахпюр 5 (Армения, Лорийский р-н). Подпрямоугольное орудие с мощным асимметрично расположенным клювовидным дистальным острием (из сборов армяно-русской экспедиции 2004 г.)

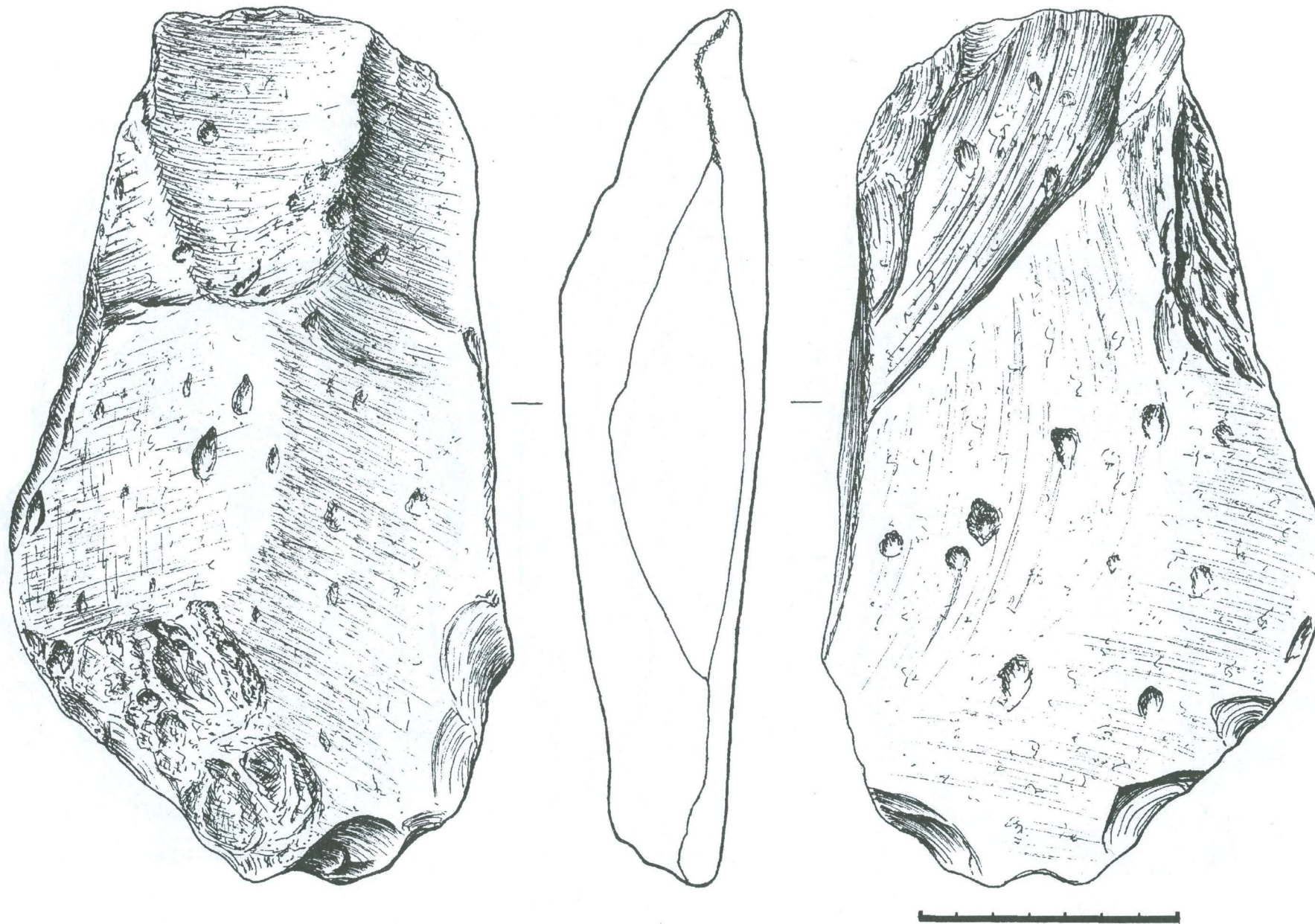

Рис. 27. Местонахождение Даштадем 1 (Армения, Лорийский р-н). Подпрямоугольное кливеровидное орудие с поперечным дистальным концом, оформленное на плитчатой заготовке (из сборов армяно-российской экспедиции 2004 г.)

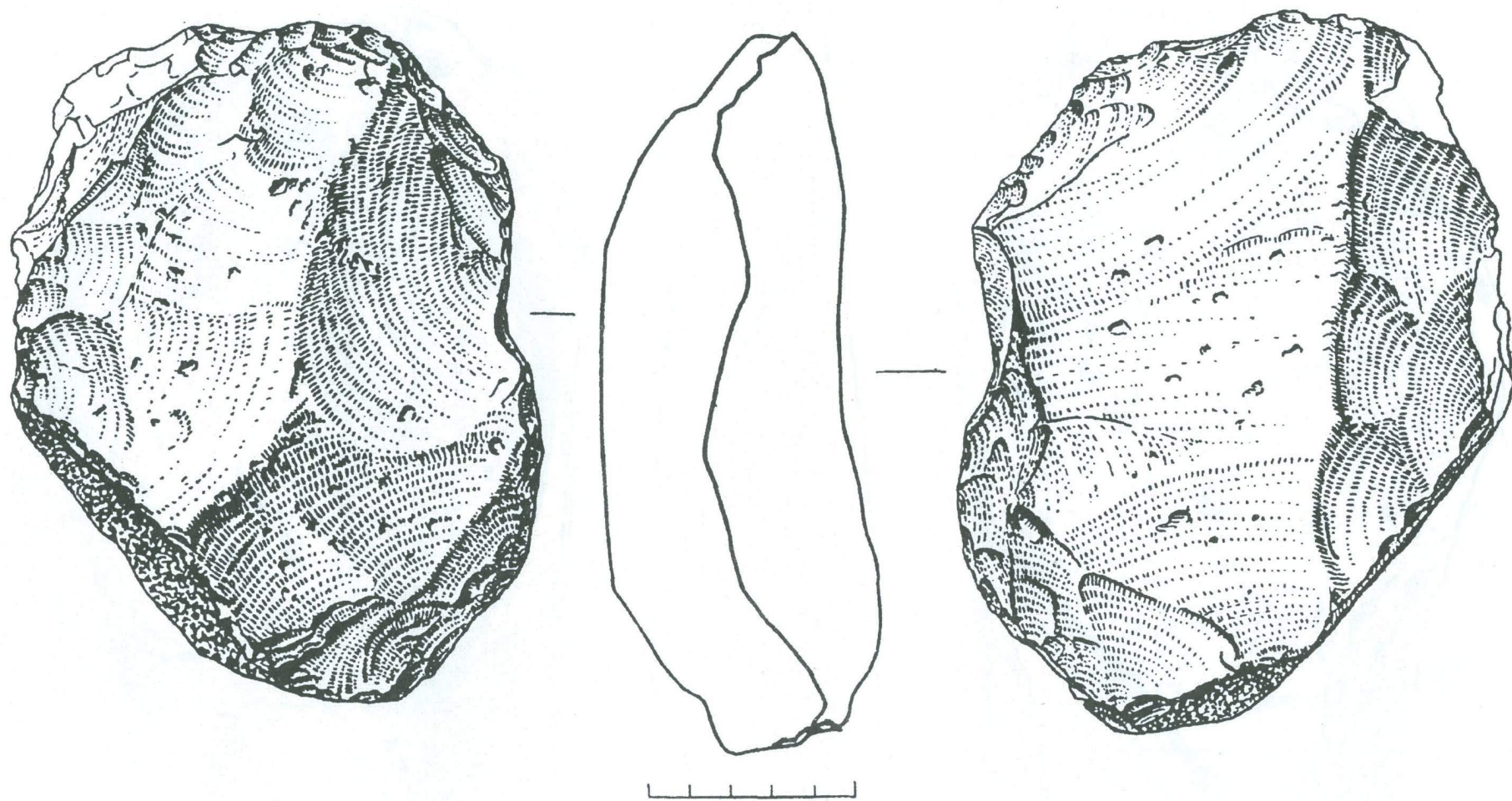

Рис. 28. Местонахождение Чикиани (Южная Грузия). Подпрямоугольное кливеровидное орудие (из сборов З. К. Кикодзе)

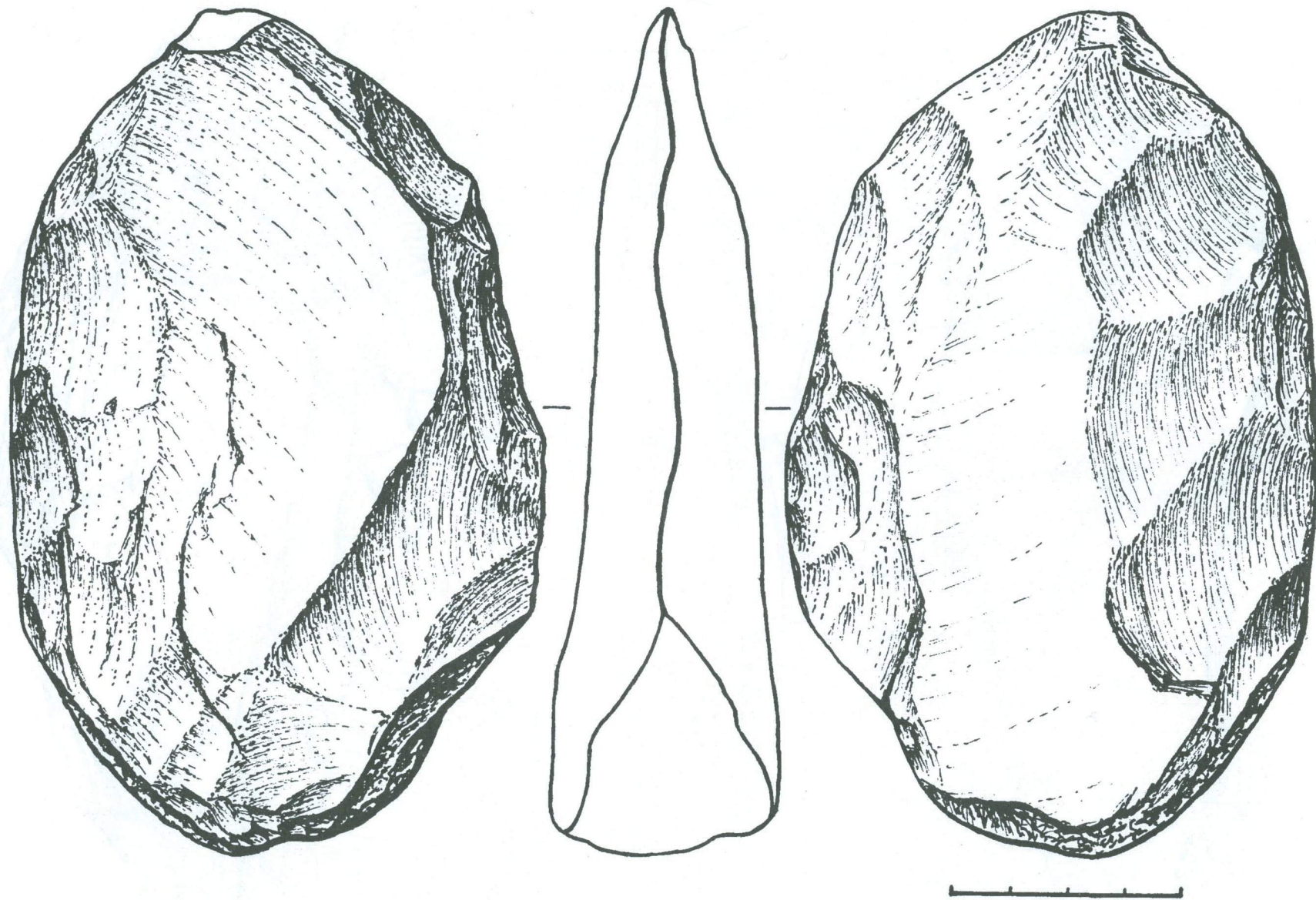

Рис. 29. Местонахождение Мецаван (Армения, Лорийский р-н). Образец верхнеашельского ручного рубила (из сборов армяно-русской экспедиции 2003 г.)

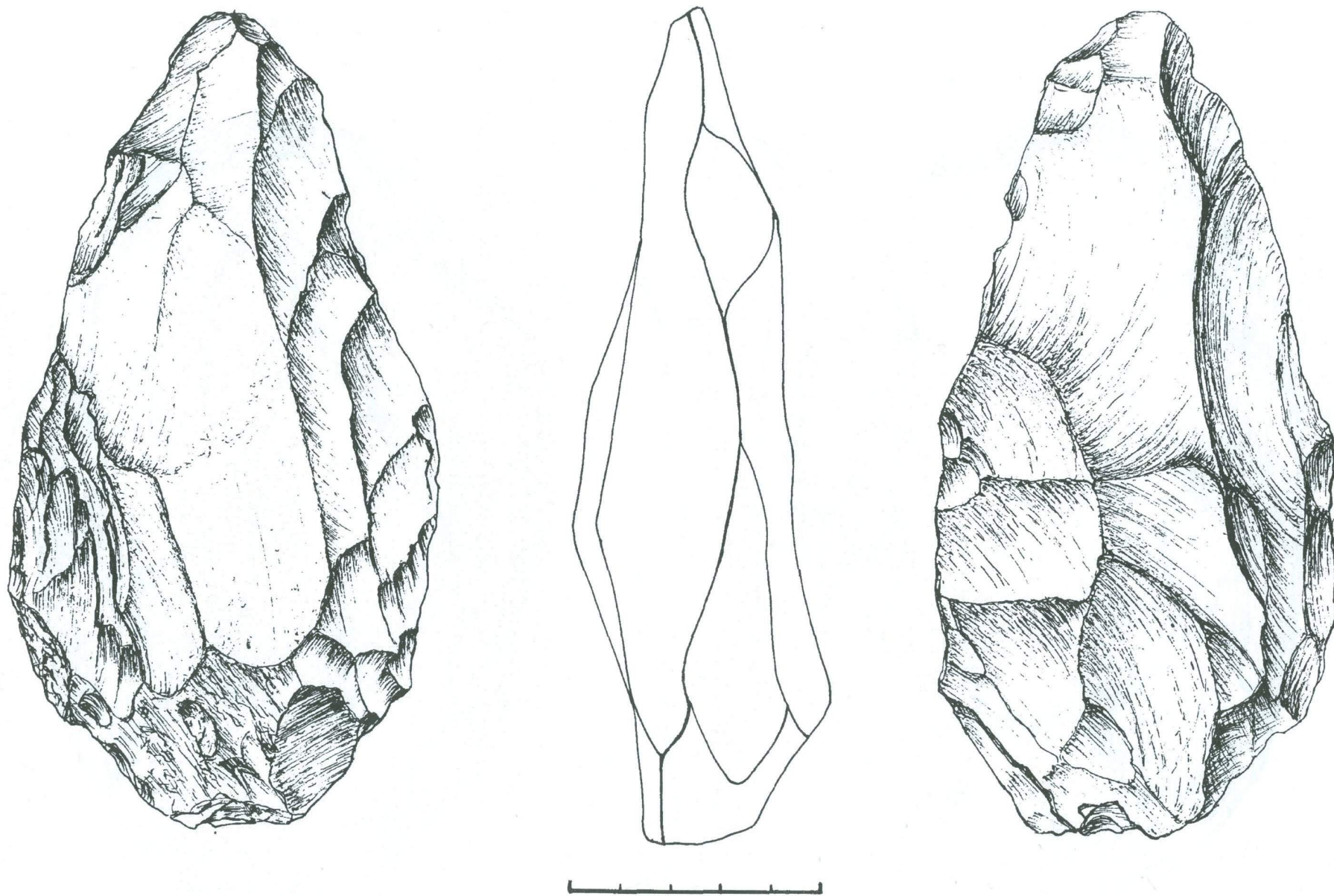

Рис. 30. Местонахождение Благодарное 1 (Армения, Лорийский р-н). Образец верхнеашельского ручного рубила (из сборов армяно-российской экспедиции 2004 г.)

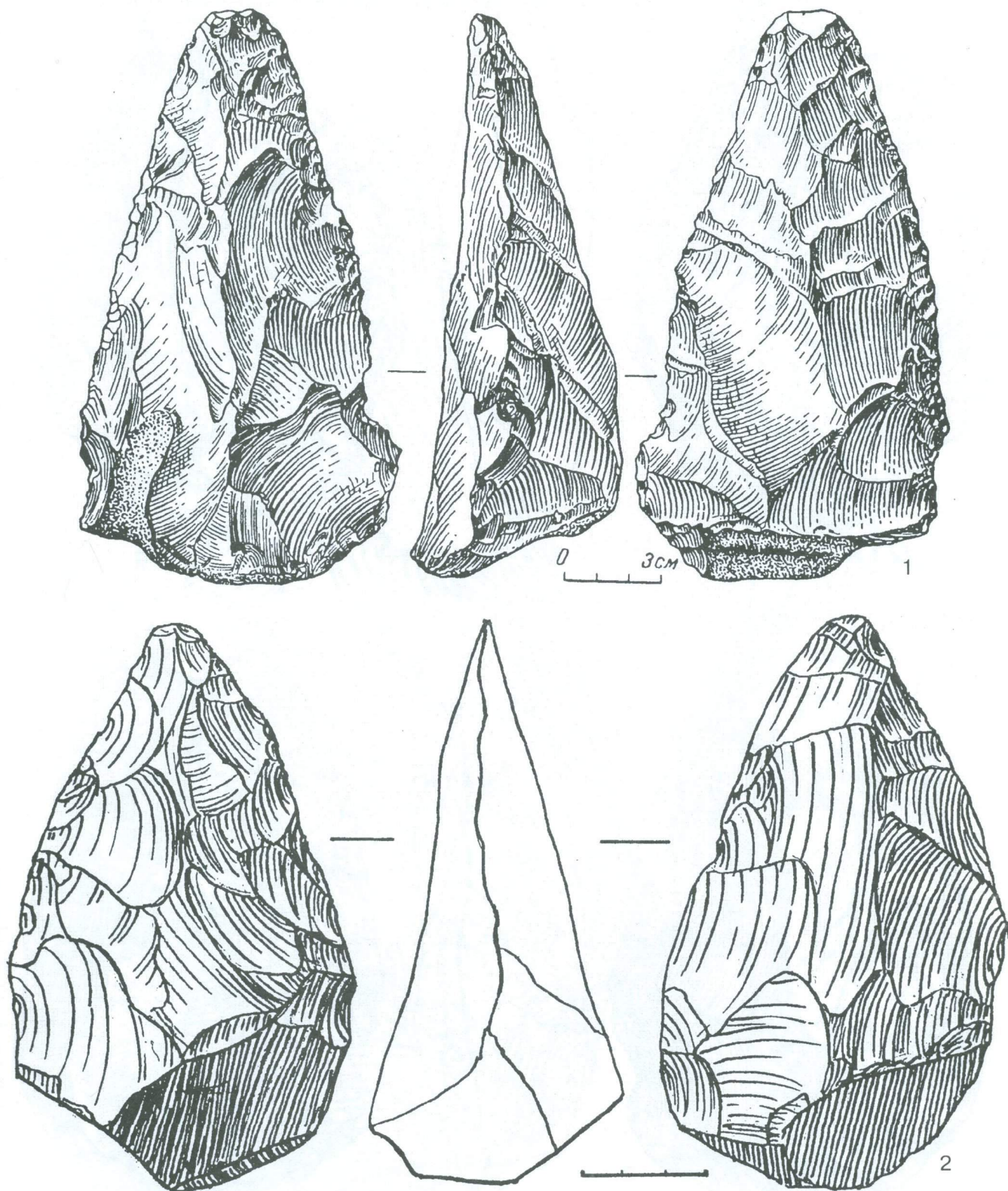

Рис. 31. Местонахождения Яштух (1) и Хейвани (2) (Абхазия). Образцы верхнеашельских рубил (1 — по: [Коробков 1964]; 2 — из сборов Н. И. Гумилевского)

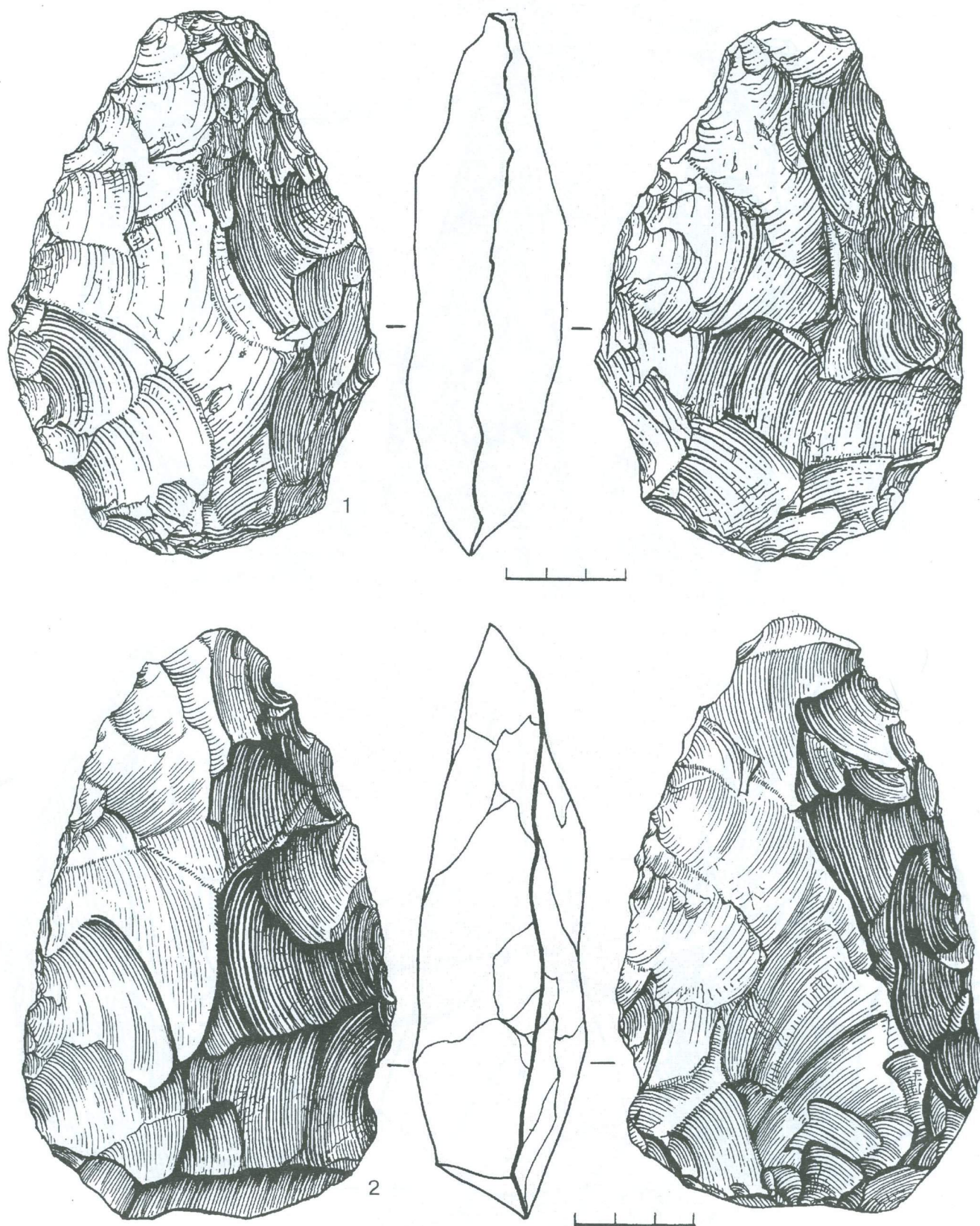

Рис. 32. Местонахождения Сатани-дар (1) и Джрабер (2) (Армения). Образцы верхнеашельских рубил (1 — по: [Паничкина 1950]; 2 — по: [Любин 1961])

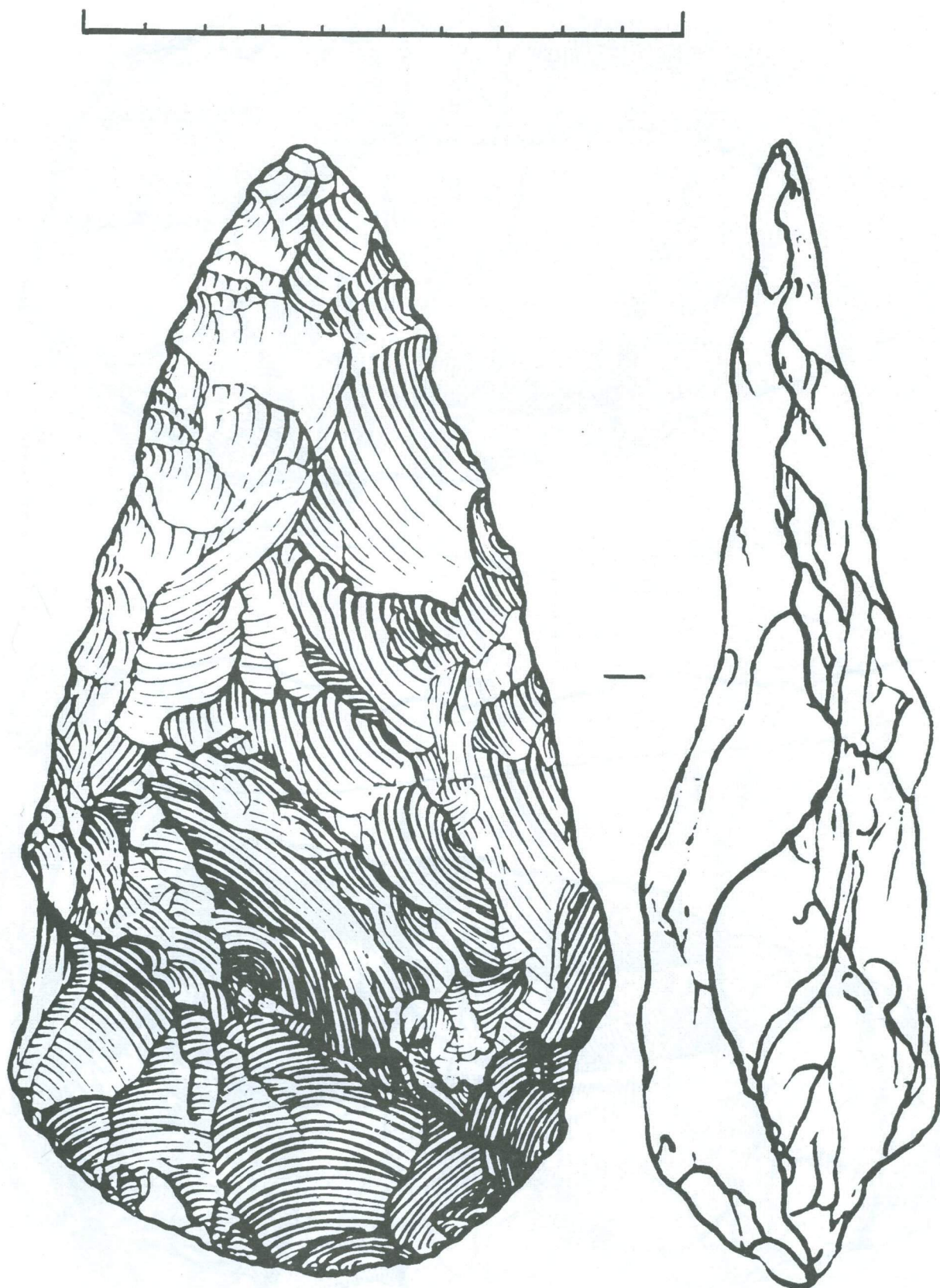

Рис. 33. Местонахождение Джикоети (Имеретия, Зап. Грузия). Копьевидное ручное рубило (по: [Д. Тушабрамишвили, Небиеридзе 1974])

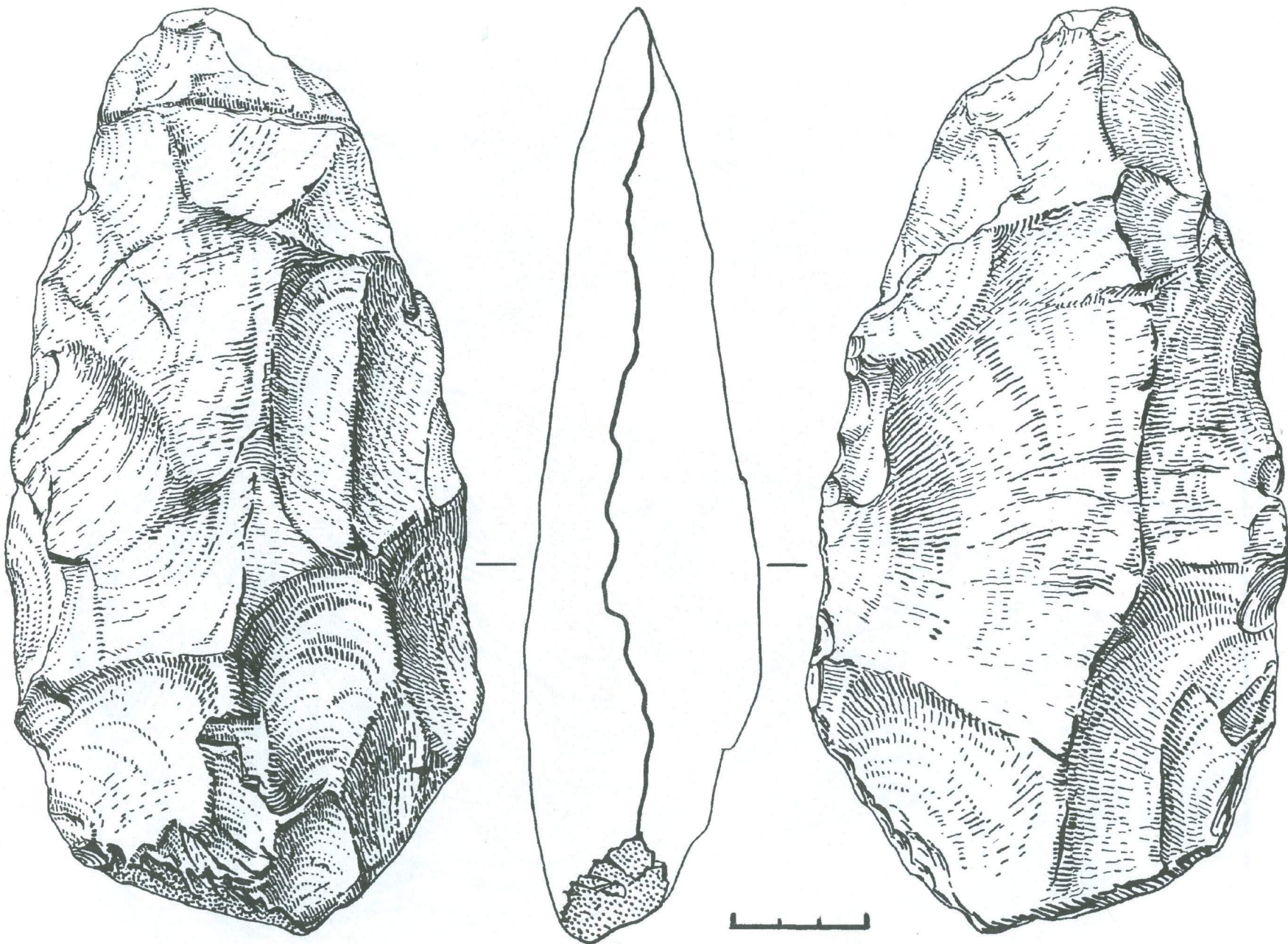

Рис. 34. Местонахождение Калети (Юго-Осетия). Ручное рубило (по: [Любин 1960])

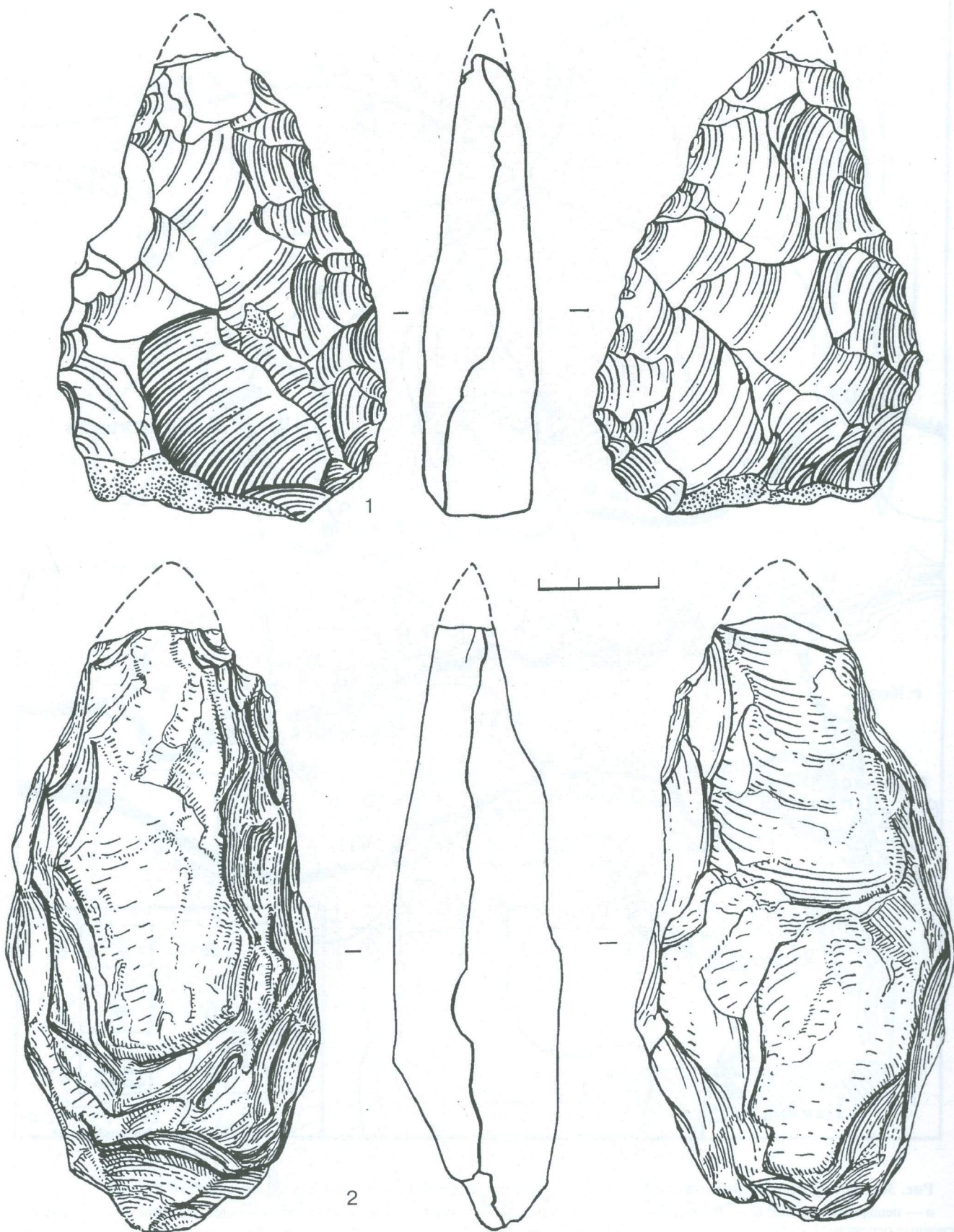

Рис. 35. Абадзехское местонахождение (Закубанье, Адыгея). Верхнеашельские ручные рубила (по: [Аутлев 1963])

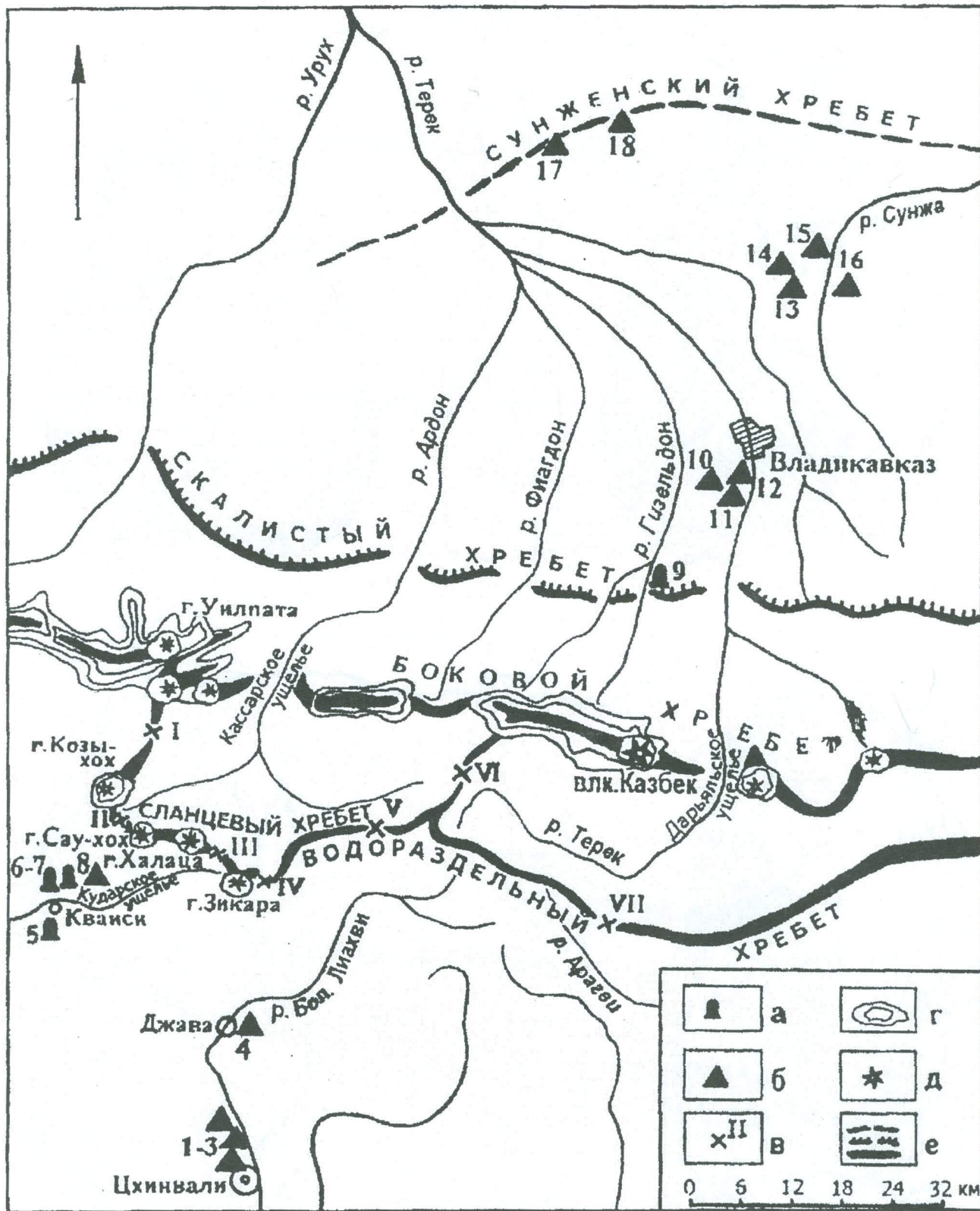

Рис. 36. Карта расположения палеолитических памятников на пониженном участке Центрального Кавказа:

a — пещерные стоянки; б — местонахождения; в — перевалы; г — современные ледники; д — горные вершины; е — горные хребты. Основные перевалы: I — Мамисоновский; II — Козский; III — Дзедо; IV — Зикарский; V — Рокский; VI — Трусо; VII — Крестовый. Палеолитические памятники: 1—3 — Кусрети, Тамарашени, Каркуста-кау; 4 — Морго; 5 — Цона; 6, 7 — Кударо I и III; 8 — Учетет; 9 — Мыштулагты-лагат; 10 — Хутор Попов; 11 — Редант I; 12 — Лысяя гора; 13 — Насир-корт; 14 — Барсуки; 15 — Гамурзиево; 16 — Экажево; 17 — Заманкул; 18 — Старый Батакоюрт (по: [Любин, Беляева 2001—2002])

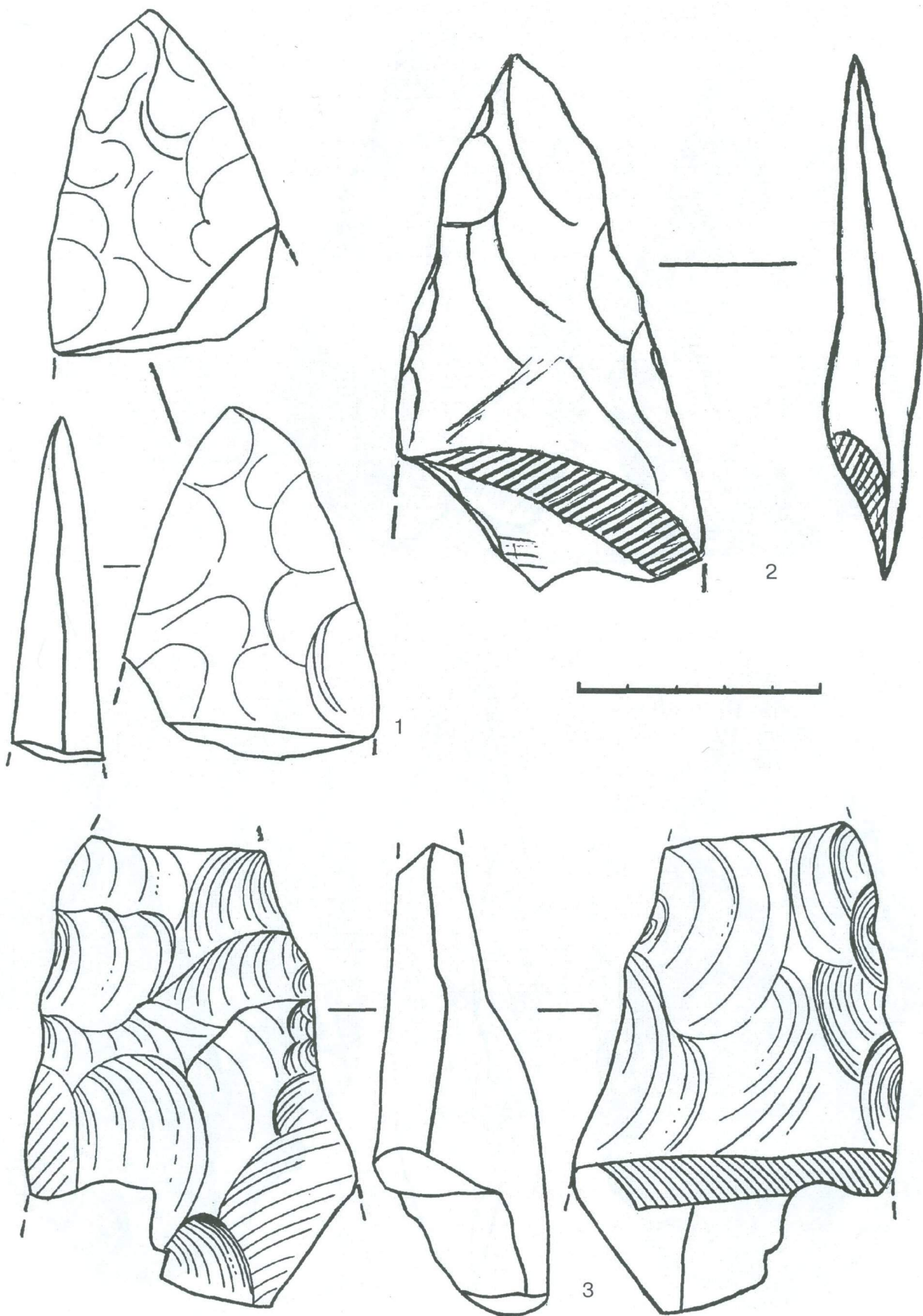

Рис. 37. Ашельский охотничий лагерь в пещере Цона (Центральный Кавказ, Юго-Осетия). Фрагменты наконечников рогатин или дротиков (?) (из коллекции А. Н. Каландадзе, Музей Грузии)

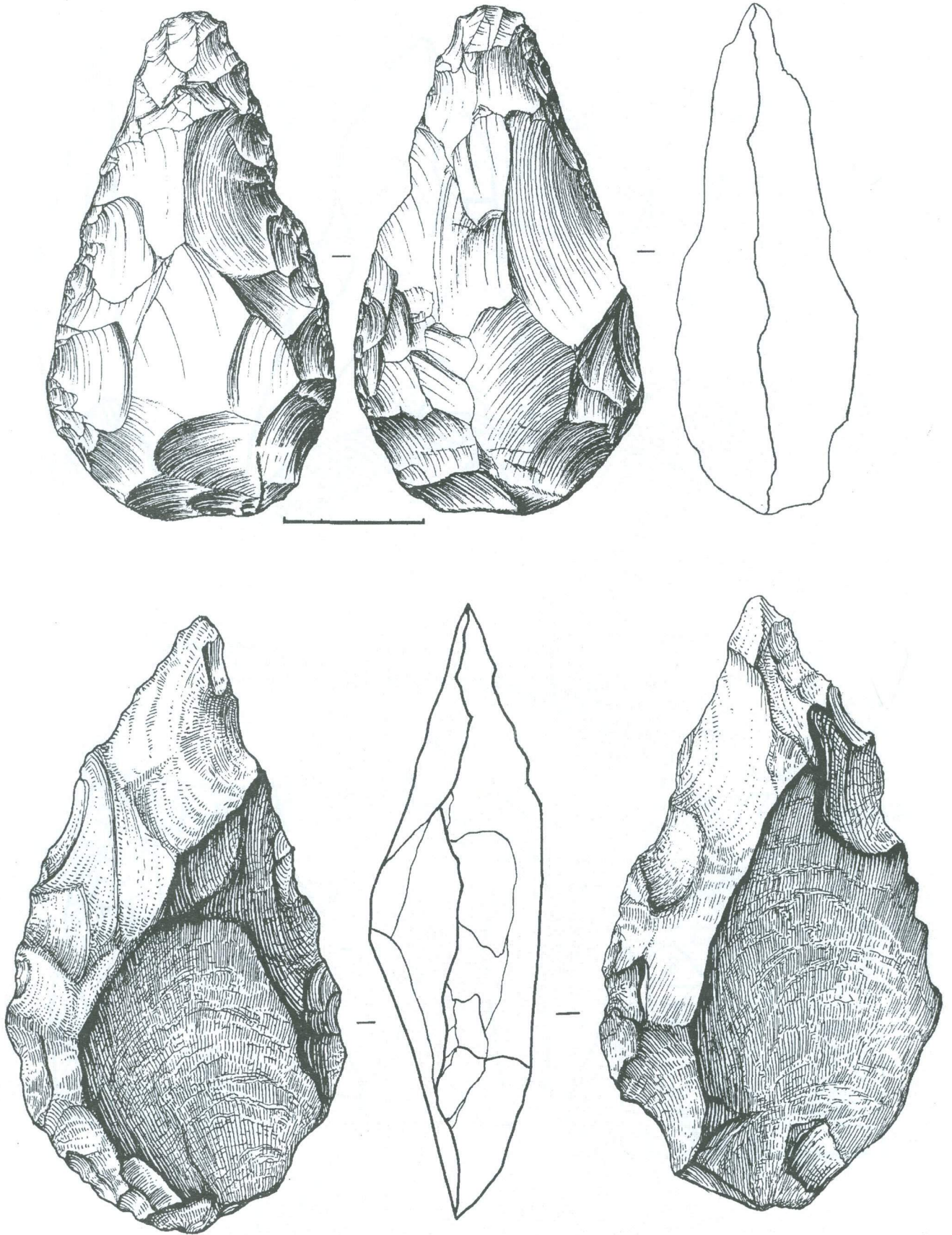

Рис. 38. Пещерная стоянка Кударо I (Центральный Кавказ, Юго-Осетия). Образцы ашельских ручных рубил (по: [Любин, Беляева 2004а])

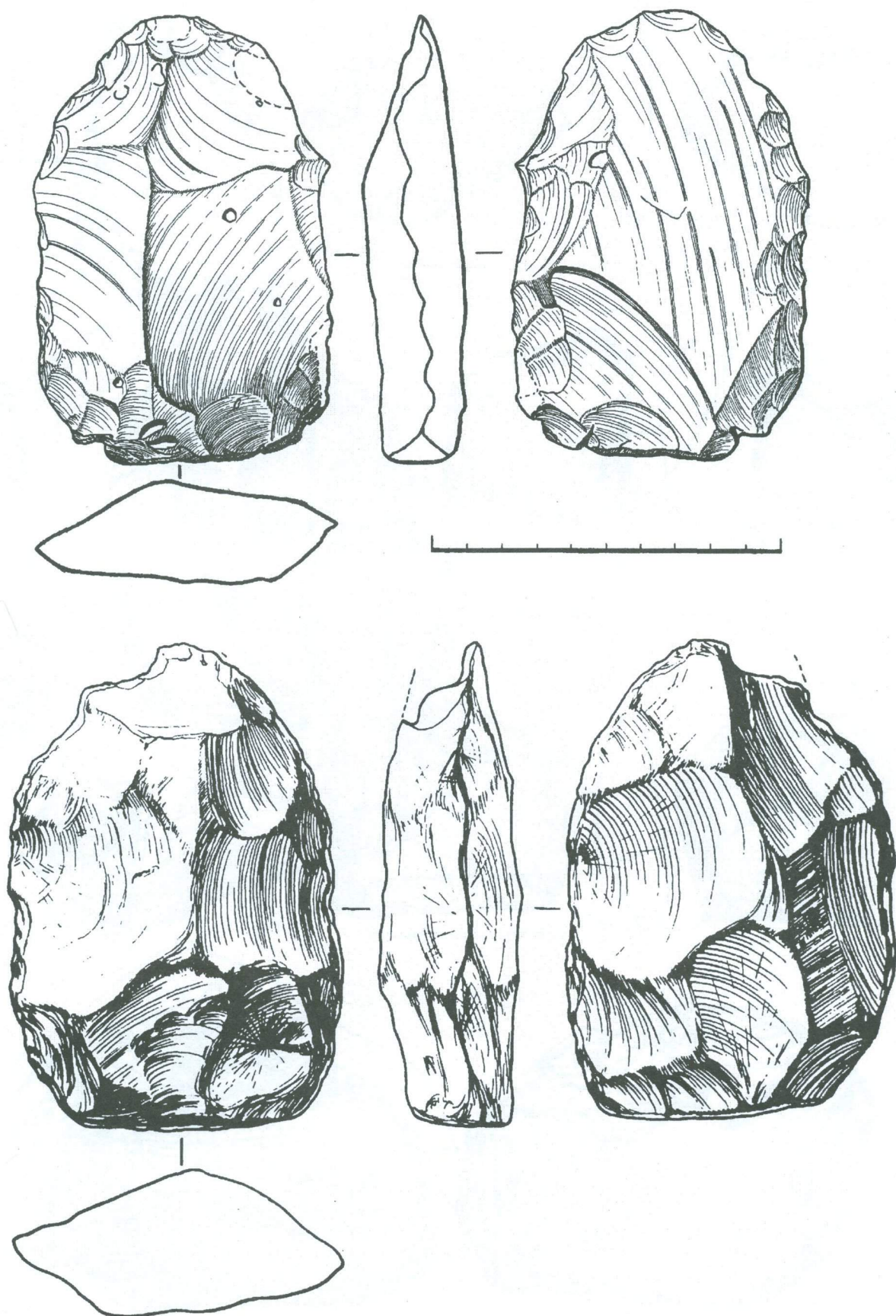

Рис. 39. Местонахождение Гористави (1) и пещера Кударо I (2) (Центральный Кавказ, Юго-Осетия). Образцы подпрямоугольных ручных рубил с закругленными дистальными концами (по: [Любин 1998a])

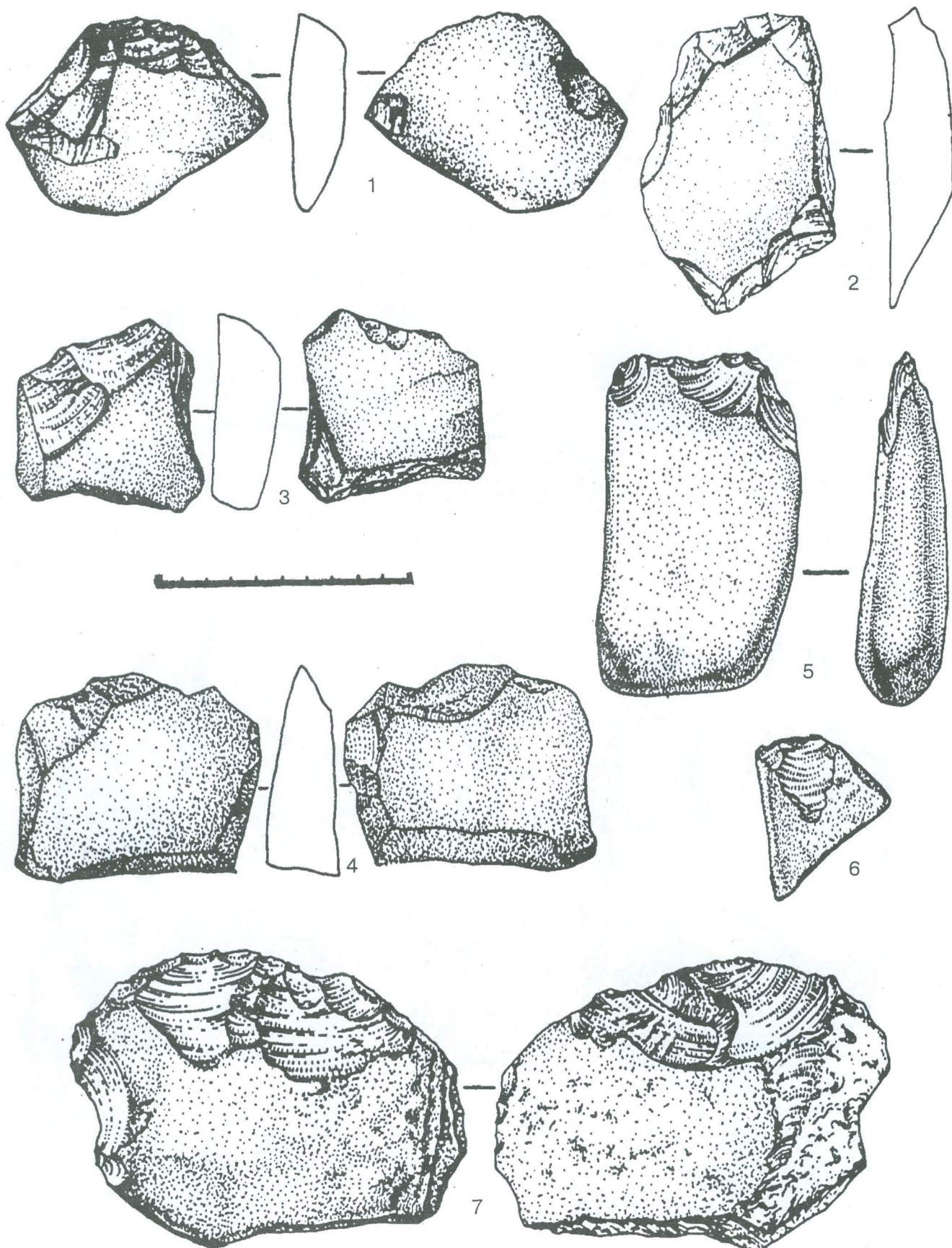

Рис. 40. Пещерная стоянка Треугольная (Карачаево-Черкесия). Образцы галечных орудий (по: [Дороничев 1992])

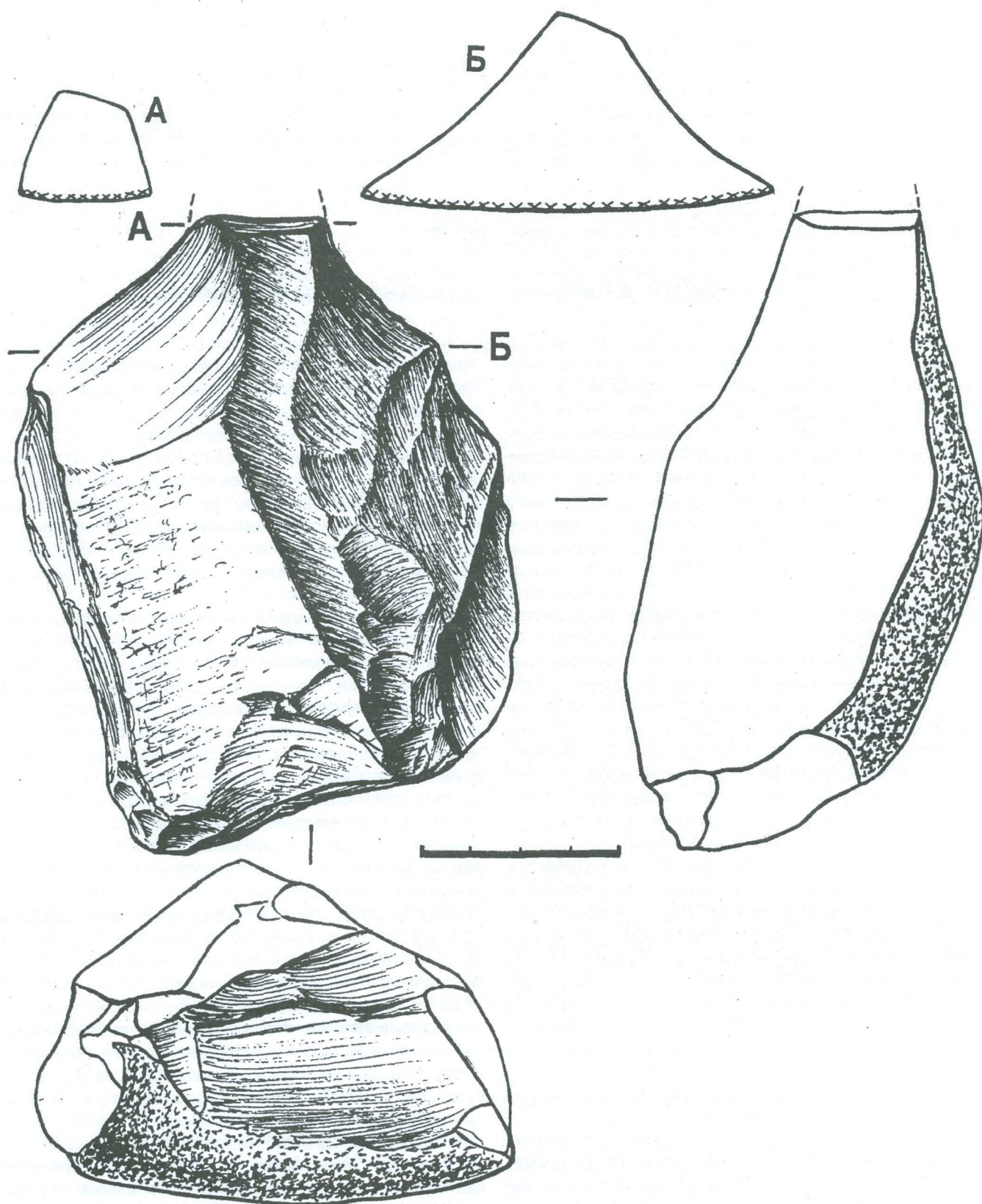

Рис. 41. Стоянка на горе Кинжал (Пятигорье, Ставропольский край). Пиковидное орудие (из сборов В. П. Любина и Е. В. Беляевой в 2003 г.)

Глава 4

Заселение Кавказа в среднем палеолите

К настоящему времени открыто около 300 пунктов со среднепалеолитическими изделиями на Южном Кавказе и около 100 — на Северном Кавказе. Таким образом, в сравнении с ашелем, средний палеолит региона представлен намного более значительным числом памятников. Бросается в глаза, что абсолютное большинство пунктов находок среднего палеолита приурочено к тем же областям Кавказа, что и ашельские памятники (рис. 11, 42). Как и в предшествующую эпоху, многие среднепалеолитические памятники тяготеют к средней части перешейка, т. е. к зоне Транскавказского поперечного поднятия. Основное количество памятников этой зоны располагается в южной ее части — в полосе от Закавказского нагорья на юге перешейка до южных склонов Центрального Кавказа. К окраинам этой зоны относятся пещерные стоянки Малого Кавказа и пункты с находками в предгорной его части — на правобережных террасах среднего течения р. Куры. В северной части, на северных склонах Центрального Кавказа, такие памятники пока относительно немногочисленны. Другие области концентрации среднепалеолитических памятников находятся на западе региона — на Северо-Западном Кавказе, в бассейне р. Кубани и в Сочинско-Абхазском Причерноморье (Черноморский Кавказ). К востоку от зоны Транскавказского поперечного поднятия известны пока лишь редкие пункты, расположенные преимущественно в тех же районах, где были зафиксированы ашельские артефакты. Несколько местонахождений с относительно немногочисленными находками обнаружены в предгорьях Кахетинского хребта и в Дагестане. Подобная неравномерность размещения среднепалеолитических памятников на территории Кавказа может, разумеется, отчасти отражать разную степень изученности отдельных районов и наличие в них более или менее благоприятных тафономических условий [Любин 1984: 48]. В то же время, как показывает многолетний опыт поисков на Кавказе следов палеолита, новые среднепалеолитические памятники удастся обнаруживать именно в вышеназванных частях региона, тогда как другие доставляют в лучшем случае редкие или единичные находки. При-

водимая нами карта распространения среднепалеолитических памятников отображает современный уровень знаний (рис. 42), но она не отличается принципиально от той, что была представлена в обобщающей работе 15-летней давности [Любин 1989: 10, рис. 1]. Таким образом, при всей очевидной неполноте положенных в ее основу данных фиксируемая картина расселения среднепалеолитических людей в регионе носит, по-видимому, все же закономерный характер, отражающий влияние палеогеографических и палеоэкологических факторов.

Несмотря на то что в некоторых позднеашельских комплексах отмечаются формы изделий, характерных скорее для среднего палеолита (остроконечники, богатый ассортимент скребел, довольно совершенные леваллуазские нуклеусы и сколы и т. п.), генетическая связь между ашельскими и среднепалеолитическими памятниками Кавказа, как и в Леванте, не прослеживается. Таким образом, у нас нет пока оснований для гипотез о происхождении среднепалеолитических индустрий Кавказа на основе эволюции местных ашельских комплексов. С другой стороны, имеется ряд параллелей между некоторыми южнокавказскими среднепалеолитическими индустриями и относящимися к этому периоду индустриями Ближнего и Среднего Востока. Это позволяет полагать, что появление на Кавказе среднепалеолитических памятников отражает новые волны миграций, причем, как и в ашельское время, заселение Южного Кавказа в среднем палеолите шло, очевидно, с юга. Из Леванта через Восточную Анатолию на Кавказ могли проникать создатели каменных индустрий леваллуа-мустьерского типа, а наличие в ряде памятников Южного Кавказа индустрий типа загросского мустье указывает на связи их с горной областью Загрос на территории нынешнего Ирана [Beliaeva, Lioubine 1998]. Карта расположения памятников (рис. 42) наглядно демонстрирует, как нам кажется, что мустьерские обитатели Южного Кавказа продвигались в основном в полосе возвышенной центральной части перешейка. Оттуда они, по всей видимости, проникли в горное Причерноморье, где отдельные инду-

стрии демонстрируют признаки влияния мустьерских традиций Закавказья [Любин, Беляева 2001: 83]. Как представляется, путь мустьерских людей на Черноморский Кавказ, подобно пути ашельцев, шел в обход влажных залесенных или заболоченных пространств Колхиды, где нет никаких остатков среднего палеолита. Нет также пока никаких данных и о следах передвижения среднепалеолитических людей в подверженной разливам Каспия, а в иное время остепненной Куринской низменности [Любин, Беляева 2004б: 14].

Что касается Северного Кавказа, то в среднем палеолите его территории могли заселяться, по-видимому, с разных направлений. Наличие на Кубанском Кавказе нескольких памятников с большим или меньшим присутствием разнообразных двусторонне обработанных орудий (Ильская, Мезмай и др.) позволяет многим исследователям в той или иной мере сближать их с группами центральноевропейских, а еще в большей мере — восточноевропейских и крымских индустрий, характеризующихся специфическими наборами таких орудий (так называемый «микок») (см.: [Zamiatnine 1929; Bosinski 1967; Голованова 1991; Любин 1994; Чабай 2004] и др.). Был даже сделан вывод о том, что начало раннего среднего палеолита в этой области отражает приток на Северо-Западный Кавказ населения со стороны Русской равнины или Крыма [Голованова 1991; 1994]. Согласно иному мнению, наиболее ранняя из известных среднепалеолитических стоянок Северо-Западного Кавказа — Ильская стоянка — демонстрирует индустриальные традиции, развивающиеся на местной подоснове, которая формировалась, в свою очередь, при ощутимом влиянии закавказских импульсов [Щелинский 2005: 316].

В Центральном Предкавказье найдено небольшое количество среднепалеолитических памятников — одна пещерная стоянка и ряд местонахождений в Северной Осетии, а также несколько местонахождений в Ингушетии и Кабардино-Балкарии (рис. 36). Однако это отражает скорее недостаточную интенсивность поисковых работ, нежели потенциал этих территорий, поскольку практически все предпринимавшиеся там разведки были в той или иной мере результативными. Ряд параллелей между коллекциями изделий из осетинских и ингушских памятников и мустьерскими материалами на южном склоне Центрального Кавказа позволяют говорить о вероятности миграций с юга [Любин, Беляева 2001—2002]. Как уже говорилось в предыдущей главе, несмотря на то что центральная часть высокогорного барьера Большого Кавказа отличается наибольшими высотами, к западу от г. Казбек здесь есть небольшой участок, вполне доступный для передвижений палеолитических людей с южного склона на северный. Наиболее высокий осевой хребет здесь неоднократно пропиливается верховьями ряда рек северного склона, а главный водораздел смещается на расположенную южнее более низкую цепь, принадлежащую уже к зоне южного склона и именуемую Сланцевым или Осетинским хребтом [Гвоздецкий 1963: 108]. Между единичными расположенными на нем

ледниковыми вершинами имеется до 15 сравнительно невысоких и издревле известных и используемых перевалов. Наиболее важные из них — Мамисоновский (2.829 м), Козский, Дзедо (3.005 м), Зикарский (3.195 м), Рокский (2.991 м), Трусо и Крестовый (2.384 м) (рис. 36). В плейстоцене Сланцевый хребет и перевалы через него, согласно данным геологов и палеогеографов, располагались значительно ниже, чем в настоящее время¹. Наиболее доступными эти проходы становились, видимо, в периоды потеплений. Расположение известных на сегодня среднепалеолитических памятников Центрального Предкавказья показывает, что люди заселяли предгорья передовых куэстовых хребтов, но могли выходить и на предгорную наклонную равнину [Любин, Беляева 2001—2002; Любин, Беляева, Мальсагов, в печати].

Если оценивать картину размещения среднепалеолитических памятников Кавказа в целом, то можно заключить, что абсолютное большинство их тяготеет к пересеченным, гористым местностям, что объяснимо потенциальным наличием там разнообразных минеральных и пищевых ресурсов, а также скальных убежищ привлекавших охотников и собирателей [Любин 1969: 23]. Заметим, однако, что освоение ими горных районов носило все же ограниченный и избирательный характер, поскольку сильно зависело как от конкретных ландшафтно-климатических условий, так и от ресурсной базы.

Расматривая роль ландшафтно-климатических условий, следует учитывать, что большинство поддающихся возрастному определению среднепалеолитических памятников Кавказа принадлежит, как будет показано ниже, к периоду последнего вюрмского, или валдайского оледенения (рис. 5, 9). В этот период сильное общепланетарное похолодание и продолжающееся поднятие гор обусловили развитие обширного горно-долинного оледенения, охватившего прежде всего Большой Кавказ, а также ряд высоких хребтов Малого Кавказа и Армянского нагорья. На северном склоне Большого Кавказа верхнеплейстоценовое оледенение проявилось особенно мощно — ледниковые языки, как доказывают некоторые геологи, могли достигать Скалистого хребта [Думитрашко, Милановский 1977: 239—242] (рис. 8). В среднепалеолитическом слое Кепшинской пещеры (Сочинское Причерноморье), расположенной ныне в поясе низкогорных широколиственных лесов, отмечено обилие пыльцы хвойных и остатки животных и птиц, обитающих ныне в альпийском и субальпийском поясах. Это позволяет предполагать, что в мустьерское время снижение границы вечных снегов и поясов растительности в максимум похолодания достигало на Черноморском Кавказе 1400—1500 м. Данные по динамике растительности и животного мира в мустьерских слоях пещер Кударо I и III на южном склоне Центрального Кавказа допускают снижение высотных поя-

¹ Амплитуда сводового поднятия Б. Кавказа в четвертичное время, согласно Н. А. Гвоздецкому [Гвоздецкий 1954: 20; Гвоздецкий, Голубчиков 1987: 106], достигала 2—3 км.

сов на 600—700 м [Любин 1974: 171]. На этих примерах мы видим, что в эпоху среднего палеолита на Кавказе происходило усиление роли гляциально-климатического фактора, что должно было препятствовать проникновению людей в глубину гор, позволяя им осваивать преимущественно предгорья и низкогорья.

Весьма показателен тот факт, что даже с учетом произошедшего со времен среднего палеолита поднятия Большого и Малого Кавказа высотные отметки большинства южнокавказских стоянок этого периода не превышают ныне 1000 м. Есть данные о том, что среднепалеолитические обитатели Северо-Западного, или Кубанского, Кавказа тоже заселяли главным образом низкогорья [Муратов 1969: 169—170]. В современном среднегорье и высокогорье Кавказа зафиксированы лишь единичные памятники с довольно скудными среднепалеолитическими культурными остатками, указывающими на редкие визиты охотничьих групп [Любин 1969: 161]. На южном склоне единственным высокогорным памятником является пещера Цона (2100 м над ур. м.) [Каландадзе 1965; Любин 1977]. К высокому среднегорью (1500—2000 м) [Гвоздецкий, Голубчиков 1987: 10] относятся расположенные неподалеку от Цоны пещеры Кударо I и III (около 1600 м над ур. м.) и соседствующее с ними местонахождение Учетет [Любин 1977]. Помимо памятников этого центрально-кавказского района в Закавказье имеется еще только одна высотная мустьерская пещерная стоянка — открытый недавно на севере Армении грот Печка (1672 м над ур. м.), приуроченный к юго-западным отрогам Сомхетского хребта (Малый Кавказ) [Dolukhanov et al. 2004]. На Северном Кавказе отметку в 1000 м в настоящее время превышают лишь расположенная в его западной части, на окраине Лагонакского плато пещера Мезмай (1310 м над ур. м.) [Голованова и др. 1998], памятник открытого типа Баранаха IV (около 1500 м над ур. м.) [Дороничев 1995], пещера Мыштулагты-лагат в ущелье р. Гизельдон в Северной Осетии (1150—1200 м над ур. м.) [Гиджрати 1987: 142] и пять небогатых находками местонахождений в Горном Дагестане (1300—2000 м над ур. м.) [Котович 1964].

Как представляется, эти редкие высокогорные и среднегорные памятники должны были функционировать в наиболее теплые периоды или сезоны, когда подобный «набор высоты» не был сопряжен с приближением к зоне распространения ледников. В случае с гротом Печка нельзя исключить и дополнительное смягчение климатического режима за счет горных хребтов, окружающих эту область Армении и защищающих ее от холодных воздушных масс — подобно тому, как это происходит в настоящее время. Следует заметить, что аналогичная ситуация с высотным расположением мустьерских стоянок наблюдается и в других горных областях, в частности в Альпах. Из примерно сотни известных там мустьерских памятников 70 % находятся ниже 1000 м над ур. м., а отметку 1500 м превышают лишь около 8 % стоянок. Они, как правило, небогаты находками и располагаются исключительно в пещерных убежищах [Tillet 2001].

Полоса предгорий и низкогорий была, очевидно, оптимальной для расселения как по климатическим условиям, так и по ресурсной базе. Пересеченный рельеф давал возможность выбирать для поселений укромные, обладающие более мягким микроклиматом места в небольших речных каньонах и межгорных котловинах. Такие локальные рефугиумы должны были привлекать и различных животных, включая потенциальную дичь. Расположение на стыке горных массивов и предгорных равнин позволяло использовать разные типы ландшафта и, соответственно, обеспечивало тем самым доступ к более разнообразным пищевым и иным ресурсам. Похожая модель расселения наблюдается и в других обитаемых в среднем палеолите горных районах — например, в Юго-Западной Франции [Mellars 1996: 250—251], Северной Италии [Peresani 2001: 490] и Северо-Западной Греции [Rolland 1985: 50—51].

Если судить по относительному обилию скальных убежищ, использовавшихся среднепалеолитическими людьми в качестве стоянок, то наличие пещер, гротов и навесов имело для них очень важное значение при выборе мест для более или менее долговременного обитания. Это, очевидно, было характерно не только для Кавказа: наблюдается, в частности, концентрация мустьерских памятников в изобилующих пещерами областях Юго-Западной Франции [Mellars 1996: 247]. На Кавказе мустьерские стоянки в пещерных убежищах приурочены главным образом к известняково-карстовым областям, окаймляющим северный склон Большого Кавказа и западную часть его южного склона, к известняковым массивам в восточной части Малого Кавказа [Гвоздецкий, Маруашвили 1977], а также к лавовым потокам Армянского вулканического нагорья [Любин 1984: 50—51]. Многие из этих районов не обследованы или обследованы слабо, что допускает открытие там еще многих новых пещерных памятников. Конечно, проводя такие поиски, нужно учитывать, во-первых, что далеко не все ныне существующие пещерные полости сформировались еще в период среднего палеолита, и во-вторых, что по разным причинам (сырость, неудобство расположения и т. п.) не все из известных в то время скальных убежищ использовались людьми для обустройства стоянок. С другой стороны, даже самые малопригодные для жизни, на взгляд современного человека, пещерные полости могли привлекать мустьерских охотников как места кратковременного пребывания или бивака.

Конечно, ареалы распространения среднепалеолитических памятников лишь частично совпадают с границами наиболее богатых пещерами карстовых областей, поскольку для них, как и для ашельских, характерна связь с распределением сырьевых ресурсов. Здесь мы вновь видим закономерность, которую можно проследить практически по всей среднепалеолитической ойкумене. Например, исследователи среднего палеолита Юго-Западной Франции прямо указывают, что размещение там среднепалеолитических стоянок отражает размещение источников качественного сырья

[Turq 1988; Duchadeau-Kervazo 1986]. Аналогичная ситуация наблюдается, в частности, и в среднем палеолите Моравии [Oliva 2000: 63].

Как уже говорилось в предшествующей главе, посвященной ашелю, Кавказ довольно богат пригодными для расщепления породами, но размещены они неравномерно и приурочены к разным территориям. Магматические породы распространены в основном в срединной полосе Кавказского перешейка, совпадая с зоной разломов и вулканизма, выраженной Транскавказским поперечным поднятием. Различные осадочные породы, использовавшиеся среднепалеолитическим человеком, расположены вдоль склонов Большого Кавказа. Наиболее ценными из них были кремнистые породы, сосредоточенные главным образом в известняках западной и восточной оконечностей Кавказского хребта. Как и в ашельское время, пригодное для обработки каменное сырье продолжало быть жизненно важным ресурсом: области Кавказа со скудными запасами такого сырья (к примеру Ставрополье) практически лишены следов среднего палеолита. С другой стороны, большинство среднепалеолитических памятников с богатыми индустриями, подразумевающими относительно высокую степень интенсивности обитания, сконцентрированы в тех областях, где известны крупные источники качественного сырья. Это кремневые индустрии пещерных стоянок и местонахождений в Лабино-Белореченском секторе средней части бассейна р. Кубани, в Сочинско-Абхазском Причерноморье и в Имеретии (Западная Грузия), а также обсидиановые индустрии южной части Закавказского нагорья (Армения).

Итак, мы можем заключить, что, расселяясь в предгорьях и низкогорьях Кавказа, носители индустрий среднего палеолита при выборе мест обитания ориентировались главным образом на наличие пещерных убежищ и подходящего каменного сырья. Оптимальным вариантом было, разумеется, сочетание удобных для обитания пещер с близкими месторождениями качественного сырья. Это наблюдается в богатой кремнем Имеретии, где известна большая группа многослойных пещерных стоянок, а также в обсидиановой зоне Закавказского нагорья (многослойные стоянки в лавовых гротах). Однако во многих случаях условия выбора мест поселения были далеки от идеальных, и приходилось принимать компромиссное решение. Несмотря на тяготение среднепалеолитических памятников к источникам каменного сырья, ряд пещерных стоянок располагается все же на периферии основных сырьевых зон или выходит за их пределы (пещеры Сочинского Причерноморья, Матузка (Прикубанье), пещеры Кударско-Цонской группы, Мыштулагты-лагат (Северная Осетия), Дашсалахлы и Дамджила на северной окраине Закавказского нагорья (Азербайджан)). В тех случаях, когда люди обретали относительно «комфортные» скальные убежища, они мирились, очевидно, с их удаленностью от выходов качественного сырья и довольствовались разнообразными местными породами (низкокачественные кремни, сланцы, известняки и т. п.), изредка дополняя их более качест-

венными приносными [Любин, Беляева 2005б: 109]. Весьма вероятно, что это отражает возросшее значение пещерных «жилищ» в более прохладную, по сравнению с ашелем, эпоху среднего палеолита.

Разумеется, мустьерские люди должны были обеспечивать себя и другими жизненно важными ресурсами, включающими промысловую фауну, съедобные растения, топливо и источники воды, но особых проблем с наличием этих ресурсов в большинстве районов известного щедрой природой Кавказа, по-видимому, не было. Состав этих ресурсов и распространение их в конкретных местообитаниях должны были, однако, влиять на расположение стоянок в ландшафте. Как уже отмечалось, люди стремились иметь одновременный доступ к разным типам ландшафтов и, соответственно, к максимально широкому набору потребляемых ресурсов, что является оптимальной стратегией выживания охотников-собираателей. Характерно, что практически все пещерные стоянки в каньонах располагаются в их верхней части, близ удобных подъемов на плато, где могли обитать иные, нежели в ущельных теснинах, звери. Неслучайно также наличие вблизи обитаемых пещер родников или мелких ручьев, которые были важны не только как источники водоснабжения стоянок, но и как водопои, привлекавшие местную фауну.

Рассмотрим теперь особенности использования разных природных ресурсов, начав этот обзор с сырьевой базы среднепалеолитических индустрий Кавказа. Многие богатые находками среднепалеолитические памятники, как отмечено выше, связаны с тремя районами, где изобилует качественный кремний (Лабино-Белореченский сектор средней части бассейна р. Кубани, Абхазское Причерноморье и Имеретия), и с месторождениями обсидиана на Центрально-Армянском вулканическом нагорье. Среднепалеолитические индустрии трех из этих районов можно назвать моносырьевыми, поскольку изделия из иных пород там очень редки или отсутствуют [Замятнин 1961б; Аутлев 1970; Ерицян 1970; Любин 1977; 1989; Беляева 1999; Гаспарян и др. 2004]. Индустрии же Имеретии, хотя и базируются преимущественно на выходах высококачественного кремня, могут быть отнесены к моносырьевым лишь с оговоркой. Все они отличаются небольшой примесью другого местного сырья (аргиллит, песчаник), а также экзотического сырья в виде обсидиана [Тушабрамишвили Д. 1981; Любин 1989; Adler, Tushabramishvili N. 2004], принесенного, по всей видимости, из удаленных не менее чем на 100 км месторождений на юге Грузии [Любин, Беляева 2005б: 108]. В последнее время на севере Армении близ сложенного лавовыми породами Джавахетского хребта начинает выявляться еще одна, по-видимому, моносырьевая зона — дацитовая, к которой принадлежит индустрия грота Печка и ряда местонахождений [Dolukhanov et al. 2004; Асланян и др., в печати].

Не совсем ясной пока остается ситуация с сырьевой базой в другом, приуроченном к обоим склонам Центрального Кавказа районе, где имеется близкое по ка-

честву к дацитовому вулканическое сырье — андезит. Речь идет об относительно небогатой находками группе памятников в окрестностях города Цхинвали и ряде других местонахождений Южной и Северной Осетии и Ингушетии, где велика доля изделий из андезита. Несмотря на обилие выходов андезита на территории Юго-Осетии, там пока не найдены источники именно той разновидности андезита, что шла на изготовление мустьерских изделий. В зоне же распространения мустьерских памятников Северной Осетии и Ингушетии подобный андезит встречается, но находится во вторичном залегании — в виде галек и валунов, снесенных реками в районы предгорий и предгорных равнин [Любин 1969: 17; Любин, Беляева, Мальсагов, в печати]. Это подразумевает, с одной стороны, достаточно широкое распространение данного сырья, с другой — отсутствие его богатых месторождений, на которых могли бы базироваться крупные стоянки-мастерские. Не исключено, что относительная немногочисленность находок на среднепалеолитических местонахождениях центральнокавказского сырьевого района отчасти связана с действительным дефицитом здесь наиболее пригодных для расщепления разновидностей андезита, что делало эту территорию не столь привлекательной для мустьерских людей. Наряду с андезитом в этой зоне вулканических пород, связанных с извержениями Эльбруса и Казбека, имеются также небольшие месторождения обсидиана в виде пирокластических обломков (Кабардино-Балкария, долина р. Баксан), которые тоже были использованы обитавшими там мустьерскими людьми [Любин 1977: 105].

На периферии выделяющихся основных сырьевых зон при скудных источниках и/или при невысоком качестве основного сырья каменные индустрии часто отличаются более пестрым сырьевым составом. В расположенных на Малом Кавказе пещерах Азых, Таглар и Дашсалахлы (Азербайджан) наряду с кремнем представлены сланцы, андезит, обсидиан и другие породы [Джафаров 1983; Любин 1984; 1989]. В Сочинском районе Черноморского побережья помимо кремня (около 50 % в Малой Воронцовской пещере и в Ахштырской) использовались местные окремненные и глинистые сланцы и окремненный известняк [Чистяков 1996]. В пещерах Мезмайская и Матузка (Северо-Западный, или Кубанский, Кавказ) люди расщепляли кремль, а также алевриты, песчаник, известняк [Голованова 1994; Голованова и др. 1998]. Особняком стоит индустрия североосетинской пещеры Мыштулагты-лагат, где доминирует местный микрокварцит [Hidjrati 2003].

От минеральных ресурсов перейдем к краткому обзору биоресурсов, которые включают использовавшиеся человеком фауну и флору. Постоянное употребление среднепалеолитическими людьми растительной пищи представляется самоочевидным, а отмеченное ранее богатство флоры Кавказа и наличие в ней различных диких плодов и иных съедобных растений предполагает их значительную роль в рационе среднепалеолитических обитателей региона. Однако судить о на-

боре употреблявшихся в пищу растений трудно, поскольку растения присутствуют в палеолитических отложениях обычно только в виде сохранившейся пыльцы. Наличие в составе пыльцевых зерен ряда съедобных растений отмечается во многих памятниках (например, находки лещины, каштана, грецкого ореха в расположенной в предгорьях Скалистого хребта (Кубанский Кавказ) Баракаевской пещере [Любин 1994]). Растения служили, несомненно, не только в качестве пищи. Древесину использовали как топливо, а также, очевидно, для изготовления различных недошедших до нас предметов. Анализ характера лезвий и микроследов утилизации каменных орудий из Монашеской пещеры показал, в частности, что там из дерева делали рогатины, палицы и даже какие-то емкости [Щелинский 1975]. Хотя в периоды похолоданий некоторые стоянки оказывались в окружении остепненных ландшафтов, лесная растительность почти всегда могла сохраняться в поймах и узких долинах небольших рек [Левковская 1994].

Данные о фауне более информативны, но во многих аспектах, как правило, недостаточны. Помимо общего определения состава фауны, что сделано для большинства стратифицированных мустьерских стоянок Кавказа, необходимо тщательное изучение ее хронологической изменчивости, а также — что особенно важно при анализе биоресурсов — выяснение того, насколько остатки того или иного животного связаны именно с человеком и с его охотничьей деятельностью. Как свидетельствуют этнографические и археологические наблюдения, охотники-собиратели, как правило, не живут на своих стоянках непрерывно, а, значит, в их отсутствие там могут отлагаться кости разных животных, умерших естественной смертью или ставших жертвой хищников, начиная от хищных птиц и кончая пещерными медведями. Установить степень участия человека в накоплении находимых на стоянках костей призван специальный зооархеологический анализ, устанавливающий полноту или избирательность состава костных остатков, признаки воздействия на них человека или хищников, возраст погибших животных и т. п. К сожалению, детальные зооархеологические исследования были проведены лишь на нескольких стоянках Кубанского Кавказа (Ильская, Мезмайская, Матузка, Монашеская и Баракаевская [Hoffecker, Baryshnikov 1998; Hoffecker, Kleghorn 2000], а также на стоянке Ортвала-кде в Имеретии (Западная Грузия) [Bar-Oz, Adler 2005]).

На кубанских стоянках, исключая Матузку и нижние уровни Ильской, в той или иной мере доминирует бизон, но параллельно встречаются также другие копытные: горный козел, муфлон, благородный олень, лошадь. Возрастные профили смертности этих животных, степень и особенности раздробленности костей (Баракаевская), нарезки на костях (Мезмайская) говорят о том, что, по крайней мере, часть этих костей является результатом охоты [Baryshnikov, Hoffecker 1994]. Обращает на себя внимание совместное нахождение на этих стоянках сразу нескольких промысло-

вых видов, обитающих в разных ландшафтах. То же можно наблюдать и на некоторых стоянках Южного Кавказа: остатки животных разных стадий обнаружены в пещерах Азых и Ереванская (степные и лесные виды) и в нижнем слое Бронзовой пещеры (лесные и альпийские виды) [Любин 1989]. Это указывает, по всей видимости, на стратегию комплексной, диверсифицированной эксплуатации окружающих ландшафтов.

Во многих случаях прослеживается, однако, четкое доминирование отдельных видов. Остатки бизона преобладают на большинстве стоянок Кубанского Кавказа [Baryshnikov, Hoffecker 1994] и в Бронзовой пещере (Имеретия, Западная Грузия), остатки кавказского горного козла, или тура, — на другой уже упомянутой имеретинской стоянке Ортвала клде [Adler, Tushabramishvili N. 2004; Bar-Oz, Adler 2005]. Такую ситуацию можно, вероятно, интерпретировать как определенную специализацию охоты на наиболее добычливую, выгодную для утилизации или предпочитаемую по иным причинам дичь [Любин, Барышников 1985]. Наиболее ярким примером является пещерная стоянка Ортвала клде, где кости тура достигают около 90 % фаунистических остатков и представлены лишь определенными частями скелета, сильно раздроблены, имеют следы нарезок. Интересно, что сходная картина отмечается как в мустьерских, так и в позднепалеолитических слоях этой стоянки [Adler, Tushabramishvili N. 2004; Bar-Oz, Adler 2005]. Однако едва ли есть основания настаивать на специализации охоты для мустьерских стоянок Кавказа в целом [Городецкая 2004], и тем более, выделять на этом основании особые хозяйственно-культурные типы, как это делает В. Б. Дороничев [Дороничев 1993]. Во многих случаях мустьерские люди были, очевидно, способны вносить коррективы в стратегию жизнеобеспечения, гибко реагируя на изменения окружающей среды. Так, например, хотя в Тагларской пещере постоянно обитали носители одной индустриальной традиции, в средних уровнях этой стоянки, соотносимых с холодным и сухим климатом, преобладают костные остатки безоарового козла, а в вышележащем слое — благородного оленя, сопровождаемые остатками других лесных видов [Джафаров 1983: 12—13]. В пещерных стоянках Джручула и Бронзовая, которые отнесены В. Б. Дороничевым к хозяйственно-культурному типу охотников на пещерного медведя, доминирование этого вида в одних уровнях сменяется в других преобладанием копытных [Любин 1977; Тушабрамишвили Д. 1978].

Поскольку пещерный медведь довольно широко представлен в мустьерских пещерных стоянках Большого Кавказа, причем во многих памятниках его остатки действительно доминируют, вопрос об охоте на этого зверя требует особенно тщательного исследования с помощью зооархеологических методов. В зарубежной литературе в последнее время широко распространилось мнение об отсутствии такого направления охоты в палеолите и о практически исключительно естественной смертности медведей в скальных убежищах, которые использовались ими в периоды отсутствия

там человека (см., напр., [Stiner 1994]). Однако на некоторых среднепалеолитических стоянках все же удается зафиксировать наличие на костях медведя следов расчленения туши и нехарактерный для естественной смертности возрастной состав [Baryshnikov, Hoffecker 1994]. Есть и иные косвенные доказательства участия человека-охотника в накоплении костей пещерного медведя: в мустьерских слоях пещер Кударо I и III (Центральный Кавказ, Юго-Осетия) установлено, например, преобладание когтевых фаланг над прочими (результат снятия шкур). Интересно, что аналогичные наблюдения получены там и по костным остаткам пещерного льва, который являлся, очевидно, не менее опасным хищником [Baryshnikov 1999]. В разделе, посвященном предшествующей эпохе, мы уже отмечали, что с охотой связана, очевидно, и искусственная раздробленность многочисленных костей пещерного медведя в более ранних ашельских слоях пещеры Кударо I [Любин, Барышников 1985].

Следовательно, некоторые археологические данные позволяют все же оспаривать зооархеологически и этнографически обоснованный вывод о том, что палеолитические люди были не в состоянии убить такое крупное и опасное животное, как пещерный медведь [Binford L. 1997]. Можно вспомнить также, что у примитивных африканских обществ существуют приемы охоты на столь крупных животных, как слоны, или на столь опасных хищников, как львы. Пещерный медведь был огромным (рост при подъеме на задние лапы более 3 м), но проворным хищником, непосредственная встреча с которым была, скорее всего, действительно смертельно опасной для древних охотников. Однако люди могли, например, подкарауливать пещерных медведей у выхода из пещеры или же загонять их в распространенные в горах теснины и естественные ловушки, а затем забрасывать камнями, колоть рогатинами и т. п. [Любин 1969: 159—160; Любин, Барышников 1985]. Сложность и опасность такой охоты должны были оправдывать ее жизненно важные результаты — обилие мяса и ценного жира, а главное, исключительные по качеству шкуры. Допустимо предполагать, что такую охоту могли устраивать преимущественно осенью, когда медведи нагуливают жир для зимней спячки. Не исключена также вероятность зимне-весенней добычи ослабленных животных при обнаружении их берлог в приглянувшихся людям пещерных убежищах.

В то же время, интерпретируя преобладание костей пещерного медведя в большинстве пещерных стоянок Большого Кавказа (до 95—98 % в Сочинском Причерноморье (Черноморский Кавказ)), нужно учитывать и многочисленные аргументы в пользу естественной гибели медведей в пещерах. Немалая, а возможно, и очень значительная часть остатков медведей в кавказских пещерах может не иметь прямого отношения к человеку, отражая временный, или периодический характер таких стоянок. В пользу такого вывода косвенно свидетельствует очень малый по сравнению с большинством кавказских стоянок процент костей пе-

щерного медведя в пещере Ортвала клде, которая одновременно выделяется среди прочих наибольшими количеством и плотностью каменных изделий, а также другими признаками относительно интенсивного человеческого обитания [Adler, Tushabramishvili N. 2004]. Допуская саму возможность и потенциальную продуктивность охоты на пещерного медведя, мы отнюдь не склонны преувеличивать ее роль и масштабы, поскольку этот зверь был, видимо, намного более трудной добычей, нежели разные копытные животные и иная дичь. Последняя могла включать некоторых мелких зверьков, а также отдельные виды птиц и даже рыб. В мустьерских слоях пещеры Кударо I, как и в ашельских ее уровнях, найдено несколько видов куриных и большое количество костей черноморского лосося, причем скопления рыбьих костей связаны с очажными пятнами, а состав скоплений сходен с кухонными остатками стоянок более поздних эпох. Лосося могли добывать с помощью рогатин или дубин на мелководьях протекающей близ пещеры реки, куда он поднимался на нерест. Кости этой рыбы обнаружены и в мустьерских слоях Малой Воронцовской пещеры в верховьях р. Хосты (Сочинское Причерноморье), где мог применяться, видимо, аналогичный способ ее добычи [Любин, Барышников 1985: 6].

Обращаясь к анализу собственно археологических материалов, необходимо коснуться вопроса об их сохранности и типах памятников. Хотя средний палеолит Кавказа характеризуется на сегодня весьма значительным, как отмечалось, числом памятников (около 300 пунктов на Южном Кавказе и около 100 — на Северном Кавказе), абсолютное большинство их (почти 90 %) является местонахождениями, где палеолитические изделия находятся в переотложенном или поверхностном залегании вне их первоначального хроно- и биостратиграфического контекста. Подобно местонахождениям с ашельскими изделиями, мустьерские местонахождения могут быть соотнесены с памятниками разного типа. Некоторые из них представляют собой, по всей видимости, остатки разрушенных стоянок-поселений, поскольку содержат характерный для них набор инвентаря, включающий разнообразные орудия. Другие отражают кратковременные стоянки с малочисленным инвентарем. Особенно многочисленны местонахождения-мастерские, т. е. пункты близ выходов каменного сырья, где производилось первичное расщепление камня и/или — реже — изготовление отдельных типов орудий. Как уже отмечалось, собираемые там находки нередко бывают разновозрастными, так как богатые выходы сырья привлекали людей в разные эпохи каменного века. Конечно, анализ технико-морфологических характеристик артефактов позволяет в целом с большей или меньшей долей уверенности отделять среднепалеолитические материалы мастерских от прочих, но специфический состав находок — преимущественно отходы производства — часто затрудняет вопрос о связи их с определенными индустриальными традициями. Чтобы выявить такие традиции и обеспечить полномасштабный сравнительный

анализ индустрий, проследить развитие их в контексте изменений природной среды, а также определить функциональную роль разных памятников, мы должны опираться, в первую очередь, на стратифицированные стоянки, где сохранились сами культурные отложения.

При таком условии круг опорных памятников существенно сокращается, хотя стратифицированные среднепалеолитические памятники представлены на Кавказе намного лучше, нежели ашельские. Культурные слои среднего палеолита сохранились на 35 южнокавказских и 11 северокавказских стоянках, приуроченных в подавляющем большинстве к пещерным убежищам. По сравнению со многими другими регионами почти полсотни стратифицированных стоянок представляют собой достаточно внушительное число, что, казалось бы, дает все основания говорить о богатстве источниковедческой базы по среднему палеолиту Кавказа. Однако непосредственное обращение к наличным данным показывает, что информативный потенциал большинства этих стоянок оказывается достаточно скромным. Причины этого, как и в случае ашельских стоянок, многообразны. Среди них водная эрозия или иные разрушения культурных отложений, а также утрата потенциальной информации из-за несовершенной или неправильной методики раскопок. Так, например, очень малый процент мелкогабаритных отходов кремнеобработки на большинстве стоянок Южного Кавказа может быть отчасти связан с отсутствием просеивания и промывки седиментов. Это предположение находит, как кажется, подтверждение в новых данных о плотности находок в пещере Ортвала клде. По сравнению с соседними квадратами старого раскопа, в новых вскрытиях, где применялась современная методика раскопок, плотность находок возросла в одном из слоев в 4 раза, а в другом — почти в 20 раз [Adler, Tushabramishvili N. 2004: 123]. Подчеркнем также разнокачественность проведенных для разных стоянок исследований по биостратиграфии и хронологии. Все это заставляет очень осторожно и отчасти избирательно использовать наличные данные, опираясь прежде всего на материалы наиболее тщательно изученных стоянок. Хотя источниковедческая база вновь сужается, зато мы можем оперировать более надежной информацией.

Вопросы хронологии относятся, пожалуй, к самым сложным: абсолютные датировки получены лишь для отдельных стоянок, причем они производились разными методами и в большинстве случаев единичны. Тем не менее эти даты являются все-таки определенными ориентирами, которые можно рассматривать, коррелируя их с биостратиграфическими данными и археологическим контекстом. Самые древние слои среднепалеолитической индустрии, как представляется на сегодня, содержатся в мощной колонке отложенной многоярусной пещерной стоянки Мыштулагты-лагат, расположенной в Центральном Предкавказье (ущелье р. Гизельдон, Северная Осетия). Пещера выработана в массиве юрских известняков северного склона Скалистого хребта. В толще отложений пещеры, исследованной на глубину более 30 м, но не доведенной

до скального основания, выделено 16 культурных слоев с мустьерскими изделиями. Материалы этого памятника еще только начинают публиковаться, а потому рассмотреть их во всем объеме пока нельзя. Установлено, однако, что вся совокупность биостратиграфических показателей средней пачки отложений этой пещеры (слои 12—21) позволяет уверенно относить их ко времени 250—70 тыс. лет назад. Для слоев 14—12 предполагается интервал 128—70 тыс. лет назад, причем наиболее богатый находками слой 14 сопоставляется с кислородно-изотопной стадией 5e (рисс-вюрмское межледниковье) [Hidjrati et al. 2003].

Эти данные важны не только для возрастной оценки данного памятника. Они могут быть привлечены в качестве дополнительных для установления хронологического диапазона другой центральнокавказской группы памятников. Дело в том, что в рассматриваемой пачке отложений Мыштулагты-лагат выявлены выразительные пластинчатые индустрии [Hidjrati et al. 2003], технико-морфологические характеристики которых напоминают таковые у мустьерских индустрий пещер Кударо I, Кударо III, Цона и Джручула, расположенных на южном склоне этого участка Центрального Кавказа (Юго-Осетия, Грузия). Как мы уже вкратце отмечали, весьма вероятно, что в этом отразились реальные процессы миграций и расселения носителей таких индустрий по существующим на этом участке перевальным путям через Кавказский хребет [Любин, Беляева 2001—2002] (рис. 36). Степень сходства данных индустрий еще подлежит исследованию, но их, несомненно, объединяет наличие большой доли пластинчатых заготовок (25—36 % в кударско-джручульской группе) и удлиненных остроконечников на пластинах (рис. 43, 44). Эти черты довольно резко отличаются от технической основы мустьерских индустрий прочих стратифицированных стоянок Кавказа и более всего напоминают характеристики раннего левантийского мустье «D», а еще более его сирийскую разновидность — индустрии типа Хуммалиан [Beliaeva, Lioubine 1998]. К аналогичному выводу независимо пришли недавно вновь обратившиеся к материалам Джручулы Н. Тушабрамишвили и Д. Адлер, которые, отталкиваясь от этой аналогии и других данных, предлагают относить джручульско-кударскую группу индустрий к раннему мустье [Adler, Tushabramishvili N. 2004: 114]. Как было показано выше, данные по Мыштулагты-лагат свидетельствуют в пользу именно такой атрибуции пластинчатого мустье Кавказа. Судя по биостратиграфическим показателям мустьерских слоев кударских пещер, они формировались в раннем вюрме—начале первого холодного максимума, или мустьерского плейстоцена. Показатели основной части нижнего слоя 4 пещеры Кударо I указывают на теплый межстадиал, а для верхов слоя 4 и слоя 3 можно предполагать наступление холодной стадии [Любин 1977: 93; 1989: 31]. С этим предположением в целом согласуется дата, полученная для слоя 4 по изотопам тория — 90—60 тыс. лет назад [Чердынцев и др. 1959; Любин 1993: 9], а также РТЛ-дата 67 ± 17 тыс. лет на-

зад для верхов слоя 4 (О. А. Куликов, личное сообщение).

Итак, как нам представляется, выявленные на Центральном Кавказе стоянки с леваллуазскими пластинчатыми индустриями отражают, очевидно, ранний этап среднепалеолитического заселения региона, включающий последнее рисс-вюрмское межледниковье и начало вюрма вплоть до наступления первого плейстоцена (стадия 4 кислородно-изотопной шкалы). Помимо названных стоянок есть еще один пещерный памятник с хорошо документированными культурными отложениями раннего среднего палеолита — это стоянка Матузка в Прикубанье. Однако находки, происходящие из нижних уровней этого памятника (слои 5—7, рисс-вюрм—начало вюрма) крайне малочисленны, разнородны, и соотнести их с другими индустриями Кавказа затруднительно [Голованова 1994]. К этому же раннему этапу относятся, скорее всего, индустриальные комплексы многослойной стоянки открытого типа Ильская (Ильская 1 и Ильская 2) в низовьях Кубани [Праслов 1984; Shchelinskiy 1998], которые были изначально сопоставлены с центральноевропейскими индустриями среднего палеолита, содержащими набор двусторонне обработанных орудий («микок») [Zamiatnine 1929]. Вопрос о возрасте этих комплексов, в которых присутствуют как двусторонне обработанные орудия «микокского» типа, так и леваллуазский компонент (рис. 45), продолжает дебатироваться [Golovanova, Doronichev 2003]. В последнее время, однако, В. Е. Щелинский [Щелинский: 2005] на основании геоморфологических и литологических данных доказывает формирование всей толщи отложений Ильской стоянки в раннем вюрме (кислородно-изотопные стадии 5d—6) (рис. 9).

К раннемустьерским памятникам некоторые исследователи относят также слой III пещеры Азых в Нагорном Карабахе [Величко и др. 1980; Гусейнов 1985] и пещерные стоянки Ереванская и Лусакерт I [Ерицян 1970]. Судя по облику индустрии, нельзя исключить относительно ранний возраст мустье Азыха (рис. 46) и нижних уровней Лусакерта. Однако аргументы в пользу рисс-вюрмского возраста мустьерского слоя Азыха представляются пока недостаточными и довольно спорными [Любин 1989: 22—23], а ранневюрмская датировка армянских пещер и вовсе лишена серьезных доказательств: материалы их не проработаны и не опубликованы.

Из всех стратифицированных раннемустьерских памятников на сегодня лучше всего проанализированы памятники кударско-джручульской группы, которые мы и рассмотрим более подробно. Как было ранее показано В. П. Любиным, их каменные индустрии демонстрируют чрезвычайно близкое технико-морфологическое сходство и относятся к одной культурной традиции. Относительная территориальная близость этих памятников позволила выделить данную группировку в качестве своеобразной кударской культуры [Любин 1977]. Обнаруженный в слое 2 Джручулы человеческий зуб свидетельствует, что носителями этой культуры были неандертальцы.

Пещеры Кударо I, Кударо III и Цона, расположенные ныне в зоне высокогорья, располагались достаточно высоко и в эпоху среднего палеолита. Более суровый, нежели в ашельское время, климат уже не позволял мустьерским людям использовать эти убежища для длительного обитания. Малочисленность инвентаря мустьерских слоев кударских пещер и близлежащей пещеры Цона наряду с преобладанием орудий, среди которых особенно выделяются удлинённые остроконечники (25 % в Кударо I и 40 % в Цоне), позволяет уверенно атрибутировать эти стоянки как временные охотничьи лагеря [Любин 1977: 66]. Предполагается, что они могли быть связаны с добычей поднимавшихся к осени на нерест в верховья рек лососей, более 30 тыс. костей которых обнаружены в мустьерских слоях пещеры Кударо I [Любин, Барышников 1985: 6]. Другими объектами охоты здесь, как мы уже отмечали, были копытные (благородный олень, горный козел, баран, бизон), а также пещерные медведи [Любин 1977: 26]. Эти животные поднимались, очевидно, в горнолуговую зону летом, когда за ними следовали и охотники. Не исключено, что помимо ягодников медведей также привлекали лососи, благодаря поеданию которых осенью они могли накопить достаточно жира для зимней спячки. В каменной индустрии кударских пещер преобладают местные осадочные породы — сланцы и песчаник (80 %), но встречается и андезит неясного происхождения, а также кремь, принесенный из достаточно удаленного района, где находится еще одна принадлежащая к этой группировке пещера — Джручула. Состав сырья в Цонской индустрии сходен с кударской, но там имеется уникальный предмет — листовидный двусторонне обработанный наконечник из обсидиана (рис. 43: 5), являющегося экзотическим, т. е. удаленным сырьем (Южная Грузия?). Характерно, что в описываемых пещерных лагерях нет никаких следов изготовления или оформления остроконечников: их приносили туда готовыми. Эти орудия могут быть определены как «походный личный набор» («personal gear»), который люди берут с собой в дальние экспедиции за охотничьей добычей при так называемой радиальной, или логистической, модели обитания. Эта модель предполагает наличие основной, или базовой, долговременной стоянки и специализированных лагерей в округе [Binford 1980].

Пещерная стоянка Джручула находится примерно в 50—80 км пути к югу от пещер кударско-цонской группы и располагается ниже их не менее чем на 1000 м [Тушабрамишвили Д. 1969; Любин 1977: 92—93]. В составе фауны доминирует пещерный медведь, сопровождаемый копытными (тур, благородный олень, бизон, горный козел, безоаровый козел и аргалиобразный баран — обитатели ксерофитных ландшафтов, а также косуля, серна, кабан и др.). Сырьем для изделий служили кремь, аргиллит, андезит и другие местные породы. Индустрия содержит сходные с кударско-цонскими пластины и остроконечники (рис. 43: 1—4), которые доминируют в верхнем слое (1528 изделий, 65 % орудий). В нижнем слое они малочисленны, уступая

скреблам и другим орудиям. Нижний слой 2 отличается большей величиной коллекции с преобладанием в ней отходов расщепления (70 %) и большим количеством очагов [Тушабрамишвили Д. 1984], что позволило В. П. Любину предположить относительно долговременный характер обитания в период накопления этого слоя (базовая стоянка), а для периода образования верхнего слоя 1 — использование ее в качестве кратковременного (сезонного) лагеря [Любин 1977: 94]. Как полагают нынешние исследователи Джручулы Д. Адлер и Н. Тушабрамишвили, плотность находок в слое 2 — 2279 предметов на 103 кв. м. раскопа — все же не позволяет определять этот уровень как остатки базовой стоянки, заставляя видеть в ней, скорее, сезонный лагерь. Характер обитания в слое 1 определяется, как и ранее, как кратковременный специализированный лагерь небольшой группы охотников и собирателей. Авторы обращают внимание на то, что типологически и технологически индустрия слоя 1 Джручулы близка ранним среднепалеолитическим комплексам левантских стоянок Табун (слой D), Хайоним, Абу Сиф и Хумаль [Adler, Tushabramishvili N. 2004: 114]. Следует обратить внимание, что в период накопления слоя 1 пещера подвергалась, судя по особенностям отложений, неоднократному обводнению [Любин 1977: 76], что и могло повлиять на более редкое посещение ее человеком.

Помимо описанных пещерных стоянок, имеется еще один памятник с характерными кударско-джручульскими остроконечниками. Это местонахождение Хвирати, расположенное на небольшой плоской возвышенности в ущелье р. Квирилы в 10—15 км к юго-западу от Джручулы. Среди нескольких десятков находок там представлены нуклеусы, пластины, а также несколько удлинённых остроконечников, включая двусторонне обработанные образцы [Любин 1977]. Сырье представлено исключительно кремнем. Памятник почти не исследован: он может представлять собой как еще один небольшой лагерь-стоянку открытого типа, так и мастерскую.

Таким образом, у нас есть все основания говорить о группе из пяти однокультурных памятников, тянущихся цепочкой в направлении с севера на юг на расстоянии до 90—100 км. Самый южный пункт — Хвирати — расположен в низких предгорьях, а самые северные стоянки (Кударо I, Кударо III и Цона) приурочены к высокому среднегорью и высокогорью. Неподалеку от самой высокогорной пещеры Цоны (2100 м над ур. м.) находятся истоки р. Квирилы, на которой расположены Джручула и Хвирати. Можно предполагать, что носители данной индустрии совершали миграции в меридиональном направлении, вдоль долины р. Квирилы. Как отмечалось выше, эти миграции скорее всего могли быть сезонными, связанными с перемещениями промысловой фауны в течение года — от низких предгорий до альпийских лугов. Среди этих животных был, очевидно, и пещерный медведь, хотя, как говорилось, не все его остатки связаны с результатами охоты. Часть медвежьих костей может отражать есте-

ственную смерть этих зверей в пещерах, где они обитали в отсутствие человека. В связи со ссылкой Д. Адлера и Н. Тушабрамишвили на сходство типов этих стоянок с рядом левантийских, уместно привести данные Е. Ховерс о «территориальном поведении» в среднем палеолите южного Леванта: для более раннего периода (мустье типа Табун D, Хуммалиан) характерна высокая мобильность, более обширные территории обитания и нерегулярное посещение стоянок. Реконструируются также дальняя транспортировка сырья и стратегия «персонального мобильного набора» [Hovers 2001: 128—133]. На наш взгляд, эти аналогии являются дополнительным аргументом в пользу гипотезы о связи раннего пластинчатого пласта мустьерских индустрий Кавказа с ранним мустьем Леванта: их объединяет не только технико-типологическая основа, но и сходство моделей обитания.

Второй и последний этап среднего палеолита Кавказа связан уже, по-видимому, с началом кислородно-изотопной стадии 3 или, в крайнем случае, с самым концом стадии 4 (~60—57 тыс. лет назад). Как на раннем этапе, все антропологические находки в позднемустьерских стоянках Кавказа (пещеры Ереванская, Бронзовая, Сакажиа, Ортвала и Ортвала-кльде в Закавказье; пещеры Монашеская, Баракаевская и Мезмайская в Прикубанье) принадлежат исключительно неандертальцам.

Насколько можно судить на современном уровне наших знаний, между ранним и поздним этапами среднепалеолитического заселения региона имеется заметная лакуна. Попытку увязать позднемустьерские индустрии пещер Сакажиа и Ортвала [Ниорадзе 1992] с кударско-джрочульскими [Golovanova, Doronichev 2003: 132] трудно признать обоснованной: гипотеза эта практически лишена аргументации, а параллельно ей предлагается и другой вариант предковой индустрии — леваллуа-мустьерская индустрия пещеры Карин в Турции. Исходя из известных на сегодня данных, мы полагаем, что ранне- и позднемустьерские индустрии Кавказа не связаны между собой ни в культурном, ни в хронологическом отношении. Перерыв приходится на период сильного похолодания, или пленигляциала (кислородно-изотопная стадия 4, т. е. 75/71—60/57 тыс. лет назад), когда ландшафтно-климатические условия в горных районах Кавказа должны были стать особенно суровыми. Негостеприимными в этот период были, судя по всему, и соседствующие с ним районы Армянского нагорья и Загросских гор. Разумеется, нельзя исключить, что жизнь продолжала теплиться где-то на окраинах региона или в отдельных рефугиумах. Так, в Кепшинской пещере (Сочинское Причерноморье), расположенной ныне в полосе широколиственных лесов, низы мустьерского слоя формировались в субальпийских условиях, которые могут быть соотнесены с концом стадии 4 — первого холодного максимума вюрма [Любин 1974: 170—173]. Возможно, как отмечалось, что начало этой холодной стадии отражено в слое 3 пещеры Кударо I. Однако это редкие случаи, и мы не знаем примеров индустрий, которые хро-

нологически сопоставлялись бы преимущественно со стадией 4 или существовали бы на протяжении от раннего вюрма до среднего, включая эту стадию. Основная часть раннемустьерского населения Кавказа, по всей видимости, не пережила этот холодный максимум либо оставила регион.

Приток населения с юга вновь стал возможен, по-видимому, уже в среднем вюрме, когда на Кавказе появились, очевидно, сразу несколько групп новоселов со своеобразными каменными индустриями. Некоторые из позднемустьерских индустрий Южного Кавказа (стоянки Таглар и Газма в Нагорном Карабахе, Дашсалахлы в Западном Азербайджане) [Джафаров 1983; 1999] (рис. 47) демонстрируют явное сходство с индустриями мустьерских памятников Загросских гор — преимущественно одноплощадочное скальвание, изобилие остроконечников и конвергентных скребел с интенсивной ретушной отделкой и т. п. [Джафаров 1983; Beliaeva, Lioubine 1998]. Определенные общие черты с индустриями этого круга имеет индустрия Ереванской пещеры [Джафаров 1983; Любин 1984], однако, судя по доступным нам описаниям и рисункам изделий [Ерицян 1970], она имеет и существенные отличия от названных памятников как по составу орудий, так и по исключительному развитию приемов ядрищного утончения и приострения оснований остроконечников и конвергентных скребел (рис. 47). Это не позволяет, на наш взгляд, говорить о единой ереванско-тагларской традиции [Golovanova, Doronichev 2003: 132], тем более что диссертационную работу по Ереванской стоянке [Ерицян 1970] едва ли можно считать основой для полноценного сравнительного анализа. Материалы этой стоянки еще ждут тщательной проработки и подробной публикации. С загросским мустьем связывают также индустрии пещер Ортвала-кльде и Цуцхватской группы (Бронзовая, Бизоновая и др.) [Adler, Tushabramishvili N. 2004] (рис. 48), однако опубликованные материалы этих памятников пока не дают, на наш взгляд, достаточных оснований для окончательного заключения. Подождем, когда исследователи представят развернутое обоснование данного положения.

На Северо-Западном, или Кубанском, Кавказе к периоду среднего вюрма мы относим индустрии пещерных стоянок Мезмай, Баракаевская, Монашеская и Губский навес № 1 (рис. 49). В них присутствуют некоторые двусторонне обработанные орудия и другие формы, находящие аналогии в богатых подобными изделиями памятниках Русской равнины и Крыма. Последние, как говорилось, соотносятся, в свою очередь, с широким кругом центральноевропейских индустрий так называемой «микокской» традиции и потому часто определяются как «восточный микок». В связи с этим была выдвинута гипотеза о том, что все упомянутые пещерные памятники, а также Ильская стоянка отражают развитие некой принадлежащей к «восточноевропейскому микоку» культуры, которая проникла в конце ресс-вюрма—начале вюрма в эту часть Кавказа со стороны Русской равнины или Крыма. Соответственно, выстроена непрерывная хронологическая по-

следовательность памятников, отражающая медленную трансформацию этой традиции с постепенной утратой бифасиальных форм [Голованова 1991; 1994: 7]. Однако в данной концепции есть ряд слабых мест. Во-первых, ресс-вюрмский возраст нижних уровней Ильской стоянки, равно как и средневюрмский возраст ее верхних слоев ничем не доказаны, что было признано и автором данной концепции [Golovanova, Doronichev 2003: 88]. Следует учитывать и появившиеся аргументы в пользу ранневюрмской датировки культурных отложений этой стоянки [Hoffecker et al. 1991: 141; Щелинский 2005].

Наиболее же уязвима общая хронологическая последовательность кубанских стоянок, построенная Л. В. Головановой, чтобы подкрепить гипотезу о непрерывном и направленном развитии «микока» на Северо-Западном Кавказе. Как справедливо заметил В. П. Чабай [Чабай 2004: 249], и радиоуглеродные датировки, и биостратиграфические данные рассматриваемых пещерных стоянок пока не позволяют датировать их временем ранее интерстадиала Моерсхоofd (около 46—44 тыс. лет назад), причем такой возраст предполагается для самого нижнего слоя Мезмайской пещеры. Датировки других четырех мустьерских уровней Мезмайской пещеры лежат в диапазоне от 40 до 32 тыс. лет назад [Golovanova et al 1999]. Радиоуглеродная дата верхнего мустьерского слоя Монашеской пещеры составляет около 37 тыс. лет назад, а единственного маломощного мустьерского уровня Баракаевской пещеры — около 35 тыс. лет назад [Beliaeva 2004]. Таким образом, все названные пещерные памятники образуют довольно компактную хронологически группу, которая, скорее всего, оторвана от Ильской промежуток в несколько десятков тысяч лет. Едва ли правомерно в такой ситуации говорить, что, «...основываясь на имеющихся сейчас данных, можно проследить развитие микока на Северном Кавказе с конца стадии 5 и до конца стадии 3 кислородно-изотопной шкалы» [Голованова, Дороничев 2003: 14]. Трудно признать корректным и утверждение о том, что на примере единой стратиграфической колонки Мезмайской пещеры прослеживается постепенная трансформация микокской индустрии в типично-мустьерскую без бифасиальных форм [Голованова 1991; Голованова, Дороничев 2003: 14]. Дело в том, что 76 из 77 найденных в этой пещере бифасиальных орудий происходят из двух нижних слоев, причем количество этих изделий от слоя 3 к слою 2В-4 сокращается пропорционально уменьшению общего числа орудий, т. е. процент практически не меняется. Заметим также, что, исключая эти два нижних слоя, все прочие слои содержат очень незначительное число орудий — от 5 до 52 [Golovanova et al. 1999: 81]. Подобный размер выборки не позволяет проводить статистические сравнения комплексов. Таким образом, материалы Мезмайской стоянки не могут быть надежной основой для рассматриваемой гипотезы.

На наш взгляд, к определенной локальной традиции могут быть отнесены индустрии стоянок Губского ущелья (Баракаевская, Монашеская, Губский навес № 1)

[Любин 1977; 1994; Беляева 1999], однако судить о характере их связей с другими кубанскими памятниками, относимыми к «восточному микоку» (Ильская, Мезмайская, Баранаха 4) [Голованова, Дороничев 2003: 12], пока преждевременно. Необходимо уточнение хронологических аспектов, а главное, проработка и публикация материалов Ильской, Мезмайской и Баранаха 4, что позволило бы провести тщательный сравнительный анализ. Что касается «микокских» черт во всех этих индустриях, то мы бы не стали их отрицать, хотя вопрос этот также требует более внимательного изучения. Так, например, индустрии губской традиции содержат очень малую долю бифасиальных орудий, но обладают зато целым комплексом своеобразных характеристик, которые могут иметь совсем иное происхождение. С другой стороны, многие двусторонне обработанные орудия из кубанских стоянок действительно находят близкие аналогии в «микокских» индустриях Русской равнины и Крыма. В связи с этим напомним, что хотя сухопутное сообщение между областями Северного Причерноморья и Северо-Западным Кавказом прерывалось в периоды морских трансгрессий и существования Маньчского пролива, в другие периоды Северо-Западный Кавказ становился пограничьем между этими областями и Закавказьем (рис. 10). Не исключено, что формирование местных индустрий в этой зоне могло быть результатом достаточно сложных процессов, включая опосредованные или непосредственные культурные контакты и взаимовлияния разных по происхождению индустриальных традиций.

Происхождение индустрий прочих позднемустьерских стоянок Кавказа остается еще более сложной проблемой. Сказать что-либо определенное об их культурной атрибуции и взаимосвязях пока очень трудно. В некоторых случаях существуют такие объективные помехи, как малочисленность найденных изделий (например, Навалишенская и Кепшинская пещеры в Причерноморье) или сильная степень их сработанности либо повреждений (Малая Воронцовская, Ахштырская пещеры в том же районе (рис. 50)). В результате появляются даже некоторые различия в описании и интерпретации таких индустрий (см., например: [Любин, Соловьев 1971; Чистяков 1996]). Возможно, однако, что проблемы с атрибуцией индустрий Причерноморья тоже отчасти отражают контактный характер этой зоны, где могли проявляться и смешиваться разные культурные импульсы. Укажем, наконец, на трудности субъективного характера, возникающие из-за уже отмеченных методических огрехов, когда доступная информация о технико-морфологических характеристиках комплексов каменных изделий является явно неполной или даже искаженной (например, пещеры Бронзовая, Ереванская, Лусакерт I в Закавказье). Таким образом, в настоящее время мы можем констатировать, что вопросы происхождения и культурной вариативности кавказских мустьерских индустрий разработаны еще очень недостаточно и что дальнейший прогресс в их изучении зависит от накопления новых материалов и ревизии имеющихся данных.

Обращаясь к проблеме реконструкции моделей обитания в эпоху позднего мустье, мы рассмотрим только те памятники, которые представляют собой определенные локальные группировки. На сегодня на Кавказе установлены три компактно расположенные группы мустьерских памятников, в каждой из которых прослеживается развитие особой индустриальной традиции. Две такие группы расположены в Имеретии, неподалеку от Кутаиси, в каньонах соседствующих притоков р. Квирилы — реки Шабатагеле (Цуцхватский комплекс пещерных стоянок) и реки Цхалцителы (пещеры Сакажиа, Ортвала и стоянка Чахати). Третья группа стоянок сосредоточена в каньоне р. Губс на Кубанском Кавказе (пещеры Монашеская, Баракаевская, Губский навес № 1, а также Аутлевская пещера и ряд местонахождений) (рис. 42). Стоянки, сконцентрированные в Сочинском Причерноморье (пещеры Ахштырская, Малая Воронцовская, Навалишенская, Хостинская I и II), в качестве подобной группы не выделяются. Они разбросаны территориально, а вопрос об их взаимосвязи окончательно не решен.

При анализе первой группы мы сталкиваемся, к сожалению, с погрешностями в методике раскопок и анализе материалов. Так, разрезы 6-метровой мустьерской толщи Бронзовой пещеры — основной в Цуцхватском комплексе — составлены из отдельных отрезков, фауна описана суммарно без разбивки по слоям [Марушвили и др. 1978; Любин 1989], коллекция изделий анализируется в настоящее время заново Д. Адлером [Adler, Tushabramishvili N. 2004]. Тем не менее материалы этой группы памятников дают возможность сделать ряд важных для исследуемой темы наблюдений. Во-первых, хотя в Бронзовой пещере количество находок и плотность их (5877 изделий из раскопа площадью 18 кв. м; около 115 изделий на 1 куб. м) не очень велики, они распределены по 4 культурным слоям общей мощностью до 3 м и включают сильно сработанные нуклеусы и другие отходы расщепления. Доля орудий (рис. 48: 21—34) очень высока (около 30—40%), но отсутствие промывки заставляет предполагать утрату части мелких отходов, что отразилось на общем объеме коллекции и повысило процент орудий. Характерно использование местного некачественного кремня с небольшой примесью других пород (аргиллит, андезит), а также отдельных обсидианов (дальний импорт) и кремней лучшего качества, добывавшихся в соседнем Цхалцительском ущелье. Несмотря на невысокое качество местного кремня, фиксируется его предельная утилизация (сработанные нуклеусы, мелкие заготовки, большое число конвергентных скребел), что говорит о сырьевом дефиците. Можно полагать, что как плохое качество кремня, так и его дефицит препятствовали развитию здесь леваллуазской техники, использование которой практиковалось соседями из стоянок Цхалцительского каньона [Ниорадзе 1992]. Среди фауны всех уровней доминирует бизон, на втором месте кавказский козел, а замыкает тройку постоянно присутствующий пещерный медведь. Д. Адлер и Н. Тушабрамишвили [Adler, Tushabramishvili N. 2004] интерпре-

тируют Бронзовую пещеру как временный, но постоянно заселяемый лагерь, отличающийся от редко и нерегулярно посещаемой, по их представлениям, Джручулы. Это определение представляется вполне корректным, но может быть дополнено. Вся совокупность данных говорит о следующем: ущелье Шабатагеле на протяжении длительного времени было основной территорией обитания определенной группы людей. Здесь нет следов присутствия носителей иных индустрий, но и люди из Шабатагеле то ли не хотели, то ли не могли распространять свою активность за пределы данного района. Вне этого ущелья памятники с подобной индустрией не известны. Но особенно красноречива сложившаяся здесь ситуация с дефицитом сырья, которая могла быть элементарно решена регулярными посещениями того же Цхалцительского ущелья. Таким образом, для этой группировки допустимо осторожно говорить об относительной малой мобильности и неких территориальных «границах». Наличие в составе фауны как горного козла, так и бизона свидетельствует об охоте в разных ландшафтах — в самом ущелье и на плато над ним.

Памятники Цхалцительской группы изучены и опубликованы намного лучше [Ниорадзе 1992]. На основной стоянке — в пещере Сакажиа — выявлены 6 мустьерских уровней общей мощностью около 4,0—4,5 м. Индустрия, как уже говорилось, базировалась на местном качественном кремне, а потому в ней хорошо представлены леваллуазские сколы и пластины (рис. 50). Раскопанная площадь (125 кв. м) почти в 5 раз больше раскопа в Бронзовой, а общее количество находок составляет всего лишь 2035 изделий. Стоянка справедливо интерпретируется как периодически посещаемый лагерь. Однако подчеркнем вновь, что наличие множественных слоев с одной и той же индустрией говорит пусть о редких, но систематических посещениях пещеры определенной группой людей, а также о «закрытости» этого убежища для чужаков. Процент орудий (рис. 50: 1—16) довольно высок по сравнению с отходами обработки: люди могли приносить часть орудий в готовом виде, обрабатывая их вне пещеры. Однако состав изделий показывает, что обработкой камня в пещере все же занимались. Здесь снимали с ядрищ сколы-заготовки, оформляли и переоформляли орудия, выполняли разные другие виды работ. Как показал трасологический анализ орудий из пещеры Сакажиа [Shcheliniskij 1993], на стоянке резали мясо, резали и обрабатывали шкуры, пилили, строгаали и сверлили дерево, кость и рог. Сходная картина наблюдается и на других стоянках данной группы (Ортвала, Чахати), хотя они содержат более обедненный инвентарь. Такие лагеря, разумеется, совершенно не похожи на специализированные охотничьи лагеря кударско-джручульской группы, куда приносились практически только «личные» инструменты и вооружение. Бронзовая и Сакажиа, несмотря на определенную разницу между ними, отражают скорее ту стратегию заселения и освоения ландшафта, которую Ст. Кун называет «provisioning of places», то есть «снабжением стоянок» [Kuhn 1995: 22]. В

этом случае люди мобильны в пределах некоей территории, где разбросаны постоянно посещаемые ими пункты, в которых они могут заниматься хозяйственной деятельностью, ночевать и т. д. Соответственно, человеку не приходится таскать с собой личный «арсенал», поскольку запасы каменного сырья, дров и пищи создаются в каждом из таких пунктов. Подобная система, кстати говоря, как раз и должна предполагать тот или иной способ контроля над обустроенной таким образом территорией и ее ресурсами.

Губское ущелье, расположенное в отрогах Скалистого хребта, дает еще более поразительный пример длительного и стабильного обживания ограниченной территории носителями определенной индустриальной традиции (рис. 49). Здесь выявлены 4 пещерные стоянки (многослойные Монашеская, Губский навес № 1, Аутлевская пещера, однослойная Баракаевская), стоянка открытого типа (Борисовская) и ряд местонахождений. Хотя существует мнение о более широком распространении данной индустрии в рамках Северокавказского микока (пещеры Мезмай и Магузка [Голованова 1993]), оно пока остается лишь допущением, поскольку должно быть подтверждено при полной публикации и сравнительном анализе данных комплексов. Поэтому сегодня вполне правомерно рассматривать губскую группу стоянок именно в данном составе и в данных территориальных рамках.

Как и в описанных выше случаях, река Губс является притоком более крупной реки (р. Ходзь), а каньон ее богат скальными убежищами и кремневым сырьем, качество которого, правда, оставляет желать лучшего (небольшие размеры, трещиноватость). Тем не менее именно оно господствует в данных индустриях, составляя, например, в Монашеской пещере от 85 до 98 % среди разных категорий изделий, кроме орудий [Беляева 1999: 72]. Прочее сырье представлено приносным цветным кремнем более высокого качества, который могли добывать в русловых галечниках и террасах в низовьях Губса, на расстоянии примерно от 15 до 35 км от пещерных стоянок.

Тщательные раскопки и анализ каменных индустрий губских памятников позволяют более подробно рассмотреть те их черты, которые могут отражать особенности обитания. В тонком (15—25 см) мустьерском слое Баракаевской пещеры было найдено более 20 тыс. кремневых изделий, а также большое количество костяных ретушеров и огромное количество костей животных (главным образом бизона) [Любин 1994]. Монашеская пещера, в которой выделено три мустьерских слоя общей мощностью до 1,5 м, доставила более 40 тыс. изделий и массу раздробленной кости с преобладанием остатков бизона [Беляева 1999]. В Баракаевской слой перенасыщен культурными остатками, и выявить какие-либо перерывы в заселении стоянки невозможно. Единственным косвенным свидетельством временного ухода людей из Баракаевской является находка в слое копролита гиены [Любин 1994]. В Монашеской пещере отмечается относительно небольшое число изделий в нижнем уровне (периодические посе-

щения?), но затем оно резко возрастает, демонстрируя пик в верхнем горизонте среднего слоя. Данный уровень выделяется наибольшим числом находок (14 023) и их очень плотной концентрацией в пределах темноокрашенной линзы, которую допустимо трактовать как результат ограничения жилого пространства некоей искусственной конструкцией [Беляева 1999: 53—54]. Подобно Баракаевской, где много остатков золы растительной, здесь зафиксировано присутствие огня: углистые прослойки с обожженной костью внутри линзы и размытые следы трех очагов за ее пределами. При сопоставимой мощности отложений плотность находок в этом горизонте слоя 3 Монашеской превышала таковую в слое 4 в 6 раз, достигая 876 изделий на 1 кв. м (мощность горизонта — около 20—30 см). Увеличение плотности находок сопровождалось такими изменениями индустрии, как резкое усиление степени сработанности нуклеусов (более 40 % — миниатюрные), увеличение до максимума доли мелких отходов (86,9 %), аналогичный рост процента фрагментированных сколов (75 %), измельчение размеров сколов-заготовок и орудий, ухудшение технических характеристик сколов. Важно также отметить, что в орудия здесь были оформлены 32,5 % заготовок против 19—23 % в других уровнях.

Подобная модификация индустрии Монашеской в данном уровне может объясняться следствием роста интенсивности обитания, проявившегося в усиленной утилизации сырья, в условиях дефицита качественного кремня. Это заключение допустимо использовать также и для объяснения некоторых особенностей индустрии Баракаевской — мелкогабаритности изделий (66,7 % сколов длиной 2—4 см) и низких технических характеристик. Скорее всего, эти черты не связаны с культурной спецификой, а отражают все тот же сырьевой дефицит при исключительно интенсивном обживании этой стоянки. Людям попросту стало не хватать кремня — даже местного посредственного, а потому его стали расходовать все более экономно, стараясь получать побольше заготовок и жертвуя для этого их качеством. Однако особенно бережное обращение прослеживается на губских стоянках в отношении наиболее кондиционного импортного кремня. Он использовался преимущественно для изготовления орудий (от 20,4 до 32,7 %) и доставлялся на стоянки, очевидно, в виде сколов или готовых орудий. Для большинства орудий из приносного цветного кремня характерны признаки сильной редукции и даже полной модификации. Удалось проследить постепенное сокращение импорта этого сырья от нижнего слоя к верхнему наряду с некоторым изменением в составе.

Подобные наблюдения не только показывают роль сырьевой базы в формировании особенностей индустрии, но и дают некоторую дополнительную информацию для реконструкции моделей обитания. Во-первых, столь большое количество продуктов расщепления и отходов, не имеющее пока равных на других стоянках Кавказа, косвенно свидетельствует о высокой интенсивности обитания и значительных масштабах хозяйственной деятельности. Следует вспомнить, кстати, еще

и о громадных коллекциях кремневых изделий и отходов расщепления из Борисовской стоянки, расположенной на террасе ниже Монашеской пещеры. Если же учесть наличие в Монашеской и Баракаевской пещерах нескольких сотен необработанных отдельностей кремня (запас сырья), обнаружение там десятков тысяч фрагментов расщепленных костей, а также остатков кострищ, то складывается впечатление о практически непрерывном и очень длительном периоде обитания на названных стоянках. Обе они без всяких оговорок могут быть определены как базовые.

Разумеется, было бы неверно говорить о подлинной непрерывности проживания, то есть об оседлости обитателей губских стоянок, поскольку наши методы не улавливают небольших промежутков в заселении. К тому же все этнографические данные об охотниках и собирателях говорят о той или иной степени их мобильности. Однако пример стоянок Губского ущелья показывает, что при относительно благоприятных условиях в определенном микрорегионе и при вероятных неблагоприятных изменениях в природной обстановке в целом мобильность может быть, видимо, достаточно ограниченной. На это косвенно указывают и данные об импорте сырья. Набор приносного сырья не включает пород или разновидностей кремня, удаленных от стоянок более чем на 25 км, что не предполагает особенно далеких походов или контактов. Более того, импорт качественного кремня постепенно даже сокращается, несмотря на явно негативное влияние сырьевого дефицита на развитие индустрии. Не исключено, что резкое похолодание и иссушение климата, зафиксированное в верхнем слое Монашеской пещеры, заставило обитателей ущелья ограничить выходы на негостеприимные пространства Кубанской равнины.

Губские стоянки демонстрируют, возможно, уникальную и нетипичную для остального Кавказа модель обитания. В принципе, вполне возможна очень широкая варибельность как моделей мобильности [Kuhn 1995: 26], так и соответствующих им типов памятников [Binford L., Binford S. 1966: 100]. Нельзя не заметить, однако, что губская модель все же принадлежит к общей тенденции, характерной для позднемустьерских памятников региона. Ограничение мобильности и закрепление на определенных территориях было показано выше только на примере Цуцхватской и Цхалцительской группировок, но ведь абсолютное большинство кавказских пещерных стоянок также было заселено носителями лишь одной индустрии. Использование одного пещерного убежища носителями разных индустрий зафиксировано только для пещер Матузка и Лусакерт I. И здесь вновь уместно обратиться к данным по моделям обитания в среднем палеолите Леванта. Оказывается, что в более позднее время (70—45 тыс. лет назад) там тоже начинает превалировать стратегия «обес-

печения стоянок», сокращаются мобильность и территории обитания, зато усиливается интенсивность обитания на стоянках и повторяемость их заселения [Hovers 2001: 129, 135]. Такое совпадение в направленности изменений моделей обитания в Леванте и на Кавказе едва ли может быть случайностью. За ним могут стоять экологические причины (например, неустойчивый и прохладный климат среднего вюрма) и/или какие-то важные сдвиги в поведении и в социальной организации носителей поздних мустьерских индустрий. Предполагаемая меньшая мобильность позднемустьерских обитателей Кавказа отнюдь не означает, разумеется, полной «оседлости», поскольку периоды относительно стабильного обитания периодически сменялись, очевидно, передвижением на новые территории.

Финал позднего этапа среднего палеолита Кавказа может быть предварительно оценен временем около 36—32 тыс. лет назад и, возможно, совпадает с сильным похолоданием перед интерстадиалом Денекамп, когда прекращается, судя по всему, существование таких мустьерских стоянок, как, например, Монашеская, Баракаевская, Мезмай, Ортвала-кде. Данное заключение сделано на основании совокупности известных на сегодня абсолютных дат [Любин 1984; Голованова 1993; Golovanova, Doronichev 2003; Adler, Tushabramishvili N. 2004; Beliaeva 2004], а также биостратиграфических показателей и технико-морфологического облика относимых к позднему этапу индустрий. В то же время, имеются отдельные данные о том, что некоторые мустьерские стоянки Кавказа продолжали функционировать и в более позднее время, перешагивая рубеж в 30 тыс. лет [Golovanova, Doronichev 2003] или даже в 20 тыс. лет (Н. Гиджрати, личное сообщение), то есть уже в период широкого распространения в Евразии верхнего палеолита. Если бы эти датировки получили надежное подтверждение, Кавказ мог бы оказаться в одном ряду с такими регионами, как Пиренейский полуостров и Крым, где есть стоянки финального мустье с очень поздним возрастом и где предполагается сосуществование мустьерских и верхнепалеолитических индустрий. На Кавказе наиболее ранний верхний палеолит зафиксирован в северокавказской пещере Мезмайская — около 32 тыс. лет назад [Голованова 2000] и в пещерах Ортвала-кде и Дзудзуана (Имеретия, Грузия) — около 30 тыс. лет назад [Adler, Tushabramishvili N. 2004]. На этих памятниках, однако, нет никаких признаков ни контактов между их мустьерскими и среднепалеолитическими обитателями, ни постепенной трансформации мустьерской индустрии в верхнепалеолитическую. Отсутствуют и какие-либо другие связи между средним палеолитом и верхним палеолитом Кавказа, что связано, очевидно, со сменой населения, принесшего свои традиции [Любин 1989; Nioradze, Otte 2000].

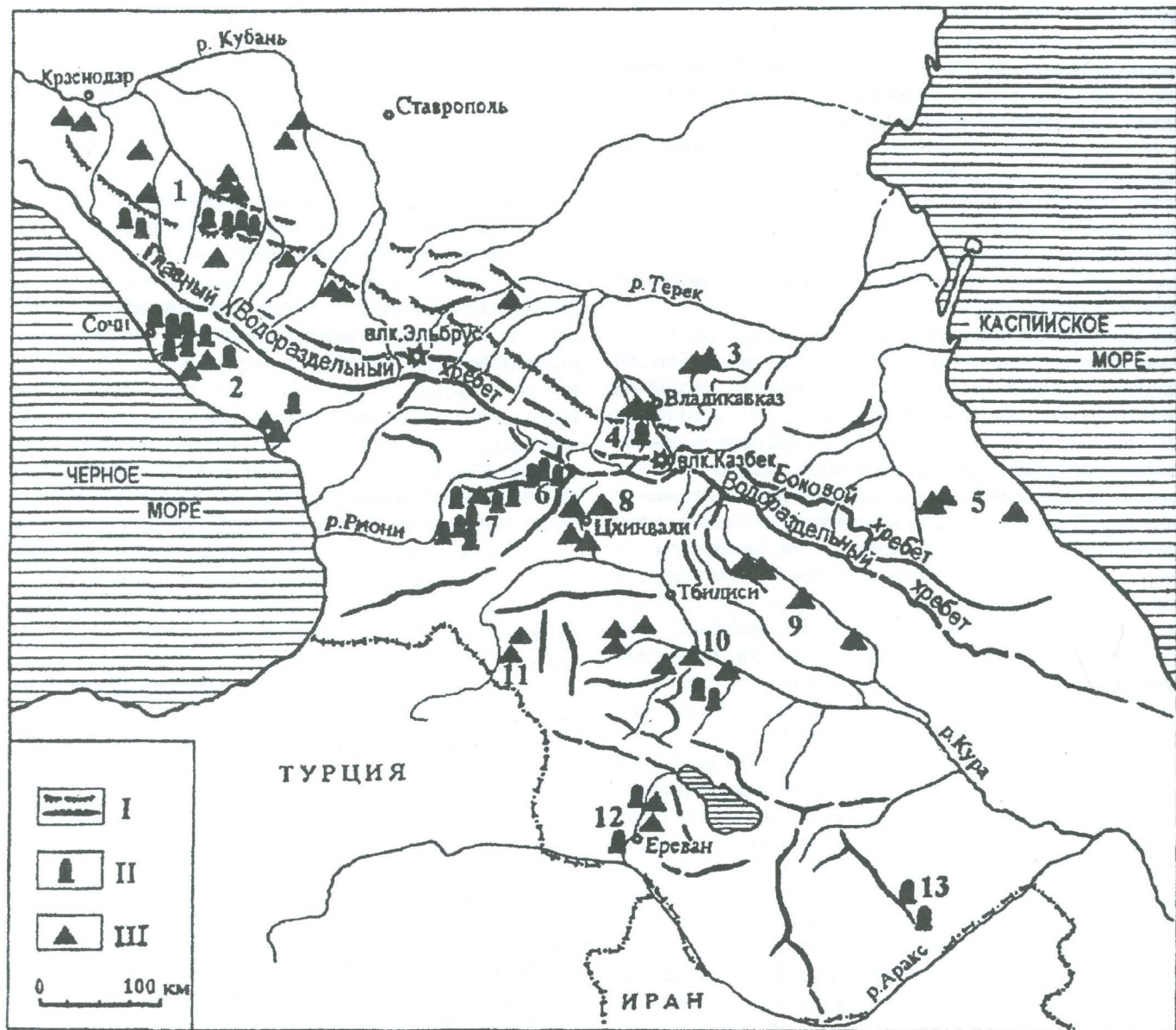

Рис. 42. Карта размещения основных среднепалеолитических памятников Кавказа:

I — горные хребты; II — стратифицированные пещерные стоянки; III — стоянки открытого типа и местонахождения. Основные памятники: 1 — западнокавказская (кубанская) группа (стоянка Ильская I и II, пещерные стоянки Мотузка, Мезмай, Монашеская, Баракаевская и др.); 2 — сочинско-абхазская группа (пещерные стоянки Ахштгырь, Малая Воронцовская, Кепшинская и др.); 3 — ингушская группа (мест. Гамурзиево, Плиево, Насир-корт и др.); 4 — северо-осетинская группа (пещерная стоянка Мыштулагты-лагат, мест. Лысая гора и др.); 5 — дагестанская группа (мест. Сага-цука, Манас-озень и др.); 6 — кударская группа (пещерные стоянки Кударо I и III, Цона); 7 — имеретинская группа (пещерные стоянки Джрочула, Сакажиа, Орвала-кде, Бронзовая и др.); 8 — цхинвальская группа (мест. Курсети, Тамарашени, Морго и др.); 9 — кахетинская группа (мест. Кистаури, Мелани и др.); 10 — западно-азербайджанская группа (пещерные стоянки Дашсалахлы и Дамджилы, мест. Юкары-Салахлы и др.); 11 — джавахетская группа (мест. Кумурдо, Ахалкалаки); 12 — армянская группа (пещерные стоянки Ереванская, Лусакерт I, Печка, мест. Мулки и др.); 13 — карабахская группа (пещерные стоянки Азых, Таглар)

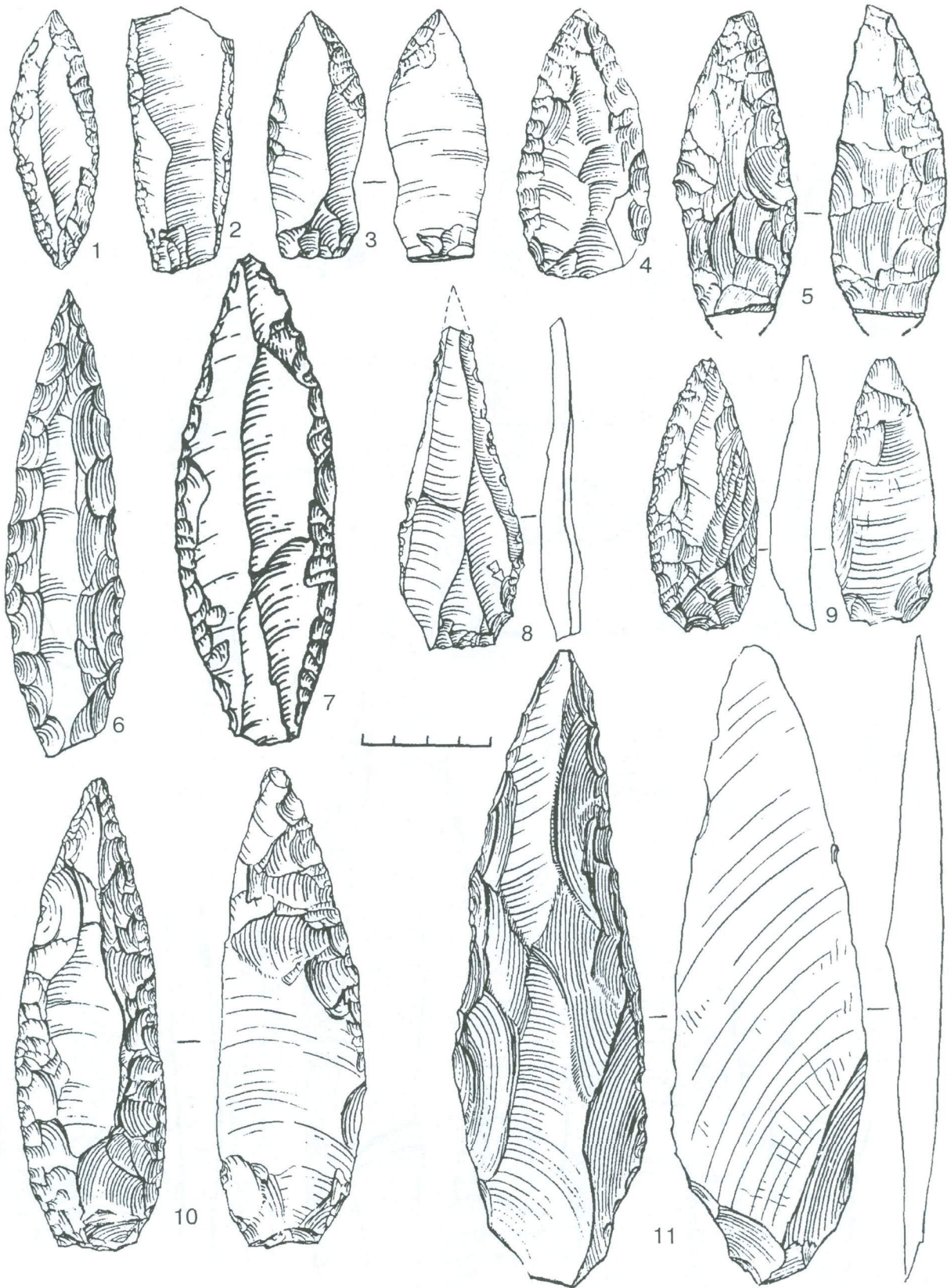

Рис. 43. Стоянки Кударско-джрочульской группировки (Центральный Кавказ):

Джрочула (1—4), Цона (5, 6), Кударо I (8, 9, 11), Кударо III (10). Образцы орудий: 1 — лямас; 2 — двойное боковое скребло; 3, 4, 6, 7, 9—11 — удлиненные остроконечники; 5 — фрагмент двусторонне обработанного орудия (наконечника?) (по: [Д. Тушабрамишвили 1978; 1984; Любин 1977])

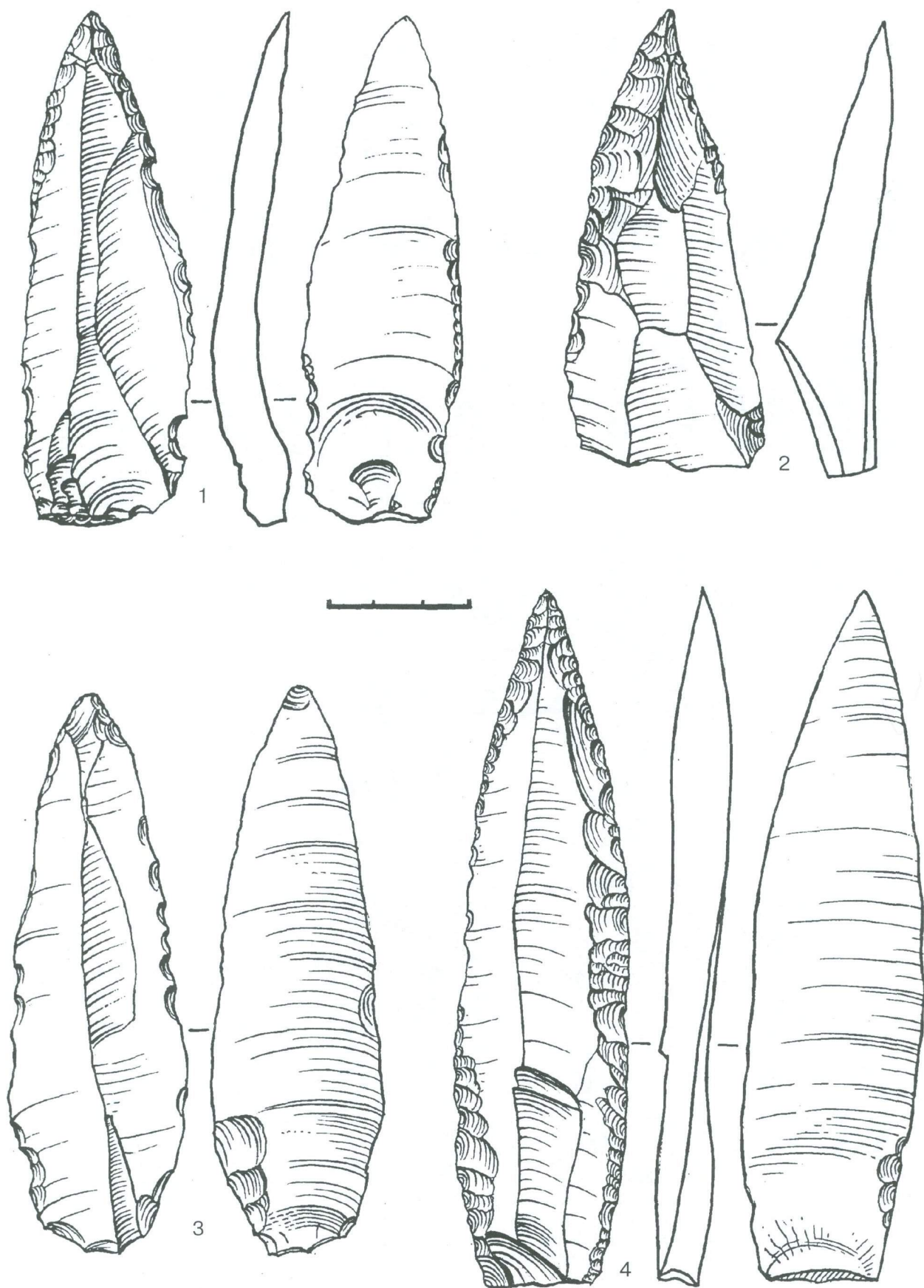

Рис. 44. Пещера Цона. Образцы удлиненных остроконечников

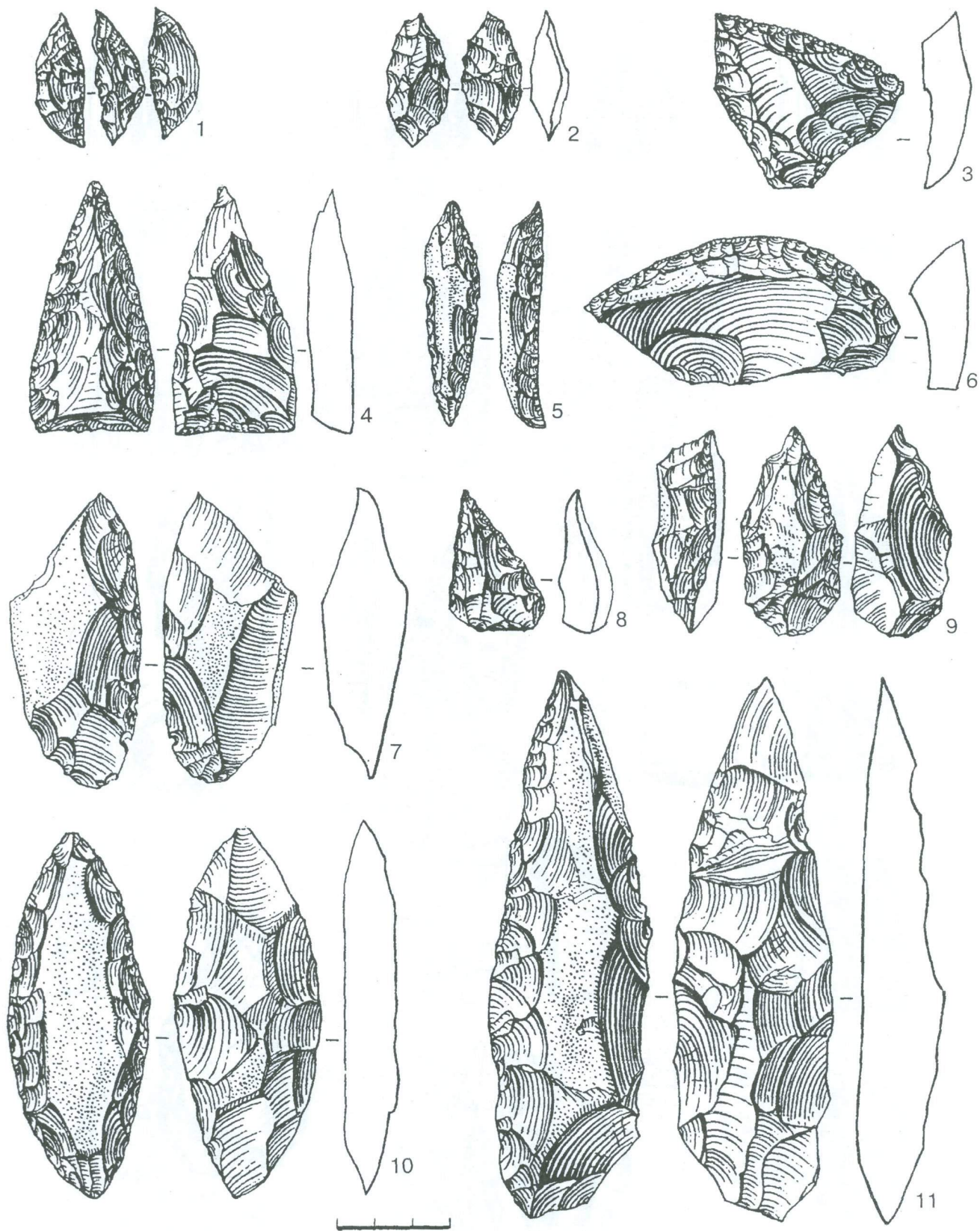

Рис. 45. Стоянка Ильская I (Закубанье). Образцы орудий:

1, 5 — лимасы; 2 — двусторонне обработанный лимас; 3, 8 — угловатые скребла; 4, 10 — двусторонне обработанные остроконечники (10 — листовидный двуконечный); 6 — поперечное скребло; 7 — двусторонне обработанный нож с естественным обушком; 9 — двусторонне обработанное конвергентное скребло; 11 — двусторонне обработанный нож с ретушированным обушком (по: [Любин 1984])

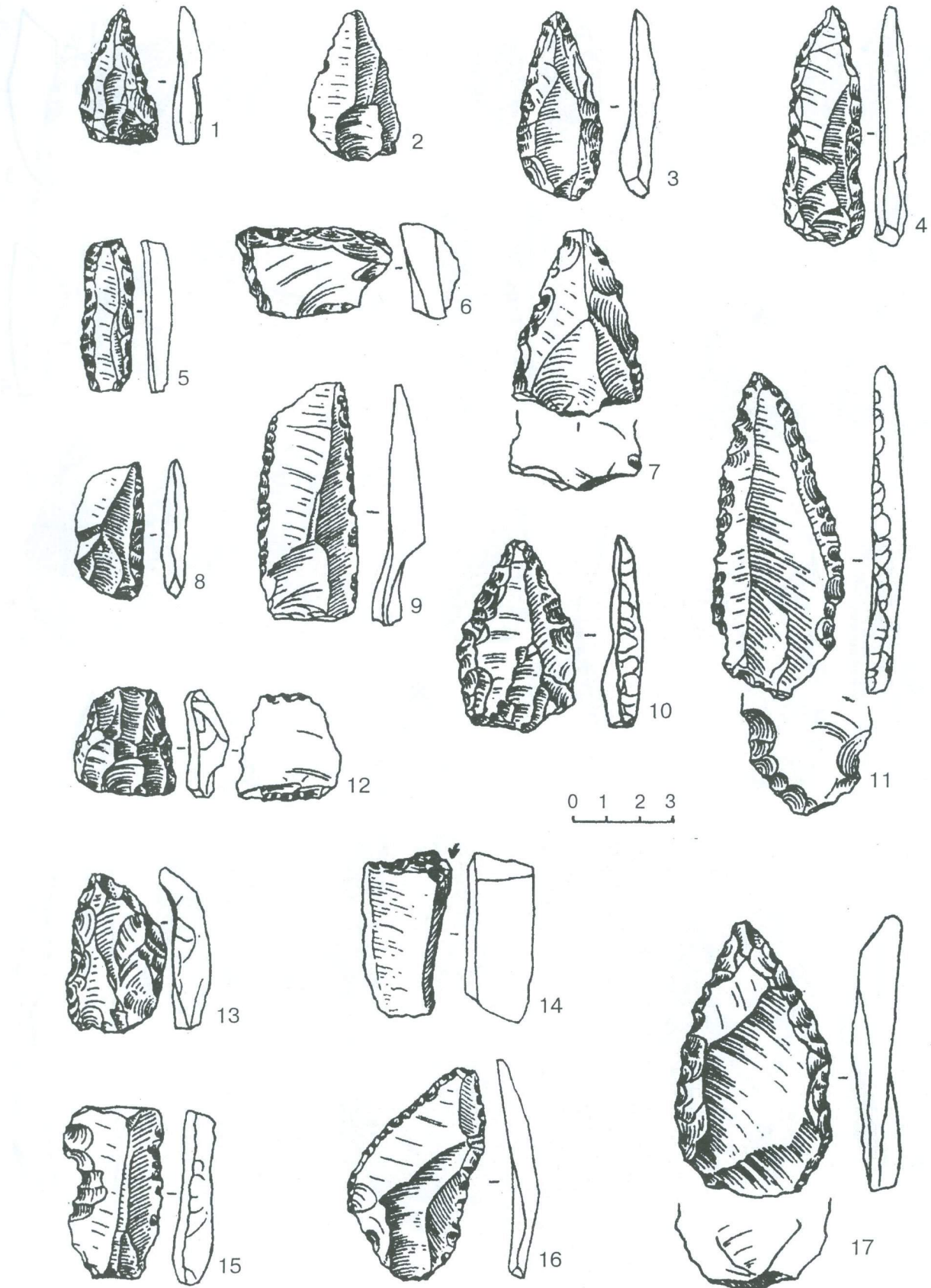

Рис. 46. Пещерная стоянка Азых в Нагорном Карабахе. Образцы орудий:

1, 3, 4, 10, 11, 17 — мустьерские остроконечники; 2, 7 — остря леваллуа; 5, 9, 12 — двойные боковые скребла; 6 — поперечное скребло; 8 — боковое скребло; 13 — конвергентное скребло; 14 — боковой резец; 15 — выемчатое орудие; 16 — угловатое скребло (по: [Джафаров 1999])

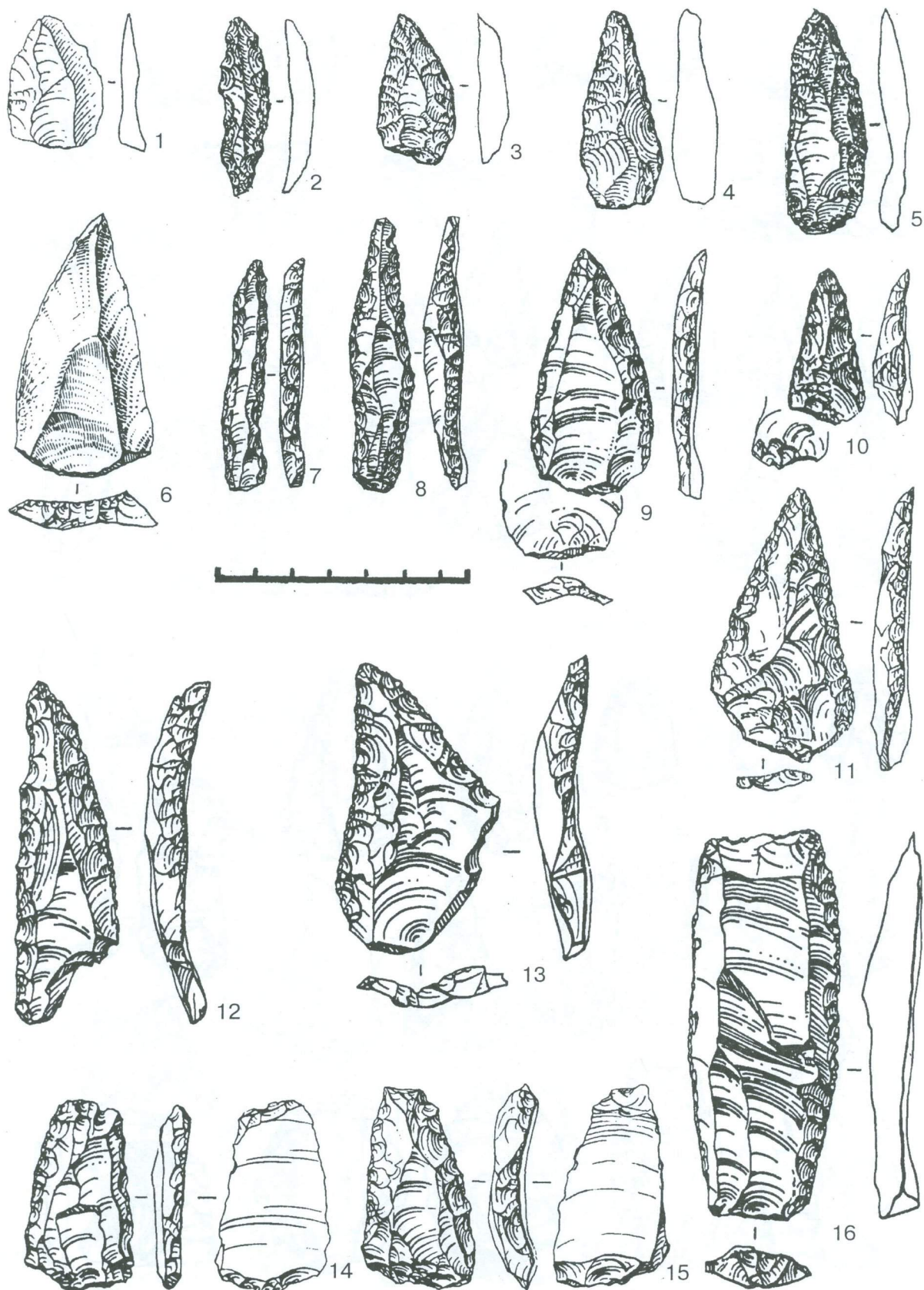

Рис. 47. Пещерные стоянки Газма (1—4) и Таглар (5—17) в Нагорном Карабахе. Образцы орудий:

1, 2 — остря леваллуа; 2 — плоский лимас; 3—5, 9—12 — мустьерские остроконечники; 7, 8 — узкие двойные боковые скребла; 13 — угловатое скребло; 14—15 — двойные боковые скребла с утончением корпуса (скребла тагларского типа); 16 — боковое скребло (по: [Джафаров 1999])

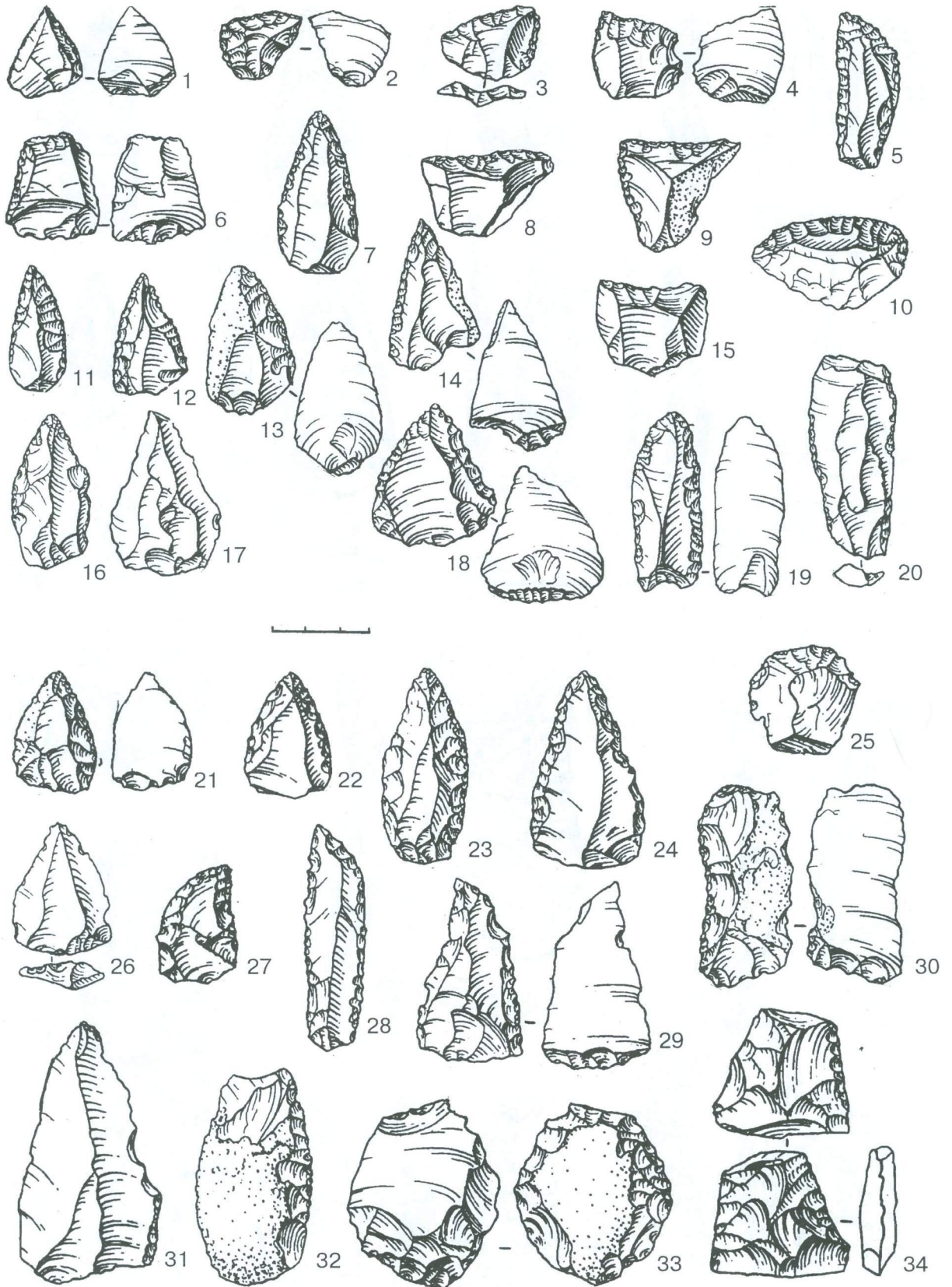

Рис. 48. Пещерные стоянки Ортвала-кжде (1—20) и Бронзовая (21—34) в Имеретии. Образцы орудий:

1, 7, 11, 12, 14, 16, 18, 21—24 — мустьерские остроконечники; 2—6, 9, 27—29 — угловатые скребла; 8, 10, 15 — поперечные скребла; 13, 30, 32 — боковые скребла; 17, 26—32 — острия леваллуа; 19 — конвергентное скребло; 20 — пластина; 25 — скребок; 33 — зубчатое орудие; 34 — фрагмент двусторонне обработанного орудия (по: [Д. Тушабрамишвили 1977; 1978])

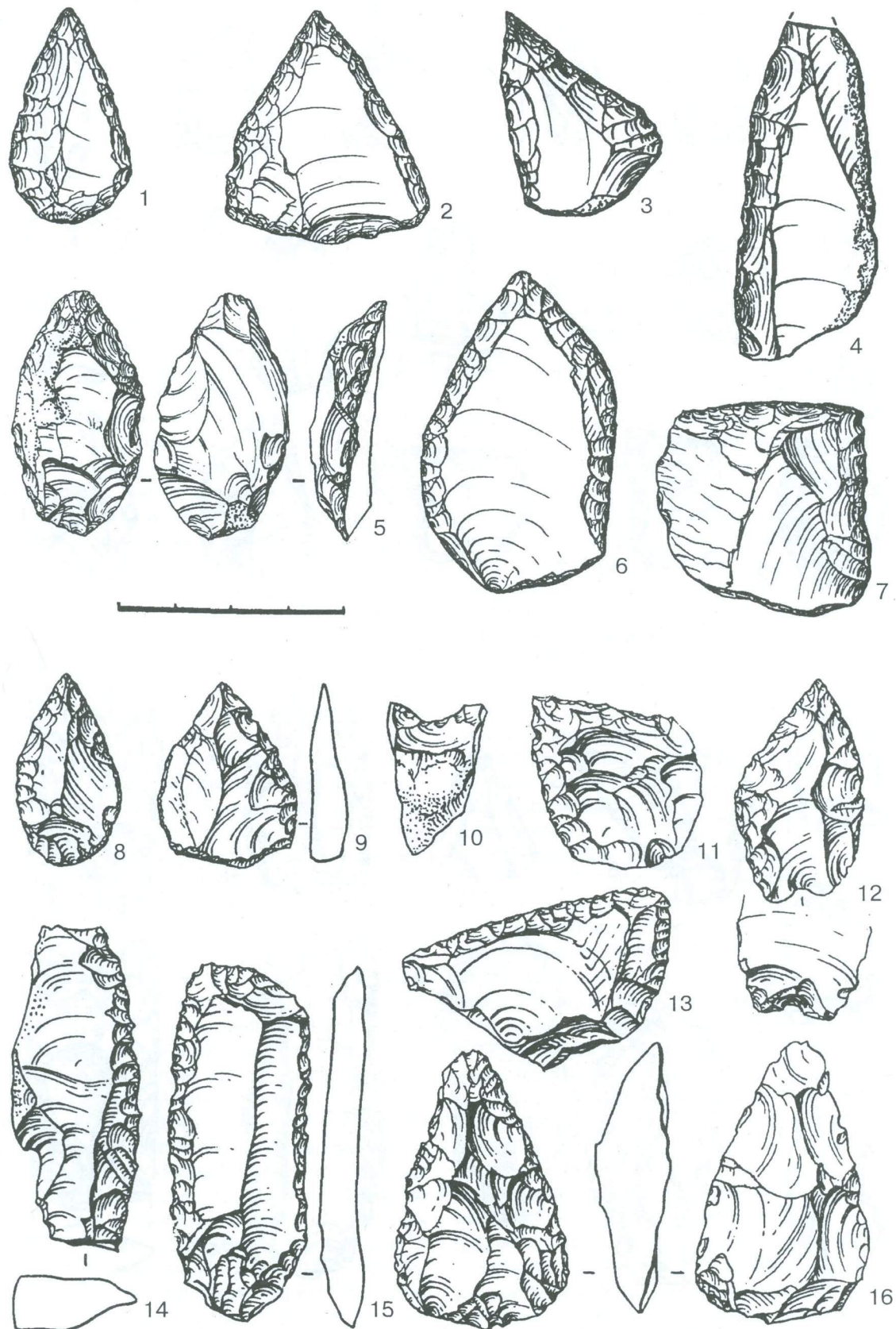

Рис. 49. Пещерные стоянки Монашеская (1—7) и Баракаевская (8—16) в Закубанье. Образцы орудий:

1, 2, 8, 9, 12 — мустьерские остроконечники; 3, 7, 11, 13 — угловатые скребла; 4, 14 — боковые скребла; 5 — частично двусторонне обработанное конвергентное скребло; 6 — конвергентное скребло; 10 — выемчатое орудие; 15 — двойное боковое скребло + скребок; 16 — листовидное двусторонне обработанное орудие (по: [Беляева 1999; Любин, Аутлев 1994])

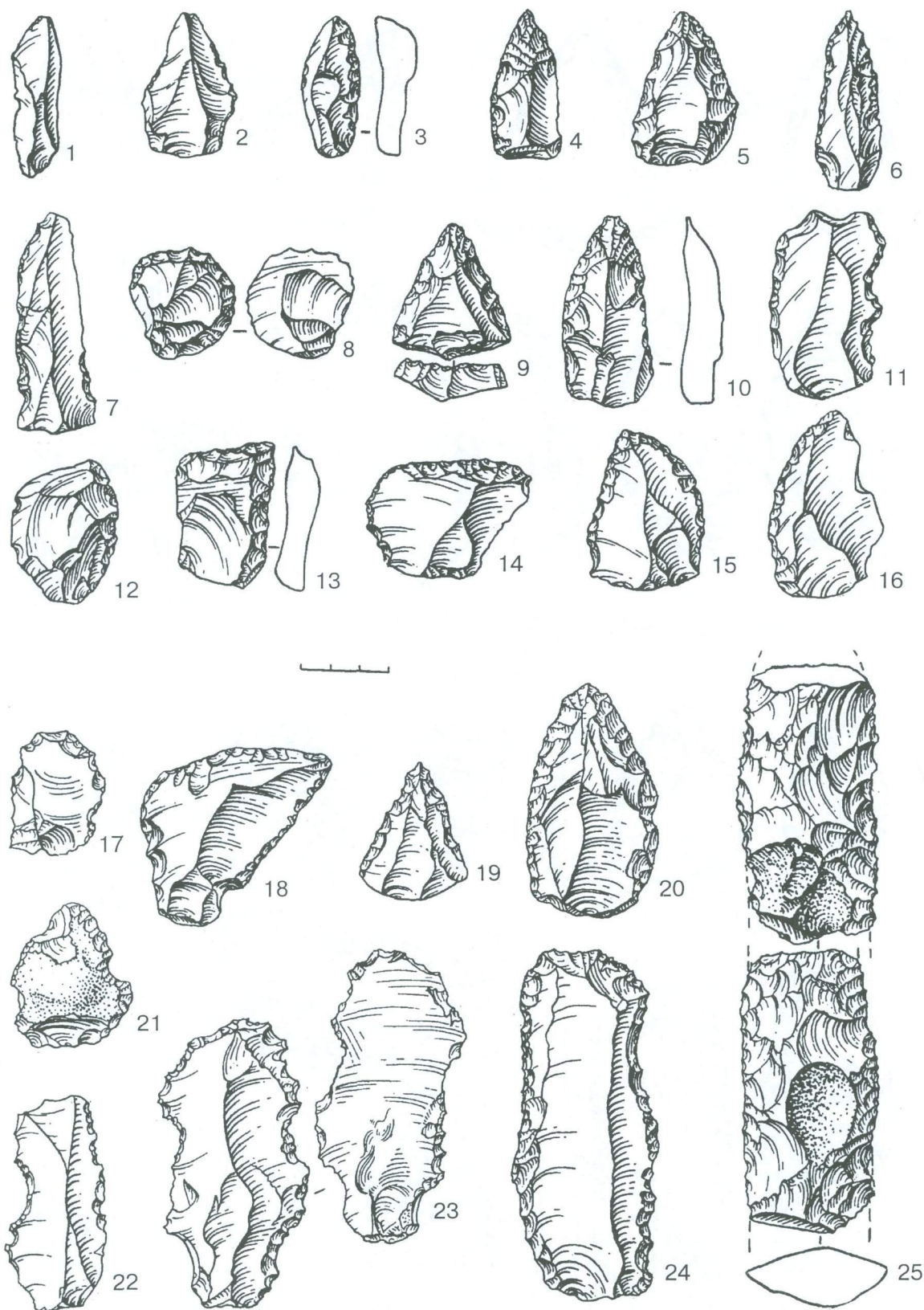

Рис. 50. Пещерные стоянки Сакажия в Имеретии (1—16) и Ахштыр в Сочинском Причерноморье (17—25). Образцы орудий:

1, 7 — пластины; 2 — острие леваллуа; 3, 12, 16 — боковые скребла; 4—6, 9, 10, 19 — мустьерские остроконечники; 8, 17 — скребки; 11, 21—23 — зубчатые орудия; 13, 15, 18 — угловатые скребла; 14 — поперечное скребло; 20 — конвергентное скребло; 24 — двойное боковое скребло + концевой скребок; 25 — фрагмент двусторонне обработанного орудия (наконечника?) (по: [Ниорадзе 1992; Замятин 1961])

Заключение

На современном уровне наших знаний можно дать следующую общую характеристику ранней преистории Кавказа. Заселение Кавказского перешейка в раннем и среднем палеолите шло преимущественно с юга и носило прерывистый и пульсирующий характер. В этом процессе выделяются, как представляется, несколько не связанных между собой этапов. Хронологические и географические рамки заселения Кавказа на каждом из этих этапов регламентировались в основном природными условиями, существовавшими на протяжении плейстоцена в разных частях региона и на сопредельных ему территориях. Благоприятные и неблагоприятные изменения природной среды определялись прежде всего глобальными колебаниями климата, однако большое влияние на развитие палеоэкологической ситуации на Кавказе оказывали также региональные факторы — формирование сложного горного рельефа, проявления вулканизма и трансгрессивно-регрессивные состояния окружающих морей. Географическое распределение ранне- и среднепалеолитических памятников отражает неравномерность расселения внутри региона, обусловленную, очевидно, не только предпочтением определенных ландшафтов, но и распространением горных пород, подходящих для изготовления каменных изделий.

На протяжении раннего палеолита, то есть в доашельский и ашельский периоды, заселение Кавказа происходило со стороны Ближнего Востока, точнее, Леванта. Миграционные пути расселявшихся из Леванта на Кавказ гоминид должны были пролегать через Армянское нагорье — обширную горную область, включающую вулканические нагорья Армении и Южной Грузии и сопредельные с ними горные районы Турции (Восточная Анатолия). Древнейшие миграции изготовителей доашельских индустрий представлены пока единичными и далеко отстоящими друг от друга по времени памятниками (южногрузинская Дманисская стоянка рубежа верхнего плейстоцена и плейстоцена и два памятника с возрастом около 1 млн. лет). Они отражают, возможно, эпизодичность первых попыток освоения Кавказа, но у нас еще очень мало данных для оценки продолжительности и, тем более, частоты таких эпизодов. Первопришельцы, как показывают антропологические находки в Дманиси, относились к наиболее древней разновидности архантропов (*Homo ergaster* — ранняя форма *Homo erectus*). Само проникно-

вание ранних гоминид в эти горные области, а также реконструируемые по материалам названных памятников ландшафтно-климатические условия говорят о том, что это были довольно теплые периоды, когда природные условия Армянского нагорья и некоторых других районов Кавказа были вполне комфортными для пришельцев с юга. Судя по всей совокупности данных, формирование и первоначальное распространение ранних людей происходило в ландшафтах, приуроченных к тектоническим структурам Африкано-Аравийского рифта. Далее к северу они находят продолжение в зоне разломов и вулканизма, пересекающей Восточную Анатолию и Кавказ. Благодаря этому Левант и Кавказ оказались связанными системой межгорных проходов, где образовывались привычные для расселявшихся гоминид открытые и полуоткрытые ландшафты с цепочками озер. Адаптация к горному рельефу облегчалась тем, что высоты гор Восточной Анатолии и Кавказа были тогда значительно меньше современных.

Активное заселение Кавказа, которое можно условно назвать «колонизацией», началось, однако, относительно поздно — во вторую половину ашельской эпохи. Абсолютные датировки для этого этапа находятся в интервале примерно 0,6—0,3 млн. лет назад. Редкие антропологические находки указывают на связь этого этапа с *Homo erectus*. По сравнению с Левантом, носители ашельских индустрий с ручными рубилами распространились на Кавказе с большим запозданием. В то же время, недавнее открытие ашельской индустрии с нижним возрастным пределом около 0,8 млн. лет в Дагестане и находки очень архаичных рубил на севере Армении допускают, что первые визиты ашельских людей на Кавказ могли быть намного более ранними и, возможно, сопоставимыми по возрасту с древнейшими из ближневосточных ашельских стоянок (1,4—0,8 млн. лет). Характер распространения ашельских памятников показывает, что люди расселялись преимущественно в полосе Транскавказского поперечного поднятия, являющегося самым северным сегментом рифтовой зоны. Как в Африке и в Леванте, в этой зоне преобладали открытые пространства и имелось лавовое сырье. Несмотря на определенные параллели между ашельскими индустриями Леванта и Кавказа, проследить преемственность между ними затруднительно.

Это может быть объяснимо отчасти тем, что в ашеле Леванта использовалось преимущественно кремневое сырье, а на Кавказе ашельские новоселы столкнулись с иными породами, качества которых наложили отпечаток на технику обработки и формы изделий. Ашельские люди адаптировались к условиям Кавказа лучше своих предшественников. Они впервые освоили пещеры, проникли в глубину гор и продвинулись на территорию Северного Кавказа — вдоль морских побережий и через низкие перевалы в центральной части Большого Кавказа. Судя по материалам ашельских пещерных стоянок, включая памятники в современном высокогорье, они были заселены не только в фазы климатических оптимумов, но и в периоды относительных похолоданий.

Памятники эпохи среднего палеолита более многочисленны и более широко распространены, по сравнению с ашельскими, что позволяет говорить о еще более интенсивном заселении региона в этот период. В то же время, похолодание и поднятия гор не позволяли носителям мустьерских индустрий обживать высокогорные районы, которые были доступны их предшественникам. На сегодня можно предварительно выделить два этапа заселения Кавказа в период среднего палеолита. Антропологический тип населения был, судя по антропологическим находкам, неизменным — это были неандертальцы, но ни хронологически, ни культурно-генетически эти этапы между собой не связаны. Первый этап хронологически охватывает рисс-вюрм — начало вюрма. На Центральном Кавказе он представлен группой памятников с индустриями на пластинчатой основе. По технико-морфологическим характеристикам эти индустрии сопоставимы с ранними среднепалеолитическими леваллуа-мустьерскими индустриями Леванта, появляющимися примерно 250 тыс. лет назад. Отмечается сходство и между моделями обитания, реконструируемыми для раннего мустье обоих регионов. Особняком стоит Ильская стоянка, отражающая, возможно, первые контакты Кавказа с пришельцами из так называемого «микокского» мира (Крым, Русская равнина). К этому же раннему этапу среднего палеолита Кавказа с большей или меньшей долей уверенности можно отнести еще две-три стоянки, генезис индустрий которых пока неясен. Абсолютное большинство стратифицированных среднепалеолитических стоянок Кавказа относятся, по всей видимости, к среднему вюрму. Они распространяются на Кавказе после первого холодного максимума этого гляциала (75—60 тыс. лет назад) и исчезают около 35—32 тыс. лет назад. Для этого периода характерна большая пестрота облика индустрий. Некоторые из мустьерских индустрий Закавказья демонстрируют явное сходство с мустье гор Загроса (современный Иран), а в ряде индустрий Северо-Западного Кавказа проявляются некоторые общие черты со средним палеолитом юга Русской равнины и Крыма, указывающие, возможно, на формирование их под определенным влиянием «микокских соседей». Не исключено и непосредственное участие в этом пришельцев с севера, которое стало возможным после вызванной сильным глобальным похолоданием регрессии Черного моря, приведшей к уста-

новлению сухопутной связи с Крымом и к осушению Манычского пролива, который в предшествующий период межледниковья отделял Кавказ от Русской равнины. Модели обитания позднемустьерских людей отличались от их предшественников меньшей мобильностью и довольно длительным обживанием определенных районов, богатых пищевыми ресурсами и каменным сырьем. Средний палеолит Кавказа не имеет никаких связей с последующим этапом верхнего палеолита, развитие которого в регионе было обусловлено появлением здесь людей современного типа.

Весь ход ранней преистории Кавказа и роль региона в ранней преистории Евразии, как представляется, определялись его географическим положением и динамикой природной среды. Выгляда на картах как своеобразный мост между Ближним Востоком и Русской равниной, этот регион, однако, первоначально заселялся только с юга. Миграционные волны со стороны Леванта были неоднократными, но они перекачивались на Кавказ через Армянское нагорье лишь в периоды благоприятной ландшафтно-климатической обстановки, позволявшей ранним людям адаптироваться к условиям горной страны. В раннем палеолите люди осваивали прежде всего южную часть Кавказского перешейка. Хотя горы Большого Кавказа не являлись непреодолимой преградой, заселение расположенной за ними северной части региона происходило в целом позднее и носило ограниченный характер. Это объяснимо тем, что Северный Кавказ отличается менее благоприятным климатом и менее богатыми источниками каменного сырья. Поскольку соседствующая с ним Русская равнина почти лишена следов обитания там ашельских людей, можно говорить о том, что наклонные предгорные равнины Северного Кавказа являлись северной окраиной ашельской ойкумены в этой части Евразии. В то же время, есть основания полагать, что Кавказ был одним из промежуточных звеньев при продвижении раннепалеолитических людей на восток Евразии: в периоды регрессий Каспийского моря и осушения его северной мелководной части существовал короткий и прямой путь на территорию нынешней Средней Азии. Сходная ситуация существовала, видимо, и на раннем этапе среднего палеолита при расселении носителей пластинчатых мустьерских индустрий. На позднем этапе картина изменилась: холодный климат второй половины последнего оледенения и усиление роли горно-ледникового барьера Большого Кавказа затрудняли проникновение людей на северный склон кавказских гор и привели к большому обособлению Южного и Северного Кавказа. Южный Кавказ продолжает поглощать пришельцев с юга, а на Северном Кавказе возникает зона влияния носителей восточно-европейских микокских индустрий. Наряду со связями с сопредельными территориями в ранней преистории Кавказа прослеживается и автохтонное развитие, обусловившее определенное региональное и локальное своеобразие ранне- и среднепалеолитических индустрий, что объясняется прежде всего спецификой и вариабельностью природных условий и сырьевой базы.

Литература

- Алексеева 1974: *Алексеева Л. И.* Основные этапы истории развития раннеантропогенной фауны млекопитающих Восточной Европы: Автореф. дис. ... д-ра геол.-минерал. наук. М.
- Алексеева 1990: *Алексеева Л. И.* Ранняя антропогенная териофауна Восточной Европы // Труды Геологического института РАН. Т. 455. С. 1—109.
- Амирханов 1991: *Амирханов Х. А.* Палеолит юга Аравии. М.
- Амирханов, Деревянко 2004: *Амирханов Х. А., Деревянко А. П.* Разведки каменного века в Дагестане в 2003 году // Вестник Института истории, археологии и этнографии. Махачкала. Вып. 1.
- Антонов и др. 1977: *Антонов Б. А., Астахов В. Н., Бальян С. П. и др.* Основные особенности и этапы развития рельефа Кавказа // Геология четвертичного периода (плейстоцен). К X-му Конгрессу INQUA. Бирмингем, 1977. Ереван. С. 50—60.
- Асланян и другие, в печати: *Асланян С. А., Беляева Е. В., Колпаков Е. М., Любин В. П., Пилипосян А. С., Суворов А. В.* Армяно-российская экспедиция 2005 г. В печати.
- Аутлев 1963: *Аутлев П. У.* Абадзехская нижнепалеолитическая стоянка. Майкоп.
- Аутлев 1970: *Аутлев П. У.* Раннепалеолитические местонахождения р. Лабы // Учен. зап. Адгейского НИИ экономики, языка, литературы и истории. Т. 11: История, этнография, археология. Майкоп.
- Бальян 1969: *Бальян С. П.* Структурная геоморфология Армянского нагорья и окаймляющих его областей. Издательство Ереванского ун-та. Ереван.
- Бар-Иосиф 1997: *Бар-Иосиф О.* Нижнепалеолитические стоянки Юго-Западной Азии — свидетельства расселения человека из Африки // Человек заселяет планету Земля. Глобальное расселение гоминид. Материалы симпозиума «Первичное расселение человечества». М. С. 41—64.
- Беляева 1999: *Беляева Е. В.* Мустьерский мир Губского ущелья. Северный Кавказ. СПб.
- Бердзенишвили 1979: *Бердзенишвили Н. З.* Нижнепалеолитические памятники предгорной зоны Абхазии // МАГК. VIII. Тбилиси. С. 13—40. На груз. яз. с рус. резюме.
- Болиховская 1996: *Болиховская Н. С.* Палеогеографические закономерности развития лессово-почвенной формации Северной Евразии (по палинологическим данным): Автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. М.
- Бугианишвили 1979: *Бугианишвили Т. В.* Нижнепалеолитические памятники Гаре-Кахетского плоскогорья // МАГК. VIII. Тбилиси. С. 60—80. На груз. яз. с рус. резюме.
- Бугианишвили 1998: *Бугианишвили Т. В.* Новые находки каменного века в Квемо Картли // Дманиси I. Тбилиси. С. 245—246.
- Бугианишвили и др. 1990: *Бугианишвили Т. В., Векуа А. К., Векуа З. А., Мгеладзе Н. Р.* Древнейшее палеолитическое местонахождение // Палеолит Кавказа и сопредельных территорий. Тбилиси. С. 26—28.
- Векуа 1991: *Векуа А.* История животного мира — позвоночные // Грузия в антропогене. Тбилиси. С. 308—381.
- Васильев 1977: *Васильев Ю. М.* Плювиальные и аридные эпохи плейстоцена в области Каспия и их отношение к материковым оледенениям // Геология четвертичного периода (плейстоцен). К X-му Конгрессу INQUA. Бирмингем, 1977. Ереван. С. 204—207.
- Васильев 1982: *Васильев Ю. М.* Колебания уровня внутренних водоемов // Проблемы геологии и истории четвертичного периода (антропогена). М. С. 200—204.
- Векуа, Лордкипанидзе 2004: *Векуа А. К., Лордкипанидзе Д. О.* Уникальные открытия остатков древних гоминид в Дманиси // Археология и палеоэкология Евразии. Новосибирск. С. 50—57.
- Величко и др. 1980: *Величко А. А., Антонова Г. В., Зеликсон Э. М. и др.* Палеогеография стоянки Азых — древнейшего поселения первобытного человека на территории СССР // Известия АН СССР. Сер. географ. № 3.
- Верещагин 1959: *Верещагин Н. К.* Млекопитающие Кавказа. Л.
- Вишняцкий 2002: *Вишняцкий Л. Б.* Введение в преисторию. Кишинев.
- Габуня и др. 1988: *Габуня Л., Векуа А., Бугианишвили Т.* Среда обитания древнейших ископаемых людей Кавказа // Известия АН Груз. ССР. Сер. биол. Т. 14, № 5. С. 344—349.
- Габуня и др. 1996: *Габуня Л., Векуа А., Лордкипанидзе Д.* Природная обстановка первичного проникновения древнего человека в умеренные широты // Известия РАН. Сер. географ. № 6. С. 36—47.
- Габуня и др. 1998: *Габуня Л., Векуа А., Лордкипанидзе Д.* Экологическая среда Дманисского гоминида // Дманиси I. Тбилиси. С. 249—250.
- Гаспарян и др. 2004: *Гаспарян Б., Нагапетян С., Аракелян Д. и др.* Местонахождения каменного века Апаранской котловины // Археология, этнология и фольклористика Кавказа. Тбилиси.
- Гаспарян и др. 2005: *Гаспарян Б., Нагапетян С., Саркисян Г., Габриелян И.* Каменный век Таширского плато // Культура древней Армении. XIII. Материалы республиканской научной сессии. Ереван. С. 17—27.
- Гвоздецкий 1954: *Гвоздецкий Н. А.* Физическая география Кавказа. М.
- Гвоздецкий 1963: *Гвоздецкий Н. А.* Кавказ. Очерк природы. М.

- Гвоздецкий, Голубчиков 1987: *Гвоздецкий Н. А., Голубчиков Ю. Н.* Горы (в серии «Природа мира»). М.
- Гвоздецкий, Маруашвили 1977: *Гвоздецкий Н. А., Маруашвили Л. И., Карст* // Общая характеристика и история развития рельефа Кавказа. М. С. 188—196.
- Гиджрати 1987: *Гиджрати Н. И.* К проблеме интерпретации нижнепалеолитических отложений пещеры Ласок (Мыштулагты-лагат) в Северной Осетии // Проблемы интерпретации археологических источников. Орджоникидзе. С. 141—154.
- Голованова 1986: *Голованова Л. В.* Ашельские памятники Северного Кавказа: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Голованова 1991: *Голованова Л. В.* О двух путях заселения Северо-Западного Кавказа в мустьерскую эпоху // Древности Кубани: Материалы научно-практической конференции. Краснодар. С. 34—36.
- Голованова 1993: *Голованова Л. В.* К истории одной мустьерской культуры на Северном Кавказе // Вторая Кубанская археологическая конференция: Тез. докл. Краснодар. С. 24—27.
- Голованова 1994: *Голованова Л. В.* Проблемы перехода от раннего к среднему палеолиту на Северо-Западном Кавказе. СПб.
- Голованова, Дороничев 2003: *Голованова Л. В., Дороничев В. Б.* Палеолит Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар. С. 3—44.
- Голованова и др. 1998: *Голованова Л. В., Хоффекер Д. Ф., Харитонов В. М., Романова Г. П.* Мезмайская пещера (результаты предварительного изучения 1987—95) // РА. № 3. С. 85—98.
- Городецкая 2004: *Городецкая С. П.* Стратегии жизнеобеспечения в среднем палеолите Кавказа (по материалам стратифицированных памятников) // Древний Кавказ: ретроспекция культур. XXIV Крупновские чтения: сб. тез. М. С. 60—62.
- Григолия 1963: *Григолия Г.* Палеолит Квемо Картли (Погребенная пещера Цопи I. Тбилиси).
- Гулисашвили 1954: *Гулисашвили В. З.* Природные зоны и естественно-исторические области Кавказа. М.
- Гусейнов 1985: *Гусейнов М. М.* Древний палеолит Азербайджана. Баку.
- Джафаров 1983: *Джафаров А. К.* Мустьерская культура Азербайджана (по материалам Тагларской пещеры). Баку.
- Джафаров 1999: *Джафаров А. К.* Средний палеолит Азербайджана. Баку.
- Дороничев 1992: *Дороничев В. Б.* Раннеашельская стоянка в Треугольной пещере // Вопросы археологии Адыгеи. С. 102—134.
- Дороничев 1993: *Дороничев В. Б.* Мустьерские индустрии Большого Кавказа // Петербургский археологический вестник. № 7.
- Дороничев 1995: *Дороничев В. Б.* Палеолит Карачаево-Черкесии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Дороничев 2001: *Дороничев В. Б.* Первоначальное заселение Восточной Европы // Донская археология. № 3—4. С. 6—23.
- Дороничев 2004: *Дороничев В. Б.* Ранний палеолит Кавказа: между Европой и Азией // Невский археолого-историографический сборник. СПб. С. 235—261.
- Думитрашко 1977: *Думитрашко Н. В.* Условия формирования морфоструктур Кавказа // Общая характеристика и история развития рельефа Кавказа. М. С. 79—83.
- Думитрашко и др. 1966: *Думитрашко Н. В., Буяновский М. С., Гвоздецкий Н. А., Маслов Е. П.* Введение // Природные условия и естественные ресурсы СССР. Кавказ. М. С. 7—17.
- Думитрашко, Милановский 1977: *Думитрашко Н. В., Милановский Е. Е.* Древнее оледенение // Общая характеристика и история развития рельефа Кавказа. М. С. 239—242.
- Думитрашко и др. 1977: *Думитрашко Н. В., Милановский Е. Е., Бальян С. П., Саадян Ю. В.* Древнее оледенение Кавказа // Геология четвертичного периода (плейстоцен). К X-му Конгрессу INQA, Бирмингем, 1977. Ереван. С. 26—34.
- Ерицян 1970: *Ерицян Б. Г.* Ереванская пещерная стоянка и ее место среди древнейших памятников Кавказа: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ереван.
- Ерицян и др. 1996: *Ерицян Б. Г., Тадевосян С. В., Гаспарян Б. З.* Культурные особенности материалов местонахождения каменного века Джрабер (Армения) // Вестник Ереванского Ун-та. № 3. С. 125—139.
- Замятнин 1961а: *Замятнин С. Н.* Находка орудий шелльского времени близ станицы Саратовской на р. Псекупсе // Очерки по палеолиту. М.; Л. С. 63—66.
- Замятнин 1961б: *Замятнин С. Н.* Палеолитические местонахождения восточного побережья Черного моря // Очерки по палеолиту. М.; Л. С. 63—66.
- Казарян 1986: *Казарян Г. П.* Верхнеашельское местонахождение Атис I // АО. 1984. М. С. 433—434.
- Казарян, в печати: *Казарян Г. П.* Нижнепалеолитические памятники Атис // Труды АРАЭ. В печати.
- Каландадзе 1965: *Каландадзе А. Н.* Цонская пещера и ее культура // Пещеры Грузии. Т. 3. Тбилиси. С. 32—36.
- Карабанов и др. 2000: *Карабанов Е. Б., Кузьмин М. И., Вильямс Д. Ф. и др.* Глобальные похолодания Центральной Азии в позднем кайнозое согласно осадочной записи из озера Байкал // Доклады РАН. Т. 370, № 1. С. 61—66.
- Кикодзе 1984: *Кикодзе З. К.* Бифас-колуи в ашеле Кавказа // ВГМГ. Тбилиси. Т. XXXVIII. В. С. 55—63.
- Коробков 1995: *Коробков И. И.* Яштухская палеолитическая стоянка (вопросы геологии и условий залегания палеолитических индустрий): Тез. докл. по плановой теме 20 апреля 1992 г. // Археологические вести. № 4. С. 313—315.
- Котович 1964: *Котович В. Г.* Каменный век Дагестана. Махачкала.
- Лебедева 1978: *Лебедева Н. А.* Корреляция антропогенных толщ Понто-Каспия. М.
- Левковская 1994: *Левковская Г. М.* Палинологическая характеристика отложений Баракаевской пещеры // Неандертальцы Гупского ущелья на Северном Кавказе. Майкоп. С. 77—82.
- Любин 1957: *Любин В. П.* Палеолит Турции и проблема раннего расселения человечества // СА. Т. XXVII. С. 71—90.
- Любин 1961: *Любин В. П.* Нижнепалеолитические памятники Юго-Осетии // МИА. № 79. С. 9—78.
- Любин 1961: *Любин В. П.* Верхнеашельская мастерская Джрабер (Армения) // КСИА. Вып. 82. С. 59—67.
- Любин 1969: *Любин В. П.* Ранний палеолит Кавказа // Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. М. С. 154—168.
- Любин 1974: *Любин В. П.* Природная среда и первобытный человек в плейстоцене Кавказа // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М. С. 169—174.
- Любин 1977: *Любин В. П.* Мустьерские культуры Кавказа. Л.
- Любин 1984: *Любин В. П.* Ранний палеолит Кавказа // Палеолит СССР (в серии «Археология СССР»), М. С. 45—93.
- Любин 1989: *Любин В. П.* Палеолит Кавказа // Палеолит Кавказа и Северной Азии (В серии «Палеолит мира»). Л. С. 9—142.

- Любин 1993: Любин В. П. Хроностратиграфия палеолита Кавказа // СА. № 2. С. 5—14.
- Любин 1994: Любин В. П. Итоги комплексного изучения Баракаевской мустьерской стоянки // Неандертальцы Гупского ущелья на Северном Кавказе. Майкоп. С. 151—164.
- Любин 1996: Любин В. П. Проблемы первоначального заселения Северного Кавказа // XIX Крупновские чтения: Сб. тез. М. С. 105—108.
- Любин 1998а: Любин В. П. Ашельская эпоха на Кавказе. СПб.
- Любин 1998б: Любин В. П. Проблемы первоначального заселения человеком Кавказа и Евразии // АВ. № 5. СПб. С. 15—41.
- Любин, Барышников 1985: Любин В. П., Барышников Г. Ф. Охотничья деятельность древнейших обитателей Кавказа // КСИА. Вып. 181. С. 5—10.
- Любин и др. 1985: Любин В. П., Барышников Г. Ф., Черняховский А. Г. и др. Пещера Кударо I: опыт комплексного исследования // СА. № 3. С. 5—24.
- Любин, Беляева 2001а: Любин В. П., Беляева Е. В. К вопросу о транскавказских связях в нижнем и среднем палеолите // Третья Кубанская международная археологическая конференция: Тез. докл. Анапа. С. 78—83.
- Любин, Беляева 2001б: Любин В. П., Беляева Е. В. Макроорудия как показатель этапов первоначального расселения гоминид из Африки в Западную Азию // Каменный век Старого Света (к 90-летию П. И. Борисковского). СПб. С. 50—53.
- Любин, Беляева 2001—2002: Любин В. П., Беляева Е. В. Среднепалеолитические памятники Ингушетии и проблема миграций палеолитических людей в центральной части Большого Кавказа // Stratum Plus. № 1. С. 322—337.
- Любин, Беляева 2004а: Любин В. П., Беляева Е. В. Стоянка Homo egestus в пещере Кударо I (Центральный Кавказ). СПб.
- Любин, Беляева 2004б: Любин В. П., Беляева Е. В. Расселение ашело-мустьерских людей в центральной части Кавказского перешейка // Евразия. Этнокультурные взаимодействия и исторические судьбы: Тез. докл. науч. конф. М., 16—19 ноября 2004 г. М. С. 11—16.
- Любин, Беляева 2004в: Любин В. П., Беляева Е. В. Открытие следов нижнего палеолита на островных горах Пятигорья (Ставропольский край) // Проблемы первобытной археологии Евразии (к 75-летию А. А. Формозова). М. С. 104—111.
- Любин, Беляева 2005а: Любин В. П., Беляева Е. В. Роль сырьевой базы в вариативности ашельских и мустьерских индустрий Кавказа // Проблемы палеонтологии и археологии юга России и сопредельных территорий: Материалы междунар. конф. 18—20 мая 2005 г. Ростов-на-Дону. С. 58—59.
- Любин, Беляева 2005б: Любин В. П., Беляева Е. В. Человек и каменное сырье в палеолите Кавказа // Археоминералогия и ранняя история минералогии: Материалы Международного семинара. Сыктывкар. Республика Коми. Россия. 30 мая—4 июня 2005 г. Сыктывкар. С. 107—109.
- Любин и др., в печати: Любин В. П., Беляева Е. В., Мальсагов Б. Ж. Палеолит Ингушетии и проблема заселения палеолитическими людьми предгорных равнин Северного Кавказа. В печати.
- Любин, Куликов 1991: Любин В. П., Куликов О. А. О возрасте древнейших палеолитических памятников Кавказа // СА. № 4. С. 5—8.
- Любин, Соловьев 1971: Любин В. П., Соловьев Л. Н. Исследование Малой Воронцовской пещеры на Черноморском побережье Кавказа // Палеолит и неолит. Т. 6. МИА СССР. 173. С. 7—40.
- Любин, Щелинский 1972: Любин В. П., Щелинский В. Е. Новые данные о нижнем палеолите Сочинско-Абхазского Причерноморья // БКИЧП. № 38. С. 88—98.
- Майсурадзе и др. 1998: Майсурадзе Г., Ахвледиани Р., Клопотовская Н. Геолого-геоморфологический и палеогеографический очерк нижней Картли // Дманиси I. Тбилиси. С. 178.
- Мансуров 1971: Мансуров М. М. О находке ручных рубил в Западном Азербайджане // КСИА. Вып. 126. С. 37—39.
- Маруашвили и др. 1978: Маруашвили Л. И., Мамаиашвили Н. С., Векуа А. К., Тушабрамишвили Д. М. История развития пещерной системы и ее окрестностей // Изучение пещер Колхиды. Тбилиси. С. 183—191.
- Милановский 1968: Милановский Е. Е. Новейшая тектоника Кавказа. М.
- Милановский 1976: Милановский Е. Е. Рифтовые зоны континентов. М.
- Милановский 1977а: Милановский Е. Е. Краткая история кавказского перешейка // Общая характеристика и история развития рельефа Кавказа. М. С. 206—220.
- Милановский 1977б: Милановский Е. Е. Позднеорогенный вулканизм // Общая характеристика и история развития рельефа Кавказа. М. С. 206—220.
- Муратов 1969: Муратов В. М. Палеогеографические условия палеолитических стоянок Северного Кавказа // Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. М. С. 168—171.
- Муратов, Аутлев 1971: Муратов В. М., Аутлев П. У. Среднекавказское раннепалеолитическое поселение // Палеолит и неолит. Т. 6. МИА СССР. 173. С. 41—48.
- Мусеилов 1975: Мусеилов М. А. Геоморфология и новейшая тектоника Среднекуринской впадины. Баку.
- Несмеянов 1999: Несмеянов С. А. Геоморфологические аспекты палеоэкологии горного палеолита (на примере Западного Кавказа). М.
- Никифорова 1982а: Никифорова К. В. Положение нижней границы четвертичной системы СССР // Четвертичная система. М. Полутом 1. С. 108—210.
- Никифорова 1982б: Никифорова К. В. Введение // Проблемы геологии и истории четвертичного периода (антропогена). М. С. 5—7.
- Никифорова 1982в: Никифорова К. В. Стратиграфическое расчленение и корреляция верхнеплиоценовых и четвертичных отложений // Проблемы геологии и истории четвертичного периода (антропогена). М. С. 36—88.
- Ниорадзе 1992: Ниорадзе М. Г. Пещерные стоянки древнекаменного века в ущелье р. Цхалтитела. Тбилиси.
- Ниорадзе, Юстус 1998: Ниорадзе М. Г., Юстус А. Каменные орудия древнепалеолитической стоянки в Дманиси // Дманиси I. Тбилиси. С. 247—248.
- Новейший и современный вулканизм... 2005: Новейший и современный вулканизм на территории России. М.
- Паничкина 1950: Паничкина М. З. Палеолит Армении. Л.
- Попов 1983: Попов Г. И. Плейстоцен Черноморско-Каспийских проливов (стратиграфия, корреляция, палеофаунистика, геологическая история). М.
- Поспелова и др. 2001: Поспелова Г. А., Катичка А., Любин В. П., Шаронова З. В. Применение скалярных магнитных параметров пород для реконструкции палеоклимата в период формирования отложений в пещерах Кударо I и Кударо III (Южная Осетия, Грузия) // Физика Земли. № 10. С. 76—86.
- Праслов 1984: Праслов Н. Д. Ранний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР (в серии «Археология СССР»). М. С. 94—134.

Сардарян 1954: *Сардарян С. А.* Палеолит в Армении. Ереван.

Саядян 1977: *Саядян Ю. В.* К вопросу стратиграфии и палеогеографии плейстоцена Армении // Геология четвертичного периода (плейстоцен). К X Конгрессу INQUA, Бирмингем, 1977. Ереван. С. 86—90.

Твалчрелидзе, Лордкипанидзе 1998: *Твалчрелидзе М., Лордкипанидзе Д.* Особенности осадконакопления на территории стоянки первобытного человека Дманиси // Дманиси I. Тбилиси. С. 254—255.

Тернер 1997: *Тернер А.* Распространение ранних гоминид // Человек заселяет планету Земля. Глобальное расселение гоминид: Материалы симпозиума «Первичное расселение человечества». М. С. 7—20.

Тушабрамишвили 1969: *Тушабрамишвили Д. М.* Итоги работ, проведенных археологической экспедицией Государственного музея Грузии им. С. Н. Джанашиа в Квирильском ущелье в 1966 г. // АЭГМГ (отчеты 1965—1966 гг.). Тбилиси.

Тушабрамишвили 1978: *Тушабрамишвили Д. М.* Археологические памятники Цуцхватского многоэтажного пещерного комплекса // Изучение пещер Колхиды. Тбилиси. С. 127—182.

Тушабрамишвили 1981: *Тушабрамишвили Д. М.* Палеолит в Грузии // Пещеры Грузии. Т. 9. Тбилиси.

Тушабрамишвили 1984: *Тушабрамишвили Д. М.* Палеолит Грузии // ВГМГ. Тбилиси. Т. XXXVII-В. С. 5—27.

Тушабрамишвили, Небиеридзе 1974: *Тушабрамишвили Д. М., Небиеридзе Л. Д.* Итоги Квирильской и Цуцхватской археологической экспедиции в 1970—1971 гг. // АЭГМГ. Т. III. С. 14—27.

Федоров 1978: *Федоров П. В.* Плейстоцен Понто-Каспия. М.

Фоули 1990: *Фоули Р.* Еще один неповторимый вид. Экологические аспекты эволюции человека. М.

Харазян 1970: *Харазян Э. Х.* Геология новейших вулканических образований северо-западной части территории Армянской ССР (бассейны р. Ахурян и Дзорагет): Автореф. дис. ... канд. геол.-минерал. наук. Ереван.

Церетели 1977: *Церетели Д. В.* Плейстоценовые отложения Грузии и проблемы дальнейших их исследований // Геология четвертичного периода (плейстоцен). К X-му Конгрессу INQUA, Бирмингем, 1977. Ереван. С. 17—25.

Чабай 2004: *Чабай В. П.* Средний палеолит Крыма. Симферополь.

Чердынцев и др. 1959: *Чердынцев В. В., Страшиков Н. С., Полякова Л. М. и др.* Определение абсолютного возраста палеолитических стоянок Кударо и Костенки // Оптика, ядерные процессы / Изд. Казахского ун-та. Алма-Ата. С. 59—63.

Чистяков 1995: *Чистяков Д. А.* Мустьерские памятники Северо-Восточного Причерноморья. СПб.

Чочиева, Мамацашвили 1991: *Чочиева К. И., Мамацашвили Н. С.* История флоры и растительности // Грузия в антропогене. Тбилиси. С. 223—307.

Шатилова, Рамишвили 1990: *Шатилова И. И., Рамишвили И. Ш.* Растительность Грузии. Тбилиси.

Шкатова 1998: *Шкатова В. К.* К вопросу о роли оледенений в позднеплейстоценовой истории Каспия // Всероссийское совещание «Главнейшие итоги в изучении четвертичного периода и основные направления исследований в XXI веке». 14—19 сентября 1998 г.: Тез. докл. СПб. С. 144.

Шкатова 2005: *Шкатова В. К.* Палеогеография позднеплейстоценовых бассейнов Прикаспия // Проблемы палеонтологии и археологии юга России и сопредельных территорий: Материалы междунар. конф. 18—20 мая 2005 г. Ростов-на Дону. С. 113—114.

Щелинский 1975: *Щелинский В. Е.* Трасологическое изучение функций каменных орудий Губской мустьерской стоянки // КСИА. Вып. 141. С. 51—57.

Щелинский 2005: *Щелинский В. Е.* О стратиграфии и культурной принадлежности Ильской стоянки // IV Кубанская археол. конф.: Тез. и докл. Краснодар. С. 309—316.

Щелинский, Гагашьян 1980: *Щелинский В. Е., Гагашьян В. М.* Ашельское рубило из окрестностей Туапсе // СА. № 4. С. 244—248.

Щелинский, Кулаков 2005а: *Щелинский В. Е., Кулаков С. А.* Раннепалеолитическая стоянка Богатыри (палеонтологическое местонахождение Синяя Балка) на Таманском полуострове: результаты исследований 2003—2004 годов // Проблемы палеонтологии и археологии юга России и сопредельных территорий: Материалы междунар. конф. 18—20 мая 2005 г. Ростов-на Дону. С. 116—118.

Щелинский, Кулаков 2005б: *Щелинский В. Е., Кулаков С. А.* Стоянка Богатыри на Таманском полуострове — древнейший памятник раннего палеолита Восточной Европы // IV Кубанская археол. конф.: Тез. и докл. Краснодар. С. 304—309.

Щелинский и др. 2004: *Щелинский В. Е., Кулаков С. А., Бозински Г., Киндлер Л.* Открытие нижнепалеолитической стоянки на Таманском полуострове // Невский археолого-историографический сборник. СПб. С. 223—233.

Янина 2005: *Янина Т. А.* Дидакны Понто-Каспия (био-стратиграфия, палеогеография, корреляция) // Проблемы палеонтологии и археологии юга России и сопредельных территорий: Материалы междунар. конф. 18—20 мая 2005 г. Ростов-на Дону. С. 118—119.

Adler, Tushabramishvili 2004: *Adler D., Tushabramishvili N. D.* Middle Paleolithic Patterns of Settlement and Subsistence in the Southern Caucasus // Settlement Dynamics of the Middle Paleolithic and Middle Stone Age. Т. II. Tubingen. P. 91—132.

Bar-Oz, Adler 2005: *Bar-Oz G., Adler D. S.* Taphonomic history of the Middle and Upper Paleolithic Faunal Assemblages from Ortvala Klde, Georgian Republic // Journal of Taphonomy. Vol. 3, N. 4. P. 185—212.

Bar-Yosef 1994: *Bar-Yosef O.* The Lower Paleolithic of the Near East // Journal of World Prehistory. Vol. 8, N. 3. P. 211—265.

Bar-Yosef, Goren-Inbar 1993: *Bar-Yosef O., Goren-Inbar N.* The lithic assemblages of Ubeidiya. A lower palaeolithic site in the Jordan valley. Quedem 34. Jerusalem.

Baryshnikov 1999: *Baryshnikov G. F.* Bone assemblage from Acheulean and Mousterian levels in the Kudaro Caves in the Caucasus Mountains // The role of early humans in the accumulation of European Lower and Middle Paleolithic bone assemblages. (Monograph rom.-german. Zentralmus., Bd. 42). Mainz. P. 237—253.

Baryshnikov 2002: *Baryshnikov G. F.* Local biochronology of Middle and Late Pleistocene Mammals from the Caucasus // Russian Journal of theriology. 1. P. 61—67.

Baryshnikov, Hoffecker 1994: *Baryshnikov G. F., Hoffecker J. F.* Mousterian hunters of the NW Caucasus: preliminary results of recent investigations // Journal of Field Archaeology. N 21. P. 1—14.

Beliaeva 2004: *Beliaeva E. V.* Middle Paleolithic Settlement in the Gubs River Basin (N-W Caucasus) // Settlement Dynamics of the Middle Paleolithic and Middle Stone Age. Т. II. Tubingen. P. 133—150.

Beliaeva, Lioubine 1998: *Beliaeva E. V., Lioubine V. P.* The Caucasus-Levant-Zagros: possible relations in the Middle Paleo-

- lithic // *Anatolian Prehistory at the Crossroads of Two Worlds*. Vol. 1: ERAUL 85. Liege. P. 39—55.
- Binford 1980: *Binford L. R.* Willow smoke and Dogs' tails: Hunters-Gatherer Settlement systems and Archaeological Site Formation // *American Antiquity*. 45 (1). P. 4—20.
- Binford 1997: *Binford L. R.* Linking Ethnographic Information on Man-Bear Interaction to European Cave Bear Deposits // *L'Homme et L'Ours*. Colloque international. Auberives-en-Royans (Isère) du 4 au 6 Novembre 1997. Grenoble. P. 1—44.
- Binford L., Binford S. 1966: *Binford L. R., Binford S. R.* A preliminary analysis of functional variability in the Mousterian of Levallois facies // *American anthropologist*. 68 (N 8, part 2).
- Bosinski 1967: *Bosinski G.* Die mittelpalaolithischen Funde im westlichen Mitteleuropa. Koln.
- Bosinski 1992: *Bosinski G.* Eurasiens erster Mensch // *Geoskop*. 1. P. 166—167.
- Bosinski 1996: *Bosinski G.* Les origines de l'homme en Europe et en Asie. Atlas des sites du Paléolithique inférieur. Paris.
- Celiberti et al. 2001: *Celiberti V., Barsky., Cauche D. et al.* Les industries lithiques archaïques du site Dmanisi, Géorgie // XIV Congrès de L'Union Internationale des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques. Liège, 2—8 Septembre 2001. Pré-actes. Liege. P. 96—97.
- Copeland, Hours 1979: *Copeland L., Hours F.* Les bifaces du Nahr el Kébir // *Quaternaire et préhistoire du Nahr el Kébir septentrional. Les débuts de L'occupation humaine dans la Syrie du Nord et an Levant*. Travaux de la RCP 438. CNRS. Paris. P. 83—98.
- Djaparidze et al. 1989: *Djaparidze V., Bosinski G., Bugianschvili T. et al.* Der altpalaolithische Fundplatz Dmanisi im Georgian (Kaukasus) // *Jahrbuch des Romisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*. Mainz (1991). 36. P. 67—116.
- Dolukhanov 2000: *Dolukhanov P. M.* Microenvironment and the initial hominid settlement in Western Asia // *Early Humans at the gates of Europe*. ERAUL 92. Liege. P. 93—97.
- Duchadeau-Kervazo 1986: *Duchadeau-Kervazo C.* Les sites paléolithiques du bassin de la Dronne (nord de l'Aquitaine): observation sur le modes et emplacements // *Bulletin de la Société Préhistorique Française*. 83. P. 56—64.
- Gabunia 1992: *Gabunia L. K.* Der menschliche Unterkiefer von Dmanisi (Georgien, Kaukasus) // *Jahrbuch des Romisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*. Mainz. 39. P. 185—208.
- Gabunia 2000: *Gabunia M.* On an ancient man in the volcanic Mountainous region of South Georgia // *Early humans at the gates of Europe*. ERAUL 92. Liege. P. 43—47.
- Gabunia et al. 1999: *Gabunia L., Joris O., Justus A. et al.* Neue hominidenfunde des altpalaolithischen fundplatzes Dmanisi (Georgien, Kaukasus) im kontekst aktueller grabungsergebnisse // *Archaeologisches korrespondenzblatt*. 29. P. 451—488.
- Gabunia et al. 2002: *Gabunia L., Lumley M.-A. de, Vekua A., et al.* Découverte d'un nouvel hominide a Dmanisi (Transcaucasie, Géorgie) // *Compte Rendus de l'Académie des Sciences*. Paléovol 1. Paris. P. 243—255.
- Gabunia, Vekua 1995: *Gabunia L. K., Vekua A. K.* A plio-pleistocene hominid from Dmanisi, East Georgia, Caucasus // *Nature*. 373. P. 509—512.
- Gabunia et al. 2000: *Gabunia L., Vekua A., Lordkipanidze D.* Current research of the hominid site of Dmanisi // *Early humans at the gates of Europe*. ERAUL 92. Liege. P. 13—28.
- Golovanova, Doronichev 2003: *Golovanova L. V., Doronichev V. B.* The Middle Paleolithic of the Caucasus // *Journal of World Prehistory*. April 15. P. 5—140.
- Golovanova et al. 1999: *Golovanova L. V., Hoffecker J. F., Kharitonov V. M., Romanova G. R.* Mezmaiskaya cave: a neanderthal occupation in the Northern Caucasus // *Current anthropology*. Vol. 40, N. 1. P. 77—86.
- Gore 2002: *Gore R.* The first pioneer? A new find shakes the human family tree // *National Geographic*. August. N 2.
- Dolukhanov et al. 2004: *Dolukhanov P. M., Aslanian C. A., Kolpakov E. M., Belyaeva E. V.* Prehistoric sites in Northern Armenia // *Antiquity*. Vol. 78, N 301.
- Hidjrati et al. 2003: *Hidjrati N. I., Kimball L. R., Koetje T.* Middle and Late Pleistocene investigations of Mystulagty Lagat (Weasel Cave) North Ossetia, Russia // *Antiquity*. Vol. 77, N 298.
- Hoffecker, Baryshnikov 1998: *Hoffecker J. F., Baryshnikov G. F.* Neanderthal ecology in the Northwestern Caucasus: faunal remains from the Borisovskoe gorge sites // *Quaternary Paleozoology in the Northern Hemisphere*. Vol. XVII: Illinois State Museum Scientific Papers. Springfield. P. 186—211.
- Hoffecker et al. 1991: *Hoffecker J. F., Baryshnikov G. F., Potapova O.* Vertebrate remains from the Mousterian site of Il'skaya (Northern Caucasus, USSR): new analysis and interpretation // *Journal of Archaeological Science*. 18. P. 113—147.
- Hoffecker, Cleghorn 2000: *Hoffecker J. F., Cleghorn N.* Mousterian hunting patterns in the Northern Caucasus and ecology of Neanderthals // *International journal of Osteoarchaeology*. N 10. P. 368—378.
- Hovers 2001: *Hovers E.* Terrestrial behavior in the Middle Paleolithic of the Southern Levant // *Settlement Dynamics of the Middle Paleolithic and Middle Stone Age*. Tübingen. P. 123—152.
- Kuhn 1995: *Kuhn St.* Mousterian lithic technology. An ecological approach. Princeton University Press. Princeton.
- Ljubin, Bosinski 1995: *Ljubin V. P., Bosinski G.* The earliest occupation of the Caucasus region // *The earliest occupation of Europe*. Leiden. P. 207—253.
- Lumley et al. 2002: *Lumley H., de, Lordkipanidze D., Feraud G. et al.* Datation par la méthode $^{40}\text{Ar}/^{39}\text{Ar}$ de la couche de cendres volcaniques (couche VI) de Dmanissi (Géorgie) qui a livré des restes d'hominidés fossiles de 1,81 MA // *Compte Rendus de l'Académie des Sciences*. Paléovol 1. Paris. P. 181—189.
- Maisuradze 1995: *Maisuradze G.* Geologisch-geomorphologische Untersuchungen im Masavera-Becken (Sudost Georgien) // *Jahrbuch des Romisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*. Mainz. 42. P. 25—49.
- Mellars 1996: *Mellars P. A.* The Neanderthal Legacy: An archaeological perspective from Western Europe. University Press. Princeton.
- Minzoni-Deroche 1990: *Minzoni-Deroche A. et Sanlaville P.* Le paléolithique inférieur de la région de Gaziantep // *Paléorient*. Préhistoire du Levant. Processus des changements culturels. Hommage à Francis Hours. Paris. P. 87—98.
- Muhsen 1985: *Muhsen S.* L'Acheuléen Récent Évolué de Syrie // *BAR International series* 248. Oxford.
- Nioradze, Otte 2000: *Nioradze M. G., Otte M.* Paléolithique supérieur de Géorgie // *L'Anthropologie*. Vol. 104, N 2. P. 265—300.
- Oliva 2000: *Oliva M.* Le Paléolithique Moyen en Moravie: les industries lithiques et leurs matières premières // *Toward Modern Humans*. The Yabrudian and Micoquian 400—50 k-years ago. Proceedings of a Congress held at the University of Haifa. November 3—9. 1996 // *BAR International Series* 850. Oxford. P. 61—75.
- Philip et al. 1989: *Philip H., Cisternas A., Gvishiani A., Gorshkov A.* The Caucasus: An actual example of the initial stages of continental collision // *Tectonophysics*. Vol. 61. P. 1—21.
- Peresani 2001: *Peresani M.* An Overview of the Middle Paleolithic Settlement System in North-Eastern Italy // *Settlement*

Dynamics of the Middle Paleolithic and Middle Stone Age. Tübingen. P. 485—506.

Rolland 1985: *Rolland N.* Exploitation du milieu et subsistance au cours de la préhistoire ancienne de la Grèce // *Culture*. V (1). P. 43—61.

Schmincke, Bogaard 1995: *Schmincke H.-U., Bogaard P.* Die Datierung des Masavera basaltavastroms // *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*. Mainz. 42. P. 75—76.

Shackleton, Opdyke 1976: *Shackleton N. J., Opdyke N. D.* Oxygen-isotope and paleomagnetic stratigraphy of Pacific Core v. 28—239. Late Pliocene to Latest Pleistocene // *Geological Society of America*. N 145.

Shchelinskij 1993: *Shchelinskij V. E.* Outils pour travailler le bois et l'os au Paléolithique inférieur et moyen de la Plaine russe et du Caucase // *Traces et fonction: les gèstes retrouvés*. Colloque international de Liège, 8—9—10 décembre 1990. ERAUL 50. Liège. P. 309—315.

Shchelinskij 1998: *Shchelinskij V. E.* Der Mittelpalaolithische Fundplatz Ilkaya II im Westlichen Kubangebiet // *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums*. Mainz. 45.

Stiner 1994: *Stiner M.* Honor among Thieves. A Zooarchaeological study of Neanderthal Ecology. Princeton.

Taskiran 1998: *Taskiran H.* The distribution of bifaces in Anatolia // *Anatolian Prehistory at the Crossroads of Two Worlds*. Vol. II. ERAUL 85. Liège. P. 569—577.

Tillet 2001: *Tillet T.* Le Paléolithique Moyen dans les Alpes et le Jura: Exploitation de Milieux de contraintes d'Altitude // *Settlement Dynamics of the Middle Paleolithic and Middle Stone Age*. Tübingen. P. 421—446.

Turq 1988: *Turq A.* Le Paléolithique inférieur et moyen en Haut-Agenais: état des recherches // *Revue de l'Agenais*. 115. P. 83—112.

Vekua 1995: *Vekua A.* Die Wirbeltierfauna des Villafranchium von Dmanisi und ihre biostratigraphische Bedeutung // *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*. Mainz. 42. P. 77—180.

Zaidner 2001: *Zaidner Y.* The small-tool site of Bizat Ruhama, Israel // *XIV Congrès de L'Union Internationale des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques*. Liège, 2—8 Septembre 2001. Pré-actes. Liège. P. 91.

Zamiatnine 1929: *Zamiatnine S. N.* Station Mousterienne Ilkaya, province de Kouban (Caucase du Nord) // *Revue anthropologique*. 7—8.

Список сокращений

- АО — Археологические открытия
АРАЭ — Армяно-российская археологическая экспедиция
АВ — Археологические вести
АЭГМГ — Археологические экспедиции Государственного музея Грузии им. С. Н. Джанашия
БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии им. С. Н. Джанашия
КСИА — Краткие сообщения Института Археологии АН СССР
МАГК — Материалы по археологии Грузии и Кавказа
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
РА — Российская археология
СА — Советская археология
BAR — British Archaeological Reports
ERAUL — Etudes et Recherches Archéologiques de l'Université de Liège
INQUA — International Union for Quaternary Research

Summary

Introduction. The present monograph is the first attempt to draw a general scenario of the early prehistory of the Caucasus. All available archaeological data are considered against reconstructed natural background.

Chapter 1 «Geographic overview of the Caucasus at present and environmental dynamics in Pleistocene» begins with a brief description of geographic limits of the region, principal elements of relief and diversity of landscape. It is noted that a wide environmental variability in the Caucasus isthmus reflects above all a complex relief created to a large extent by neotectonics. As a result of drifting of the Arabian plate to the north in the Caucasus there was formed a system of faults and folds of both sub-latitudinal and sub-meridional orientation (fig. 4). The former are represented by principal mountain chains including the Great Caucasus range as well as by intermountain depressions. The main sub-meridional morphostructure is so-called Transcaucasian transverse uplift (TTU) that extends in the medial belt of the isthmus. The TTU contains volcanic plateaus of South Georgia and Armenia, the Suram ridge, the Kazbek-Elbrus volcanic zone of the Great Caucasus range and — in the Northern Caucasus — the Piatigorie volcanic mounts and the Stavropol elevation (fig. 3). The morphostructure of TTU is considered by geologists as connected with the Great African-Arabian rift through great folds of the Western Anatolia (Turkey) where the Eastern and Western Euphrates valleys were laid. A natural history of the Caucasus during the Pleistocene period was very complicated. In the region there were established numerous favorable and unfavorable environmental changes correlating in general to global climate fluctuations. At the same time, a paleoecological situation there was strongly influenced by a set of regional factors such as forming of highly variable mountain relief, mountain glaciations and periodic volcanic activity as well as transgression-regression cycles of the Black Sea and of the Caspian Sea basins. From time to time during large Caspian transgressions vast lowlands of the Eastern Caucasian became bays. In maximum phases of transgression sea water penetrated to the Kuma-Manych depression in the north limits of the region and a temporal strait isolated the Caucasus from the Russian plain (fig. 7, 10A). The TTU zone seemed to be the most suitable for Paleolithic settlement because of moderately elevated and rugged relief with widespread open landscape and abundant deposits of raw material, in particular, volcanic rocks.

Chapter 2 «First migrations of early hominids to the Caucasus» is focused on a problem of initial human appearance in the Caucasus. Today the earliest migrations of pre-Acheulian bearers are represented there by three sites (fig. 11) widely separated in time. The earliest is a famous site of Dmanisi (South Georgia) with Oldowan-like industry (fig. 12—16) and fossils of *Homo ergaster* dated to Pliocene-Pleistocene border (around 1,8 MY). Humans lived there near a small lake in savanna-like landscape. All the data suggest a relatively long human occupation of the site and increasing aridization in the later period, after the Olduvai event. Two younger sites (Akhalkalaki and Bogatyri) contain small non-bifacial assemblages associated with the Taman faunal complex (around 1 MY). The Ahalkalaki open-air site (fig. 18) is located not far from Dmanisi, in the South-Georgian volcanic plateau (northern part of the Armenian upland). Of great interest is also the Bogatyri site found recently in the Taman peninsula (Azov Sea coast) but a question about simultaneity of fauna and lithics is still under study. Early humans appeared to migrate to the Caucasus from the Near East, or more correctly, from the Levant. Ways of migration extended likely along the aforementioned rift system — through the so-called Levantine corridor and

then across vast areas of the Armenian upland containing volcanic plateaus of Armenia, South Georgia and adjacent mountain territories of Turkey (Eastern Anatolia) (fig. 17) where there were formed relatively similar environments. A break of occupation at Dmanisi and a great interval between this episode and the next one (Akhalkalaki, Bogatyri (?)) may be explained by a global climate shift to colder conditions that began just after the Olduvai event (fig. 6). This deterioration of ecological situation might prevent early hominids from penetration to mountain areas.

Chapter 3 deals with the Acheulian stage characterized by much more extensive occupation of the Caucasus. There were found six multilevel cave sites, four open-air sites and several tens of surface occurrences with Acheulian artifacts. Rare anthropological remains from cave sites (Kudaro I, Azykh) were attributed to *Homo erectus* or *Homo heidelbergensis*. Biostratigraphic data and several absolute dates for this stage indicate to a chronological interval 0.6—0.3 MY. However, some evidences of somewhat earlier beginning of the Acheulian occupation of the region have been obtained recently. A peculiar flint micro-industry associated with hand-axes was found in the gravel conglomerates within a Caspian Sea terrace reflecting an early stage of the «Baku» transgression, which age is evaluated around 0.8—0.6 MY. Then, thanks to a special survey in volcanic area of northern Armenia, within the aforementioned TTU zone there was found a series of localities containing both typical Late Acheulian artifacts and those of evidently earlier age. The archaic forms include very large, massive and roughly flaked hand-axes (fig. 21, 22), crude cleaver-like tools (fig. 27, 28) and true pics (23, 24). Pics are known to be characteristic tool types of Early Acheulian industries such as, for example, lithic assemblage of a famous site of Ybeidiya in the Levant (around 1.4 MY). Some other archaic finds including a large chisel-ended biface from Abkhazia, Black Sea-side (fig. 20) should be taken into account too. On the whole, nevertheless, most Acheulian localities of the region may be attributed to Late Acheulian. It is noteworthy that there is observed a considerable variability of industries explained by their different origins, a strong effect of available raw material varieties (lava rocks, flint, schist, sandstone, hornstone etc.) as well as by probable forming of new local traditions. Like their predecessors, bearers of Acheulian industries had to come to the Caucasus from the Levant and may use the same natural roads. Though in the Levant and the Caucasus Acheulian there are some common features no clear relations between certain industries of these regions may be followed now. One may suppose that probable ancestral Levantine industries were considerably transformed as a result of changing raw material base. In other words, when moving from the Levant to the Caucasus flint users of Levantine Acheulian had to adapt their flaking techniques and morphological preferences to engineering properties of volcanic rocks of the Armenian upland. In the Caucasian part of the upland there is a great number of obsidian as well as andesite and dacite deposits associated with a numerous localities extremely rich in Acheulian finds (fig. 21—30, 32) including indicative early tool types. This area may be regarded as a base or «spring-board» of Acheulian newcomers. To the north from the upland the Acheulian localities become less frequent and contain rare bifaces in spite of presence of plentiful sources of flint in several parts of the region. Geographic arrangement of the Acheulian localities (fig. 3) appears to reflect a real unevenness of human distribution within the Caucasus isthmus. This pattern evidently resulted from preferring certain kinds of landscape and placing not far from deposits of suitable raw materials. It is not surprise that a majority of sites is located within the

TTU belt described above as a zone of the most favorable habitats. Outside the Armenian upland a settlement along this zone is marked by lava bifaces from localities in foothills of the central part of the Great Caucasus (fig. 34, 39: 1) and bifaces found near the Suram ridge (fig. 33) as well as by biface-containing industries of the Kudaro I and Tsona cave sites in highland of the Central Caucasus (fig. 37, 38, 39: 2). It seems quite possible that people moved farther to the Northern Caucasus directly along this zone because a barrier of the Great Caucasus range near the Kazbek paleo-volcano considerably lowers and there is a series of surmountable passes (fig. 36). A presence of Acheulian humans in the central part of the Northern Caucasus is confirmed by the Kinjal open-air site (fig. 41) found recently in one of the Piatigorie mounts. Outside the TTU zone humans may move to east and west parallel to the southern slopes of the Great Caucasus and then round this mountain barrier along paleo-shores of the Black and Caspian seas. Acheulian localities were found and continue to be being found in Dagestan (Caspian Sea-side) and in the Abkhasia-Sochian part of the Black Sea-side (fig. 20, 31). In the Northern Caucasus traces of Acheulian occupation are concentrated in the Kuban river basin (fig. 11). Late Acheulian forms predominate there (fig. 35) but single bifaces of clearly older age were met too (fig. 19). As a special type of Acheulian one may regard a pebble industry of the Treugolnaya cave site (fig. 40) dated back to OIS 11 (Holstein interglacial). To judge by paleoecological data from cave sites, Acheulian humans were active hunters and their adaptation to mountain environments was quite successful. All the available data suggest that the Caucasus Acheulian industries have no relations with the Mousterian ones as in chronological as in archeological aspects.

Chapter 4 is devoted to the Middle Paleolithic period of the Caucasus occupation. This period is represented by more than 400 localities including 46 stratified sites, which are mainly multilevel cave shelters. A pattern of geographical distribution of the Middle Paleolithic sites (fig. 42) is very similar generally to that of Acheulian (fig. 11) though some new areas were occupied and some previous habitats were left or only visited (highlands). A settlement system demonstrates evident preference of areas rich in raw material deposits and, especially, caves. Compared to Acheulian, a variability of the Caucasus Middle Paleolithic industries considerably increases but most assemblages may be generally attributed to Mousterian excluding probably several industries with Micoquian features in the North-Western Caucasus (fig. 45, 49). All scarce anthropological remains belong to Neanderthals. Their subsistence based on diversified hunting though in certain sites there are evidences of specialization concerning the most important game: e.g. bison in forest-steppe habitats of the North-Western Caucasus and mountain goat in the gorges of Western Georgia. On the present level of our knowledge one may recognize two stages of Middle Paleolithic occupation of the region. The earliest is represented by a whole group of sites with blade industries located in the both slopes of the Central Caucasus (Myshtulagty lagat (Weasel Cave) in North Ossety and Kudaro I, Kudaro III, Tsona, Djruchula, Hviraty in South Ossety). Analysis of bio-stratigraphic data and evaluations of absolute age points to the interval OIS 5e-5a (Eemian-early Weichselian). Technologically and morphologically these industries resemble the Early («D») Mousterian of the Levant. The Kudaro-Djruchula site group includes three short-term hunting camps in highland caves with a selected tool set dominated by elongated points («personal gear») (fig. 43: 5—11; 44), a site of longer duration in foothills (fig. 43: 1—4) and workshop. A distance between the remotest points reaches 100 km. Hence, all indicates to a high mobility and exploitation of vast areas. Of interest is that this model has analogies in a pattern of territorial

behavior reconstructed for the Levantine «D» Mousterian. An age correlating to OIS 5e-5a was also supposed for five other sites. One of them yielded very poor finds (Matuzka, North-Western Caucasus) and three sites (Erevan, Lusakert in Armenia, Azykh in Azerbaijan (fig. 46)) have unclear bio-stratigraphic context and no reliable dates. Argued early Weichselian age of the open-air site Ilskaya (fig. 45) requires to be confirmed but seems more probable. This site whose industry shows certain Micoquian traits may reflect close contacts between different traditions of the Caucasus and East-European Middle Paleolithic that became possible in OIS 5d-a after a large regression of the Black Sea and disappearance of the Manych strait (fig. 10). The Ilskaya site shares a number of industrial features with some later sites of the North-Western Caucasus (fig. 45, 49). On the whole, however, both chronological and cultural relations between the earliest stage of the Middle Paleolithic occupation and the subsequent stage seem to be absent. Most Mousterian sites of the region belong to this late stage. All the data permit to date this stage as interval from very end of OIS 4, i.e. from not earlier than 60 KY up to 36—32 KY. One may believe that the second and last stage of Mousterian occupation was interrupted during a very cold period shortly before the Denekamp interstadial. This stage is characterized by a maximum degree of industrial variability. It seems that this reflects influx of different populations as well as long isolated development of certain local human groups. Several industries of the Lesser Caucasus (Taglar, Gazma (fig. 47), Dashsalakhly) show close relations to the Mousterian of the Zagros region (modern Iran) whereas many industries of the North-Western Caucasus (Mezmay, Barakaevskaya, Monasheskaya (fig. 45, 49)) share many traits with the Micoquian industries of the adjacent Crimea and East-European Plain. Origins of most industries are still unclear. Of interest is that a majority of multilevel sites contain only one industry, i.e. certain human groups «possessed» their sites for a very long time. Of special importance are three groups of multilevel cave sites. The first consists of Monasheskaya, Barakaevskaya (fig. 49) and several other sites in the Gubs gorge, North-Western Caucasus; the second contains Sakajia (fig. 50: 1—16), Ortvala and Chahati in the Tskhaltsitela gorge in Western Georgia; the third is represented by sites of the Shabatagele gorge neighboring to that of the Tskhaltsitela (Bronzovaya cave (fig. 48: 21—34) and four other sites). The three groups are distinguished for local and stable cultural traditions developed in time within limited territories. There were no special-purpose camps. Archaeological data permit to reconstruct probably periodic but simultaneously continuous inhabitation in each of sites. Hence, compared to the early Mousterian pattern of settlement for a Late Mousterian one may speak about decreasing mobility and some kind of control over occupied territory and local natural resources. It is noteworthy that this tendency of changes is in agreement with that reported for the later stages of the Levantine Mousterian. One may suppose that these considerable changes in settlement patterns were predetermined by ecological or/and behavioral shifts, which took place after dramatic period of very cold conditions of the Mousterian Pleniglacial (OIS 4).

Generally, we may conclude that the Early and Middle Paleolithic humans moved to the Caucasus mostly from the south and this process seemed to be rather discontinuous and pulsating. At least five unrelated stages of settlement may be recognized there for today. Both chronological and geographic ranges of human occupation of the Caucasus in each stage as well as settlement patterns were depended on natural circumstances, which existed during the Pleistocene in different parts of the region and in neighboring areas.

Оглавление

Введение	7
Глава 1. ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК СОВРЕМЕННОГО КАВКАЗА И ДИНАМИКА ПРИРОДНЫХ УСЛОВИЙ В ПЛЕЙСТОЦЕНЕ	11
Глава 2. ПЕРВЫЕ МИГРАЦИИ РАННИХ ГОМИНИД НА КАВКАЗ.	26
Глава 3. ЗАСЕЛЕНИЕ КАВКАЗА В АШЕЛЬСКУЮ ЭПОХУ.	40
Глава 4. ЗАСЕЛЕНИЕ КАВКАЗА В СРЕДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ	74
Заключение	97
Литература	99
Список сокращений	105
Summary	106

15009p.

5867